

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 Том 28 № 2

doi: 10.22363/2313-2337-2024-28-2

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Руководство производством журнала,
техническое и организационное
обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты
с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Научная политика, организация
отбора статей, качество
публикуемых материалов,
формирование выпусков.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Андреева Полина Николаевна,
кандидат юридических наук,
РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Переписка с авторами,
документооборот журнала,
информационная инфраструктура
журнала, организация
рецензирования материалов.
E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагोटтопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *ПИИЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учёными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы: *И.А. Гроник, К.В. Зенкин*
Редактор-переводчик *В.В. Степанова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16;
e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.05.2024. Выход в свет 15.06.2024.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,73. Тираж 500 экз. Заказ 614. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2024 VOLUME 28 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-2

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system:
<http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors: *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator *V.V. Stepanova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Зайцева Е.С.** Социально-правовой мониторинг и его значение для установления пределов правового регулирования 263
- Гетьман-Павлова И.В.** Происхождение правил выбора применимого права: первобытная эпоха 280
- Рокитянский С.Г.** Надзорные органы в системах власти России и отдельных зарубежных стран: сравнительный анализ 297

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Демичев А.А.** «Впечатления присяжного заседателя» Г.С.Н. как источник изучения российского суда присяжных конца XIX в. 316
- Минчук О.В., Заозерский Д.С., Никифоров А.С.** Юридическое оформление иностранных лесных концессий в Советской России в 1920-е годы 329
- Касаткина А.С., Улугназаров А.А.** Основные механизмы имплементации кодексов корпоративной этики в деятельность транснациональных корпораций 345
- Кучеренко П.А., Назаршоев Ф.К.** Социальные исследования Эмиля Дюркгейма в контексте правозащитной деятельности. 360
- Ромашова М.Р., Панченко В.Ю.** Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты 378

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕННЫЕ-ПРАВОВЕДЫ ФРОНТОВИКИ

- Власенко Н.А.** Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечека 390

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Коданева С.И.** Экологическая культура граждан России: конституционное закрепление и нормативное обеспечение ее формирования. 407

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Rusakova E.P.** The evolution of digital legal proceedings in African countries: Nigeria, Egypt and South Africa in the focus (**Русакова Е.П.** Эволюция цифрового судопроизводства в странах Африки, на примере: Нигерии, Египта и ЮАР) 424
- Верещагина А.В.** Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдовы и Российской Федерации 436

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

- Лепешин Д.А., Даутия Т.В.** Обзор IV научно-практического семинара, проведенного в Первом апелляционном суде общей юрисдикции 1 декабря 2023 года, на тему «Защита авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» 454
- Лескова Ю.Г.** Анонс книги: Крылов В.Г., Самойлов И.А., Седгарян К.А. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса. Москва: Статут, 2024. 272 с. 464

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Ekaterina S. Zaitseva. Socio-legal monitoring and its importance for identifying and establishing the limits of the scope of legal regulation.....	263
Irina V. Get'man-Pavlova. Origin of rules of law choice: the primitive era	280
Sergei G. Rokityanskii. Supervisory bodies in the systems of power in Russia and certain foreign countries: Comparative analysis	297

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

Alexey A. Demichev. «Impressions of a jurer» by G.S.N. as a source for studying the Russian jury trial of the late XIXth century	316
Oleg. V. Minchuk, Daniil S. Zaozerskiy, Aleksey S. Nikiforov. Legal registration of foreign timber concessions in Soviet Russia in the 1920s	329
Aleksandra S. Kasatkina, Azizbek A. Ulugnazarov. The main mechanisms for the implementation of codes of corporate ethics in the activities of multinational corporations	345
Petr A. Kucherenko, Firuzsho K. Nazarshoev. Emile Durkheim's social research in the context of human rights activism	360
Maria R. Romashova, Vladislav Yu. Panchenko. Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects.	378

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

Nikolai A. Vlasenko. Social and legal regulators. Conceptual developments by V.I. Nizhechek	390
--	-----

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

Svetlana I. Kodaneva. Ecological culture of Russian citizens: constitutional consolidation and regulatory support of its formation practice.	407
--	-----

PROCEEDING LAW

Ekaterina P. Rusakova. The evolution of digital legal proceedings in African countries: Nigeria, Egypt and South Africa in the focus	424
Alla V. Vereshchagina. Proof and proving: legislative technique of criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation	436

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Dmitry A. Lepeshin, Tatyana V. Dautiya. Review of the IV scientific and practical seminar held at the First Court of Appeal of General Jurisdiction on December 1, 2023, on Copyright Protection and (or) Related Rights in Information and Telecommunications Networks, Including the Internet	454
Julia G. Leskova. Book announcement: Krylov, V.G., Samoilov, I.A., Sedgaryan, K.A (2004) Business Entity as a Form of Running Business: Textbook. Moscow, Statut Publishing House	464

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-263-279>

EDN: HEDKHW

Научная статья / Research Article

Социально-правовой мониторинг и его значение для установления пределов правового регулирования

Е.С. Зайцева

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 zay_tseva@mail.ru

Аннотация. На любом этапе развития государства и общества существует необходимость выявления объективной потребности правового регулирования общественных отношений. Решая эту задачу, законодатель сталкивается с двумя основными проблемами: с одной стороны, он не должен искусственно расширять сферу правового регулирования, а с другой стороны, также искусственно ее сужать, поскольку и то и другое снижает регулятивные свойства права, негативно сказываясь на его эффективности. Установление пределов правового регулирования предполагает обращение к различным правотворческим технологиям, к числу которых можно отнести социально-правовой мониторинг. Цель исследования – определение сущности социально-правового мониторинга как самостоятельной правотворческой технологии и одноименного вида юридической деятельности, позволяющей устанавливать пределы правового регулирования. Методологической основой исследования является всеобщий диалектико-материалистический метод, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) приемы и методы научного познания. Социально-правовой мониторинг – это правотворческая технология, направленная на анализ и оценку содержания и формы правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности, правовых актов, а также общественных отношений посредством сбора различной информации с целью повышения эффективности правового регулирования. Указанная правотворческая технология выступает основой для осуществления одноименного вида юридической деятельности. Социальный характер правового мониторинга определяется включением в число объектов мониторинга общественных отношений (объект правового регулирования), анализ которых позволяет выявлять сферу правового регулирования и закреплять ее в качестве предмета правового регулирования. С точки зрения выявления и установления пределов сферы правового регулирования можно выделить три значимых вида социально-правового

© Зайцева Е.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

мониторинга, специфика которых будет определять место и возможность использования указанной технологии, а также его значение: мониторинг общественных отношений, мониторинг интерпретационной практики и мониторинг правоприменительной практики.

Ключевые слова: социально-правовой мониторинг, сфера правового регулирования, пределы правового регулирования, правотворческая технология, мониторинг общественных отношений, мониторинг правоприменительной практики, общественные отношения

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 05 октября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Зайцева Е. С. Социально-правовой мониторинг и его значение для установления пределов правового регулирования // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 263–279. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-263-279>

Socio-legal monitoring and its importance for identifying and establishing the limits of the scope of legal regulation

Ekaterina S. Zaitseva

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg,
Russian Federation

zay_tseva@mail.ru

Abstract. At any stage of the development of the state and society, there arises a need to identify the objective necessity for legal regulation of social relations. In addressing this issue, the legislator is confronted with two main challenges: on the one hand, they must avoid artificially expanding the scope of legal regulation, and on the other hand, unnecessarily narrowing it, since both may diminish the regulatory properties of law, thereby negatively affecting its effectiveness. Establishing the limits of legal regulation necessitates the use of various law-making technologies, which include socio-legal monitoring. The objective of this study is to delineate the essence of socio-legal monitoring as an independent law-making technology and a form of legal activity of the same name that enables setting the limits of legal regulation. The methodological basis of the research comprises the universal dialectical-materialistic method, as well as general scientific techniques (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, comparison, and some others) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal) of scientific knowledge. Socio-legal monitoring is a law-making technology aimed at analyzing and evaluating the content and form of law-making, interpretation, law enforcement activities, legal provisions, as well as public relations by collecting diverse information in order to enhance the efficiency of legal regulation. This law-making technology forms the basis for implementing the same type of legal activity. The social nature of legal monitoring is determined by the inclusion of social relations (the object of legal regulation) among the objects of monitoring, the analysis of which enables to identify the scope of legal regulation and consolidate it as the subject of legal regulation. In terms of identifying and establishing the limits of the scope of legal regulation, three significant types of socio-legal monitoring can be distinguished. The specifics of each type will determine the place and potential use of this technology, as well as its significance: monitoring of public relations, monitoring of interpretive practice and monitoring of law enforcement practice.

Key words: social and legal monitoring, sphere of legal regulation, limits of legal regulation, law-making technology, monitoring of public relations, monitoring of law enforcement practice, public relations

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 05th October 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Zaitseva, E.S. (2024) Socio-legal monitoring and its importance for identifying and establishing the limits of the scope of legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 263–279. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-263-279>

Введение

Выявление и установление пределов правового регулирования предполагает использование различных процедур, средств и методов, направленных на повышение эффективности правотворческой деятельности и ее результатов. Многие из них тесно взаимосвязаны между собой и могут рассматриваться как самостоятельные правотворческие технологии, использование которых позволяет выявлять и устанавливать пределы правового регулирования. Одной из таких технологий является социально-правовой мониторинг. В современных государствах существуют различные вариации использования мониторинговых исследований, направленных на повышение качества правотворческой деятельности, которые характеризуются как спецификой используемой терминологии для их обозначения, так и особенностями процедуры их осуществления. В данной статье предлагается рассмотреть осмысление данного явления в российской юридической науке с учетом опыта практического воплощения социально-правового мониторинга в жизнь в современной правотворческой политике российского государства.

Несмотря на то, что правовой мониторинг является достаточно новым явлением правовой действительности, его изучению посвящено немало научных публикаций. Различными аспектами изучения правового мониторинга занимались Ю.Г. Арзамасов, Д.Б. Горохов М.В. Залоило, А.В. Малько, Я.Е. Наконечный, А.Ю. Саломатин, Е.И. Спектор, Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Черногор и др. Ряд исследователей обращали внимание на возможность использования правового мониторинга как индикатора сферы правового регулирования, позволяющего определять потребность правового регулирования (Radchenko, Ivanyuk, Plyugina, Tsirin & Chernobel', 2008:5; Mal'ko & Salomatin, 2007:76; Remurov, 2011:62). В то же время целенаправленно в этом ракурсе данная проблема не исследовалась, можно найти лишь отдельные высказывания, которые в той или иной степени касаются поставленной проблемы. Целью настоящего исследования является определение сущности социально-правового мониторинга как самостоятельной правотворческой технологии и одноименного вида юридической деятельности, позволяющей выявлять и устанавливать пределы сферы правового регулирования.

Методологической основой исследования является всеобщий диалектико-материалистический метод, а также общенаучные (синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) приемы и методы научного познания.

Понятие «социально-правовой мониторинг»: дискуссионные аспекты

В юридической литературе используются различные варианты употребления понятия «мониторинг»: от наиболее узкого «мониторинг правоприменения» (Smirnova, 2018; Gerasimov, 2014), получившего нормативное правовое

закрепление¹, до наиболее широкого «мониторинг правового поля» (Kravchenko, 2003). Помимо многообразия понятийного ряда², когда каждое из используемых понятий имеет свое содержательное наполнение, следует отметить и проблему разнообразия смыслов, когда ученые и субъекты правотворчества по-разному определяют одно и то же понятие. Многие исследователи считают, что наиболее удачным вариантом из существующих является понятие «правовой мониторинг» (Matveyeva, 2014:46; Chernogor, (eds.), 2010:32), позволяющее наиболее точно отразить смысл рассматриваемого явления и охватить разнообразие различных видов мониторинга в правовой сфере. Определенные трудности с его идентификацией создает легальная дефиниция понятия «мониторинг правоприменения», а также ряд положений, использованных в нормативных правовых актах, направленных на ее дальнейшее раскрытие. В Положении, утвержденном Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», мониторинг правоприменения определяется как комплексная плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов разной юридической силы³. В определении обозначено, что в процессе осуществления мониторинга может анализироваться не только правоприменительная практика и ее результаты, но и иная информация, необходимая для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов разной юридической силы. Таким образом, наблюдается некоторое несоответствие между определяемым понятием и его дефиницией.

В Постановлении Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации», акте, который был принят в развитие обозначенного Положения, используется уже иная формулировка. Указано, что мониторинг правоприменения включает в себя сбор, анализ и оценку практики правоприменения⁴, при этом дополнительно перечисляются источники информации, которые могут быть использованы при осуществлении мониторинга⁵. Представленный перечень позволяет сделать вывод,

---

¹ Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»; Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2930; Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 35 ст. 5081.

² Можно отметить следующие варианты использования понятия мониторинг: мониторинг правоприменения, мониторинг законодательства, мониторинг правотворчества, мониторинг нормативных правовых актов, мониторинг правового пространства, мониторинг правового поля и т.д.

³ Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2930.

⁴ Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 35 ст. 5081.

⁵ К этим источникам относятся: а) практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов; б) практика деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных государственных органов; в) информация о практике применения

что в процессе мониторинга исследуется не только правоприменительная практика и используемое понятие «мониторинг правоприменения» можно толковать расширительно. Учитывая некоторую несогласованность в трактовке мониторинга правоприменения в указанных подзаконных актах, можно констатировать, что его содержательная характеристика выходит за рамки предложенного понятия.

На наш взгляд, наиболее удачным комплексным понятием, которое будет выступать родовым по отношению ко всем остальным, является понятие «социально-правовой мониторинг», предложенное А.В. Малько и А.Ю. Саломатиным. Но если, по мнению указанных авторов, социальный характер мониторинга определяется двумя основными факторами: привлечением к его осуществлению широкого круга участников – граждан и использованием различных социологических методов и приемов изучения общественного мнения (Mal'ko & Salomatin, 2007:74–75), то, на наш взгляд, сущность социально-правового мониторинга определяется прежде всего одним из значимых и самостоятельных объектов правового мониторинга – общественными отношениями. Именно разница в понимании объекта правового мониторинга во многом обуславливает как различные варианты его определения, так и его виды.

Следует отметить, что расширительный подход к субъектам и методам правового мониторинга, обозначенный А.В. Малько и А.Ю. Саломатиным, в дальнейшем нашел отражение в методических рекомендациях, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации и закрепляющих возможность получения информации в процессе проведения мониторинга как от различных общественных и научных организаций, так от граждан (п. 6)⁶. Отдельным пунктом 7.б обозначена возможность использования социологической информации, хотя она и имеет вспомогательное значение. Анализ докладов о результатах мониторинга за 2011–2021 годы⁷ также позволяет говорить о широком круге субъектов, привлекаемых для его осуществления, и значительном количестве разнообразных источников

нормативных правовых актов Российской Федерации, поступившая от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также из Общественной палаты Российской Федерации, государственных корпораций, фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федерального закона; г) информация, поступившая из общественных, научных, правозащитных и иных организаций; д) информация, почерпнутая из средств массовой информации; е) информация, поступившая от граждан; ж) информация, поступившая из иных источников. Отдельным пунктом указаны дополнительные виды информации: а) статистическая информация, получаемая на основе статистических показателей и дополняемая отраслевой статистикой органов государственной власти и иных государственных органов; б) социологическая информация, формируемая на основе социологических исследований.

⁶ Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 35 ст. 5081.

⁷ Доклады о результатах мониторинга в Российской Федерации готовит Министерство юстиции Российской Федерации и размещает на своем сайте. См.: Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2011 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2012 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2013 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2014 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2015 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2016 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2017 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2018 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2019 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2020 год; Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2021 год. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu>

информации. Помимо правоприменительной практики различных органов государственной власти это и статистическая информация, и обращения граждан, и разъяснения Верховного Суда РФ, и сведения, поступившие от научных, образовательных и общественных организаций, от представителей бизнеса и правозащитных организаций⁸. А вот к числу объектов правового мониторинга указанные рекомендации относят исключительно практику применения различных нормативных правовых актов.

Общественные отношения как самостоятельный объект социально-правового мониторинга

Узкий подход к трактовке объекта мониторинга имеет широкое распространение и в юридической науке. Как правило, в качестве объектов правового мониторинга рассматриваются нормативные правовые акты (Gorokhov, Spektor & Glazkova, 2007:31; Yeliseyeva, 2018:132–137), а также правоприменительная практика (Yeliseyeva, 2018:132–137; Chernogor & Glazkova, 2017:114) или практика реализации правовых норм (Gorokhov, Spektor & Glazkova, 2007:31; Zaloilo, 2020:130). В качестве самостоятельного объекта мониторинга отдельными исследователями обозначается также правотворческая деятельность (правотворческий процесс) (Zaloilo, 2020:130; Chernogor & Glazkova, 2017:114) и интерпретационная деятельность (Zaloilo, 2020:130).

На наш взгляд, подлинно социальный характер мониторинга определяется включением в число его объектов общественных отношений с целью выявления тех из них, которые составляют сферу правового регулирования⁹. Стоит отметить, что на необходимость анализа общественных отношений с целью выявления потребности их правового регулирования обращалось внимание еще в советской юридической науке, когда фактически были заложены фундаментальные основы доктрины правового мониторинга в России (Gorokhov & Chernogor, 2010:63). В дальнейшем уже в контексте исследования вопросов правового мониторинга на необходимость изучения общественных отношений, как урегулированных правом, так и неправовых фактических отношений, обращал внимание Ю.А. Тихомиров (Tikhomirov, 2004). Позднее эта идея высказывалась Н.Н. Черногором и М.Н. Глазковой, которые

---

rossijskoj-federacii-o-rezultatah monitoringa-pravoprimeneniya/. (дата обращения: 01.10.2023). До 2011 года на протяжении нескольких лет Совет Федерации РФ готовил ежегодный доклад «О состоянии законодательства в Российской Федерации», который также можно рассматривать как подведение итогов мониторинга. Режим доступа: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_reports/ (дата обращения: 01.10.2023).

⁸ Доклады о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2019–2021 годы. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimeneniya/> (дата обращения: 01.10.2023).

⁹ Мы рассматриваем сферу правового регулирования» как совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Сфера правового регулирования обусловлена свойствами общественных отношений, имеющими правовую природу. Эти свойства и являются критериями установления пределов сферы правового регулирования. В свою очередь, предмет правового регулирования включает общественные отношения, которые уже урегулированы нормами права. Задача законодателя заключается в том, чтобы выявить пределы сферы правового регулирования, максимально точно их установить и закрепить в качестве пределов предмета правового регулирования. Более подробно об этом см.: Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск, 2020.

выделили три составляющих объекта правового мониторинга: нормотворческую деятельность, правоприменительную практику и общественные отношения, не урегулированные нормами права (Chernogor & Glazkova, 2017:114), но анализа общественных отношений как объекта правового мониторинга не осуществили. Схожая мысль, предполагающая расширение круга объектов правового мониторинга, высказана Е.А. Магомедовой, предложившей в качестве самостоятельного вида правового мониторинга выделить мониторинг правовых потребностей общества, включающий анализ тенденций общественного развития и анализ социальной ситуации, необходимость ее правового регулирования (Magomedova, 2016:32). Фактически речь идет об общественных отношениях, имеющих правовую природу и составляющих сферу правового регулирования. При этом термин «мониторинг правовых потребностей», предложенный автором, на наш взгляд, является не очень удачным. Во-первых, интересы, а не потребности управляют поведением людей, в интересах находят выражение многообразные виды человеческой деятельности, через них проявляются реальные общественные отношения (Sil'chenko, 1992:64), составляющие предмет и сферу правового регулирования. Потребности же лежат в основе интереса (Реп'ков, 1972:89). Во-вторых, Е.А. Магомедова использует два понятия «правовые потребности» и «потребность правового регулирования», не разграничивая их. Между тем разница между этими понятиями весьма существенна и имеет большое значение для понимания предложенного вида мониторинга. Для того, чтобы выявить потребность правового регулирования, необходимо осуществлять мониторинг общественных отношений, который и позволяет выявлять социально значимые типичные конфликтные интересы (в терминологии автора «потребности»). Невозможно анализировать и оценивать («мониторить») то, что изначально не выявлено.

Как было отмечено выше, сфера правового регулирования обусловлена свойствами общественных отношений, имеющих правовую природу. Направленность общественных отношений на удовлетворение типичных социально значимых конфликтных интересов является одним из таких свойств. Систематический анализ и оценка общественных отношений, осуществляемых в процессе социально-правового мониторинга, позволяет определить указанные интересы, что в свою очередь способствует выявлению и установлению пределов сферы правового регулирования.

Необходимость получения объективной информации о состоянии общественных отношений отмечалась и на государственном уровне еще в 2002 году в Совете Федерации РФ в рамках Всероссийской научно-практической конференции¹⁰, когда только определялись основные подходы к пониманию мониторинга и возможности практической реализации этой технологии. К сожалению, обозначенная идея не получила дальнейшего подкрепления и развития на федеральном уровне, но нашла отражение в региональном законодательстве. Так, в законе Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе» говорится о мониторинге правового поля (ст. 3 п. 7). Региональный законодатель не только использует обозначенное понятие, но и дает определения понятий «правовое поле» и «мониторинг правового

¹⁰ Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Аналитический вестник. 2003. № 17(210)/1 Режим доступа: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25548/ (дата обращения: 01.10.2023).

поля». Под правовым полем понимается совокупность общественных отношений, подлежащих правовому регулированию¹¹.

Несмотря на то, что понятие «правовое поле» вызывает вопросы и может быть подвергнуто справедливой критике (Baranov & Vlasenko, 2019:14-15), включение в круг объектов правового мониторинга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию¹², имеет существенное значение и демонстрирует необходимость анализировать и оценивать не только то, что уже получило формальное закрепление, но и обращать внимание на общественные отношения, которые потенциально являются правовыми.

Следует отметить, что Ямало-Ненецкий автономный округ – это единственный регион, в законодательстве которого правовой мониторинг получил столь широкую трактовку. В иных регионах можно наблюдать гораздо более узкий подход, о чем свидетельствуют и названия соответствующих законов. Так, в законодательстве Московской области правовой мониторинг используется как обобщающее понятие, включающее мониторинг нормативных правовых актов и мониторинг правоприменения¹³. Наименование закона Липецкой области от 5 декабря 2008 г. № 213-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Липецкой области» уже определяет его содержание. Единственный намек на необходимость анализа общественных отношений можно найти в ст. 3, где определяются задачи мониторинга нормативных правовых актов области, одна из которых сформулирована как «предоставление объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования общественных отношений»¹⁴. Подобная ситуация характерна и для иных региональных актов, регулирующих этот вопрос¹⁵.

Несмотря на то, что в большинстве исследований общественные отношения не рассматриваются как самостоятельный объект правового мониторинга, косвенная отсылка, говорящая о возможности его существования, прослеживается посредством указания источников информации, используемых для выявления потребности в правовом регулировании исследуемых общественных отношений, к числу которых относятся: «результаты социологических и иных исследований, свидетельствующие о недостаточной эффективности действующего в данной сфере законодательства; результаты изучения законодательных инициатив, связанных с изменением правового

¹¹ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2009. № 4.

¹² В нашей терминологии это общественные отношения входящие в сферу правового регулирования.

¹³ Закон Московской области от 4 мая 2012 г. № 46/212 ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области». Режим доступа: https://www.mosoblдума.ru/Zakoni/Monitoring_zakonov (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁴ Закон Липецкой области от 5 декабря 2008 г. № 213-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Липецкой области» // Липецкая газета. 2008. 16 декабря. № 241.

¹⁵ См, например: Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области 23 октября 2008 г. № 1252-IV «О принятии положения о мониторинге законов Нижегородской области». Режим доступа: <https://nn-gov.ru/doc/17106?ysclid=110xhd3ogj885201413> (дата обращения: 01.10. 2023); Постановление Самарской губернской Думы от 23 января 2013 г. № 432 «О положении о порядке проведения мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Самарской области, принятых Самарской губернской Думой, а также участия Самарской губернской Думы в мониторинге правоприменения в Российской Федерации» Режим доступа: <https://samara-gov.ru/doc/48167?ysclid=lna7imrza5680825437> (дата обращения: 04.10. 2023); Постановление губернатора Ставропольского края от 5 августа 2011 г. № 569 «Об организации мониторинга правоприменения в Ставропольском крае. Режим доступа: <https://stavropol-gov.ru/doc/17459?ysclid=lna7kiysh671430479> (дата обращения: 04.10.2023).

регулируемого в данной сфере общественных отношений; материалы социального прогнозирования, полученные специалистами в соответствующих областях знания и свидетельствующие о возможности появления общественно опасных социальных отклонений в данной сфере общественной жизни; результаты изучения процессов фактической нормативной саморегуляции в данной сфере общественной жизни, анализ регулятивного потенциала и степени общественной значимости фактически складывающихся норм» (Chernogor (eds.), 2010:115-116).

Таким образом, социальный характер правового мониторинга определяется не только расширением круга субъектов правового мониторинга и использованием определенных социологических методов, но и выделением самостоятельного объекта мониторинга – общественных отношений; систематический анализ и оценка которых позволяет выявить типичные социально значимые конфликтные интересы как одно из значимых свойств общественных отношений, имеющих правовую природу.

Объекты социально-правового мониторинга и их значение для установления пределов правового регулирования

С точки зрения установления пределов правового регулирования общественные отношения являются первым значимым объектом социально-правового мониторинга. Общественные отношения лежат в основе объекта, сферы и предмета правового регулирования. В процессе социально-правового мониторинга необходимо анализировать объект правового регулирования для того, чтобы выявить сферу правового регулирования и закрепить в качестве предмета правового регулирования. Необходимость мониторинга не только сферы и предмета правового регулирования, но и объекта правового регулирования обусловлена подвижностью их границ. Второй значимый объект – это интерпретационная практика. Речь идет о результатах деятельности высших судебных инстанций, акты толкования которых имеют самостоятельное значение. Необходимость осуществлять самостоятельный мониторинг интерпретационных актов была обозначена Ю.Г. Арзамасовым (Arzamasov, 2014:222). Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации осуществляет Министерство юстиции РФ¹⁶, самостоятельный раздел о мониторинге выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации входит в ежегодный доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации¹⁷. Третий значимый объект – это правоприменительная практика. Специфика объектов определяет наличие трех самостоятельных видов социально-правового мониторинга: мониторинг общественных отношений, мониторинг интерпретационной практики, мониторинг правоприменительной практики.

Мониторинг общественных отношений должен осуществляться на ранних этапах правообразовательного процесса и предвостановлять правотворческую деятельность. Этот этап имеет существенное значение для оценки потенциальной эффективности и легитимности будущих правовых норм и выявления типичных социально значимых конфликтных интересов. Именно на этом этапе следует выявлять «степень осознания различными социальными группами своих интересов, отношение этих групп

¹⁶ Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/monitoring-pravoprimereniya-reshenij-konstitucionnogo-suda-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁷ Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 04.10.2023).

к закрепившимся фактически отношениям (нормам) и необходимости их правового закрепления в виде правовых норм» (Chesnokova, 2010:158). При неизбежном существовании пробелов и коллизий социально-правовой мониторинг позволяет осуществлять комплексное изучение сложившейся фактической социальной практики регулирования отношений, когда происходит донормативное конституирование своего интереса в качестве правового (нуждающегося в правовом закреплении) (Chesnokova, 2010:159). Технология социально-правового мониторинга позволяет это сделать, используя различные средства и методы, например, «мониторинговые наблюдения за динамикой изменения общественного мнения различных групп» (Chesnokova, 2010:159).

На сегодняшний день в Российской Федерации в определенной степени мониторинг общественных отношений осуществляется некоторыми социологическими центрами. Например, Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга при Российской академии государственной службы при Президенте РФ¹⁸, который существует с 1989 года и за это время провел свыше 120 крупномасштабных социологических исследований, включающих экспертные опросы и опросы населения. Одной из функций центра является формирование банка информационных, статистических и социологических данных о социальных и иных процессах для их анализа и прогнозирования. Полученные данные «позволяют дать обоснованные прогнозы о реакции населения на предлагаемые правовые меры, своевременно координировать и корректировать проводимую политику в тех или иных сферах общественной жизни» (Chesnokova, 2010:161). Другое дело, что результаты подобных мониторинговых исследований не очень востребованы при осуществлении непосредственно правотворческой деятельности.

Мониторинг интерпретационной и правоприменительной практики осуществляется за пределами правотворческого процесса, в рамках интерпретационной и правоприменительной деятельности. Значение мониторинга интерпретационной и правоприменительной практики, в том числе и судебной, для установления пределов правового регулирования заключается в том, что, во-первых, обратная связь, полученная в результате интерпретационной и правоприменительной деятельности, дает возможность выявить допущенные ошибки и исправить их при необходимости. Во-вторых, отдельные судебные акты нередко содержат положения, которые в дальнейшем могут стать полноценной нормой права. Мониторинг позволяет выявить эти положения для того, чтобы в дальнейшем имплементировать их в законодательство (Chernogor & Glazkova, 2017:114). В процессах толкования и правоприменения происходит своеобразная проверка правильности выявления и установления пределов сферы правового регулирования и закрепление их в качестве предмета правового регулирования.

Социально-правовой мониторинг как правотворческая технология установления пределов правового регулирования

В юридической науке «мониторинг» (правовой мониторинг) чаще всего рассматривается как система (Gorokhov, Spektor & Glazkova, 2007:30; Arzamasov &

---

¹⁸ Режим доступа: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa> (дата обращения: 01.10.2023).

Nakonechnyy, 2009:23), как деятельность (Chernogor & Glazkova, 2017:146), как юридическая технология (Gorokhov, 2020:155; Zaloilo, 2021:14–27) и как институт (Tikhomirov, 2006:13). На наш взгляд, «социально-правовой мониторинг» следует рассматривать в двух ключевых аспектах: как правотворческую технологию и как деятельность, осуществляемую на основе этой технологии.

Мысль о том, что правовой мониторинг является одним из видов юридических технологий, изначально была высказана в качестве рабочей гипотезы Н.Н. Черногором, Д.Б. Гороховым (Chernogor (eds.), 2010:65), а позднее стала транслироваться как утверждение (Gorokhov, 2020:155). Как правотворческая технология социально-правовой мониторинг представляет алгоритм последовательного осуществления информационно-аналитических и формально-юридических процедур и может быть определен следующим образом: социально-правовой мониторинг – это правотворческая технология, направленная на анализ и оценку содержания и формы правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности, правовых актов, а также общественных отношений посредством сбора различной информации с целью повышения эффективности правового регулирования.

В то же время социально-правовой мониторинг – это и определенный вид юридической деятельности, осуществляемой на основе одноименной правотворческой технологии. Если рассматривать социально-правовой мониторинг как юридическую деятельность, то можно дать следующее определение: социально-правовой мониторинг – это комплексная, систематическая деятельность уполномоченных субъектов по анализу и оценке содержания и формы правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности, правовых актов, а также общественных отношений посредством сбора различной информации с целью повышения эффективности правового регулирования.

Социально-правовой мониторинг как правотворческая технология может быть использован для установления пределов правового регулирования. Несмотря на то, что в таком ракурсе эта проблема целенаправленно не исследовалась, можно найти отдельные высказывания по этому вопросу. Так, например, отмечалось, что правовой мониторинг является важнейшим определителем или индикатором сфер правового регулирования, требующих нового правового решения (Radchenko, Ivanyuk, Plyugina, Tsirin & Chernobel', 2008:5) и должен быть направлен не только на юридико-технический и сравнительно-правовой анализ, но и на исследование социальной приемлемости правовых норм (Mal'ko & Salomatin, 2007:76), на выявление необходимости принятия того или иного закона, чтобы урегулировать общественные отношения (Petrov, 2011:62). Среди широкого круга задач, которые ставятся перед субъектами правового мониторинга, обозначены такие как выявление недостатков правового регулирования и выявление тенденций и потребностей в правовом регулировании определенного круга общественных отношений (Chernogor (eds.), 2010:105).

Значимость мониторинга как правотворческой технологии установления пределов правового регулирования прослеживается и в методических рекомендациях, утвержденных Правительством РФ. Один из восемнадцати показателей, по которым обобщается, анализируется и оценивается информация о практике применения нормативных правовых актов, – неполнота в правовом регулировании общественных отношений.

Неполнота правового регулирования в значительной доле случаев является следствием неправильного установления пределов сферы правового регулирования. Стоит отметить, что формулировка, использованная в методических рекомендациях, является недостаточно удачной, поскольку в соответствии с этим показателем, как правило, оценивается только недостаточность правового регулирования, в то время как в анализе и оценке нуждается и его избыточность. В этой связи более удачной формулировкой этого показателя является «полнота правового регулирования». В этом случае указанный показатель будет направлен на анализ и оценку не только недостаточности, но и избыточности правового регулирования.

Анализ докладов по результатам мониторинга, начиная с момента его появления (2011 года), показал, что за все время его существования была обозначена единичная ситуация, когда было указано на необходимость упрощения правового регулирования, поскольку результаты мониторинга показали его избыточность (в тексте доклада показатель, который подвергался оценке, не указан). Речь шла о проблемах, обусловленных излишним правовым регулированием вопросов, касающихся собственности в границах территории ведения гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд. Для решения этих вопросов предлагалось: упростить приобретение гражданами прав на имущество общего пользования; исключить необходимость разработки проекта планировки территории для товариществ; упростить подготовку проекта межевания для товариществ¹⁹. Проблема избыточности правового регулирования и необходимость его упрощения недостаточно часто, но тем не менее фиксировалась и на региональном уровне²⁰.

Неполнота правового регулирования – это наиболее частая проблема, выявляемая в процессе мониторинга на федеральном уровне²¹, достаточно часто необходимость дополнения правового регулирования фиксируется и в процессе осуществления регионального мониторинга²². В докладах о результатах мониторинга, как правило, фиксируется факт неполноты правового регулирования и констатируется необходимость дополнения уже существующих нормативных правовых актов отдельными нормами. Единичные случаи связаны с констатацией необходимости принятия нового нормативного правового акта. Так, в 2019 году выявлена двадцать одна проблема и внесены предложения, направленные на их решение. Из них четырнадцать проблем связаны с неполнотой правового регулирования общественных отношений и требуют создания новых правовых норм, направленных на их регулирование. Не так часто, но тем не менее фиксируются ситуации, когда неполнота правового регулирования обусловлена появлением общественных отношений, возникающих в результате развития новых технологий²³. Например, отмечалось

¹⁹ Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2019 год. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 05.10.2023).

²⁰ Доклад о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного органами исполнительной государственной власти Вологодской области в 2013 году. Режим доступа: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/monitoring_pravoprimereniya/ (дата обращения: 05.10.2023).

²¹ Выводы сделаны на основе анализа докладов о результатах мониторинга, размещенных на сайте Министерства юстиции Российской Федерации за последние три года (2019–2021).

²² См. например: Доклады о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного органами исполнительной государственной власти Вологодской области за 2013–2022 гг. Режим доступа: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/monitoring_pravoprimereniya/ (дата обращения: 05.10.2023).

²³ Из 14 выявленных проблем 3 обусловлены появлением новых общественных отношений.

отсутствие правового регулирования вопросов, связанных с возможностью дистанционного обращения граждан за назначением и выплатой пенсий и иных социальных выплат²⁴.

В 2020 году выявлено двенадцать проблем и внесены предложения, направленные на их решение. Из них девять проблем связаны с неполнотой в правовом регулировании общественных отношений. Результаты мониторинга показали необходимость не только внесения изменений в уже существующие нормативные правовые акты, но и необходимость создания нового. В ходе анализа законодательства и правоприменительной практики в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних выявлена неполнота в правовом регулировании отдельных вопросов, вследствие чего Министерству просвещения Российской Федерации предлагалось проработать проект федерального закона «О защите прав несовершеннолетних и профилактике их антиобщественного и противоправного поведения»²⁵. В дальнейшем в соответствии с распоряжением Минпросвещения России от 30 марта 2021 г. № Р-72 «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта федерального закона «О защите прав несовершеннолетних и профилактике их антиобщественного и противоправного поведения»²⁶ создана рабочая группа для разработки этого закона.

В 2021 году выявлено пятнадцать проблем и внесены предложения, направленные на их решение. Из них девять проблем связаны с неполнотой в правовом регулировании общественных отношений. Результаты мониторинга показали необходимость не только внесения изменений в существующие нормативные правовые акты, но и необходимость создания нового, взамен уже существующего нормативного правового акта. Речь идет о создании нового федерального закона «О занятости населения в РФ». Как отмечается в докладе о результатах мониторинга за 2021 год, действующий закон № 1032-I принят более 30 лет назад и не соответствует общественным отношениям, которые значительно изменились за это время, особенно в связи с пандемией COVID-19²⁷. Отражение изменившихся реалий рынка труда, введение эффективных инструментов, необходимых для решения государственных задач, нашли отражение в законе 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»²⁸.

Таким образом, социально-правовой мониторинг является правотворческой технологией, позволяющей устанавливать пределы правового регулирования. Результаты мониторинга в Российской Федерации демонстрируют, что данная

---

²⁴ Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2019 год. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 05.10.2023).

²⁵ Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2020 год. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 05.10.2023).

²⁶ Распоряжение Минпросвещения России от 30 марта 2021 г. № Р-72 «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта федерального закона «О защите прав несовершеннолетних и профилактике их антиобщественного и противоправного поведения». Режим доступа: https://edu.gov.ru/about/apparatus/rights_protection_minors/?ysclid=lkmicfflq0310115509 (дата обращения: 05.10.2023).

²⁷ Доклад о результатах мониторинга в Российской Федерации за 2021 год. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 05.10.2023).

²⁸ Федеральный закон от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 18 декабря 2023 г. № 51 ст. 9138.

технология не только может быть использована, но и фактически используется для выявления и установления пределов сферы правового регулирования и корректировки предмета правового регулирования, хотя и в недостаточной мере.

Заключение

Итак, социально-правовой мониторинг следует рассматривать как правотворческую технологию и одноименный вид юридической деятельности, позволяющих устанавливать пределы правового регулирования. Действующие нормативные правовые акты и иные правовые документы, регулирующие использование указанной технологии, предусматривают некоторые процедуры и механизмы, направленные на выявление и установление пределов сферы правового регулирования, и позволяют оценить принимаемые нормативные правовые акты как на предмет избыточности правового регулирования, так и с точки зрения его недостаточности. Дальнейшее совершенствование правотворческой деятельности в этом направлении обуславливает необходимость определения и развития доктринальных подходов к оценке существующих правотворческих технологий именно как технологий выявления и установления пределов сферы правового регулирования. Анализ социально-правового мониторинга как технологии установления пределов правового регулирования позволяет сделать следующие выводы. Социально-правовой мониторинг – наиболее удачное комплексное понятие, позволяющее обобщить и охватить все существующие виды мониторинга. Социальный характер правового мониторинга определяется не только и не столько расширением круга субъектов мониторинга и использованием определенных социологических методов (как это ранее отмечалось в юридической науке), но и включением в число объектов мониторинга общественных отношений (объект правового регулирования), анализ которых позволяет выявлять сферу правового регулирования и закреплять ее в качестве предмета правового регулирования. Мониторинг общественных отношений предполагает получение социологических данных об интересах различных социальных групп, имеет существенное значение для оценки потенциальной эффективности и легитимности будущих правовых норм и выявления типичных социально значимых конфликтных интересов и должен рассматриваться как самостоятельный, значимый вид мониторинга, который следует осуществлять на ранних этапах правообразовательного процесса, предваряющих правотворческую деятельность. В дальнейшем своеобразную проверку правильности выявления и установления пределов сферы правового регулирования позволяют осуществлять такие виды социально-правового мониторинга, как мониторинг интерпретационной и правоприменительной практики, посредством которых определяется полнота правового регулирования общественных отношений как с точки зрения его избыточности, так и с точки зрения его недостаточности. Обратная связь, полученная в результате этих видов правовой деятельности, позволяет выявить допущенные ошибки и исправить их при необходимости.

References / Список литературы

- Arzamasov, Yu.G. (2014) Legal appraisal peculiarities under conditions of convergence. *Vestnik of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*. 20(6), 219–223. (in Russian).
Арзамасов Ю.Г. Особенности оценки законов в условиях конвергенции // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 219–223.

- Arzamasov, Yr.G. & Nakonechnyy, Ya.Ye. (2009) *Monitoring in lawmaking: Theory and methodology*. Moscow, Bauman Moscow State Technical University. (in Russian).
Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2009. 160 с.
- Baranov, V.M. & Vlasenko, N.A. (2019) Metaphors in law: Mmethodological danger and prospects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1(45), 11–19. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10101> (in Russian).
Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1(45). С. 11–19. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10101>
- Chernogor, N.N. (eds.). (2010) *Legal monitoring: current problems of theory and practice*. Moscow, International Law Institute. (in Russian).
 Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. М.: Международный юридический институт, 2010. 232 с.
- Chernogor, N.N. & Glazkova, M.Ye. (2017) Monitoring of judicial practice. *Court Practice in the Modern Legal System of Russia: Monograph*. Khabriyeva, T.Ya. & Lazarev, V.V. (eds.). Moscow, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA M Publ. pp. 111–120. (in Russian).
Черногор Н.Н., Глазкова М.Е. Мониторинг судебной практики // *Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева*. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА М, 2017. С. 111–120.
- Chesnokova, M.D. (2010) Sociological research in legal monitoring. *Legal monitoring: current problems of theory and practice*. Chernogor, N.N. (ed.). Moscow, International Law Institute. pp. 148–175. (in Russian).
Чеснокова М.Д. Социологические исследования в правовом мониторинге. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. М.: Международный юридический институт, 2010. С. 148–175.
- Gerasimov, A.V. (2014) Monitoring law enforcement: search for conceptual (terminological) unity. *Monitoring of law enforcement*. 4 (13), 52–54. (in Russian).
Герасимов А.В. Мониторинг правоприменения: поиск понятийного (терминологического) единства // *Мониторинг правоприменения*. 2014. № 4 (13). С. 52–54.
- Gorokhov, D.B., Spektor, Ye.I. & Glazkova, M.Ye. (2007) Legal monitoring: concept and organization. *Journal of Russian Law*. 5(125), 25–38. (in Russian).
Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // *Журнал российского права*. 2007. № 5 (125). С. 25–38.
- Gorokhov, D.B. & Chernogor, N.N. (2010) *Legal monitoring: current issues of theory and practice*. Chernogor, N.N. (ed.). Moscow, International Law Institute. pp. 62–109. (in Russian).
Горохов Д.Б., Черногор Н.Н. Институализация правового мониторинга: современное состояние и перспективы // *Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора*. М.: Международный юридический институт, 2010. С. 62–109.
- Gorokhov, D.B. (2020) Problems with the Quality of the Law on Responsible Treatment of Animals and the Effectiveness of Its Application. *Journal of Russian Law*. (4), 153–171. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.049> (in Russian).
Горохов Д.Б. Проблемы качества и эффективности применения закона об ответственном обращении с животными // *Журнал российского права*. 2020. № 4. С. 153–171. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.049>
- Kravchenko, L.A. (2003) Monitoring the legal field of the Russian Federation: State and prospects. *State power and local self-government*. (5), 2–6. (in Russian).
Кравченко Л.А. Мониторинг правового поля Российской Федерации: состояние и перспективы // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2003. № 5. С. 2–6.

- Magomedova, Ye.A. (2016) Monitoring the legal needs of society in the process of legislative activity. *Zakon i pravo*. (8), 31–33. (in Russian).
Магомедова Е.А. Мониторинг правовых потребностей общества в процессе законотворческой деятельности // *Закон и право*. 2016. № 8. С. 31–33.
- Matveyeva, M.A. (2014) Monitoring of lawmaking: the problem of theoretical justification. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2(33), 44–47. (in Russian).
Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2014. № 2(33). С. 44–47.
- Mal'ko, A.V. & Salomatin, A.Yu. (2007) Social and legal monitoring as a tool for promoting Russian legal reform. *Business in Law*. (3), 74–76. (in Russian).
Малько А.В., Саломатин А.Ю. Социально-правовой мониторинг как инструмент продвижения российской правовой реформы // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2007. № 3. С. 74–76.
- Pemurov, K.K. (2011) Legal monitoring as a type of optimization of Russian legislation. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Kolomenskogo instituta (filiala) GOU VPO MGOU im. V.S. Chernomyrdina*. (6), 60–65. (in Russian).
Пемуров К.К. Правовой мониторинг как вид оптимизации законодательства РФ // *Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ им. В.С. Черномырдина*. 2011. № 6. С. 60–65.
- Pen'kov, Ye.S. (1972) *Social norms – regulators of individual behavior: Some issues of methodology and theory*. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Пеньков Е.С. Социальные нормы – регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории. М.: Мысль, 1972. 198 с.
- Radchenko, V.I., Ivanyuk, O.A., Plyugina, I.V., Tsirin, A.M. & Chernobel', G.T. (2008) Practical issues of forecasting legislation and efficiency of application of forecasted norms. *Journal of Russian Law*. (8), 3–14. (in Russian).
Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // *Журнал российского права*. 2008. № 8. С. 3–14.
- Sil'chenko, N.V. (1992) Empirical and theoretical knowledge in law-making process. *Bulletin of Belarus' State University. Issue 3: History. Economy. Law*. (3), 62–65. (in Belarusian).
Сильченко Н.В. Эмпирические и теоретические знания в законотворческом процессе // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права*. 1992. № 3. С. 62–65.
- Smirnova, M.G. (2018) Monitoring law enforcement as a means of identifying and reducing risks. *Leningrad Legal Journal*. 4(54), 37–47. (in Russian).
Смирнова М.Г. Мониторинг правоприменения как средство выявления и снижения рисков // *Ленинградский юридический журнал*. 2018. № 4(54). С. 37–47.
- Tikhomirov, Yu.A. (2004) On monitoring the law. *Prezidentskiy kontrol'*. (8), 27–33. (in Russian).
Тихомиров Ю.А. О мониторинге закона // *Президентский контроль*. 2004. № 8. С. 27–33.
- Tikhomirov, Yu.A. (2006) Organization and conduct of legal monitoring. *Law and Economy*. (10), 11–15. (in Russian).
Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // *Право и экономика*. 2006. № 10. С. 11–15.
- Yeliseyeva, V.S. (2018) Criteria for legal monitoring. *Criteria in law: theory, practice, technology: collection of articles*. Tolstik, V.A. & Vasil'yev, P.V. (eds.). Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 132–137. (in Russian).
Елисейева В.С. Критерии правового мониторинга // *Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей / под общ. ред. В.А. Толстика, П.В. Васильева*. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 132–137.
- Zaloilo, M.V. (2020) *Modern legal technologies in law-making: scientific and practical guide*. Pashentsev, D.A. (ed.). Moscow, ILCL: Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).

Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.

Zaloilo, M.V. (2021) *Monitoring anti-corruption legislation: a scientific and practical guide*. Pashentsev, D.A. (ed.). Moscow, Prospect Publ. (in Russian)

Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции: научно-практическое пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Проспект, 2021. 112 с.

Сведения об авторе:

Зайцева Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Санкт-Петербургский университет МВД России; 198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID ID: 0000-0003-0688-2967, SPIN-код: 5564-7470

e-mail: zay_tseva@mail.ru

About the author:

Ekaterina S. Zaitseva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of the Research Department, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-0688-2967, SPIN-code: 5564-7470

e-mail: zay_tseva@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-280-296>
EDN: HHKZST

Научная статья / Research Article

Происхождение правил выбора применимого права: первобытная эпоха

И.В. Гетьман-Павлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация
 getmanpav@mail.ru

Аннотация. Обосновывается идея о том, что первые отношения, регулирование которых в настоящее время входит в предмет международного частного права и которые предполагают необходимость выбора применимого права, появились еще в первобытный период. К ним относятся экзогамия и табу на инцест, институт гостеприимства и договор мена. Экзогамия и табу на инцест занимают особое место и появляются одновременно с обществом и правом, составляя их фундамент. Это первое по времени отношение «с участием иностранных лиц», имеющее личный неимущественный характер. В связи с экзогамией формируются отношения гостеприимства; отношения мена появляются немного позже. Такие отношения регулируются межгрупповыми договоренностями, одновременно возникает почва для появления первых правил выбора применимого права. Это не межгосударственные, а именно межгрупповые (межобщностные) коллизии, схожие с современными интерперсональными или интерлокальными. При написании исследования использовались методы сравнительного анализа и реконструкции, формально-логический, диалектический, естественнонаучный и исторический методы. В заключение сделан вывод, что в догосударственный период в рамках первобытного права сформировались три института, составляющие изначальный предмет современного международного частного права: экзогамия (трансграничные брачно-семейные отношения), гостеприимство (право иностранцев), мена (международное контрактное право); первые правила выбора применимого права (разрешения коллизий законов) возникли также в этот период. Основной метод регулирования коллизионных проблем в первобытную эпоху – унифицированный материально-правовой (межгрупповые соглашения); одновременно архаичному праву известны такие конфликтные правила, как личный закон и закон места совершения акта. Выводы сформулированы посредством реконструкции и основаны на данных археологии, генетики, антропологии, на трудах отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами правогенеза.

Ключевые слова: международное частное право, выбор применимого права, происхождение, первобытная эпоха, тотем, экзогамия, табу на инцест, гостеприимство, мена, коллизионные нормы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 04 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

© Гетьман-Павлова И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Гетьман-Павлова И.В. Происхождение правил выбора применимого права: первобытная эпоха // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 280–296. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-280-296>

Origin of rules of law choice: the primitive era

Irina V. Get'man-Pavlova

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 getmanpav@mail.ru

Abstract. The article explores the concept that the first relations falling under the subject of private international law originated in the primitive period. These relations include exogamy and incest taboos, the institution of hospitality and exchange agreements. Exogamy and incest taboos are fundamental relationships that emerged parallel to the development of society and law, forming the cornerstone of these constructs. These represent the earliest interactions involving “foreign persons” and are characterized by personal non-property character. Hospitality ties are linked to exogamy while exchange relationships follow subsequently. Intergroup agreements serve as primary mechanism for regulating these relations and lay the groundwork for the inception of the initial choice-of-law rules. The conflicts are not interstate but rather intergroup (intercommunal), similar to contemporary interpersonal or interlocal disputes. The author applies a number of methods such as comparative analysis, reconstruction, formal-logical, dialectical, natural science and historical analysis in this research. In conclusion, the author asserts that three key institutions emerged in the pre-state era, forming the foundation of modern PIL: exogamy (cross-border marital and family relations), hospitality (foreigners’ law), and exchange (international contract law). During this period the first conflict resolution rules also emerged. The principle method for addressing conflict issues in primitive societies is the unified substantive approach through intergroup agreements. Additionally, archaic law incorporated conflicting principles like personal law and the law of the place where the action occurred. These conclusions are drawn through a reconstructive approach and are supported by archeology, genetics, anthropology, as well as domestic and foreign scholarly research on legal genesis.

Key words: private international law, history, origin, primitive era, totem, exogamy, incest taboo, hospitality, exchange, conflict rules

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 04th November 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Get'man-Pavlova, I.V. (2024) Origin of rules of law choice: the primitive era. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 280–296. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-280-296>

Введение

Писать (и читать!) о происхождении международного частного права (далее по тексту – МЧП) в первобытную эпоху – непозволительная роскошь в наше время, когда действительно актуальными являются вопросы смарт-контрактов, блокчейн-технологий, биткоинов и т.п., т.е. тех проблем, которые принес нам XXI век. (цифровизация, COVID-19, международные санкционные режимы и пр.). Однако на самом деле в мире все уже было, и аналоги моделей регулирования наиновейших

технологий мы можем найти в далеком прошлом. Кроме того, корректность и эффективность любой правовой регламентации напрямую зависят от уровня правовой культуры, которой обладают как законодатель и правоприменитель, так и общество в целом. В связи с этим интересно обратить внимание на результаты опроса, проведенного Центром трансформации юридического образования факультета права НИУ ВШЭ среди практикующих юристов, студентов и сотрудников юридических вузов в декабре 2022 г. Наибольшим вызовом для юридического образования 57 % опрошенных назвали снижение правовой культуры в обществе и ценности права. Это «позволяет говорить об идейном кризисе в юридической профессии в нашей стране... респонденты... явно испытывают тревогу по поводу неопределенных перспектив юридической профессии в условиях снижения ценности права»¹. Внимательное и беспристрастное изучение истории – один из основных способов повышения правовой культуры, уважения к праву и понимания его ценности.

В современном мире львиная доля всех частных правоотношений так или иначе связана с двумя и более правопорядками, имеет трансграничный характер. Количество таких отношений неуклонно возрастает, одновременно повышается их сложность, ввиду чего проблема применения иностранного права постоянно актуализируется. Трансграничные частные отношения составляют предмет международного частного права, а «для понимания нашей дисциплины должно быть тщательно изучено прошлое, и только тогда мы сможем правильно оценивать и дальше совершенствовать настоящее. Несомненно, это способ является трудоемким и громоздким, но тот ошибается, кто считает, что история международного частного права является бесполезным и непрактичным компонентом, который служит лишь гарниром к основному блюду» (Meili, 1891:135). Эта мысль высказана швейцарским проф. Ф. Мейли в 1891 г., но звучит она более чем современно.

Представляется, что изучение истории МЧП, его генезиса и формирования актуально в любые времена и в любой ситуации. Настоящее исследование – попытка автора внести свой вклад в преодоление «идейного кризиса в юридической профессии в нашей стране»².

Происхождение права и правовых коллизий в первобытную эпоху

Французский ученый Б. Ансель остроумно заметил, что библейский эпизод о Вавилонской башне [Быт. 11:1–9] – это «начало различий в человеческом обществе и, следовательно, в правопорядках. Но есть ли уверенность в его историческом характере? Ответ вполне может относиться к вопросам веры...» (Ansel, 2008:12). Представляется, что вопросы веры могут затрагивать только конкретный эпизод как таковой, поскольку Ветхий Завет в целом представляет собой письменную фиксацию сложившихся тысячелетиями человеческих представлений о мироздании, отражает события и явления, имевшие место в глубокой древности, но генетически сохранившиеся в памяти потомков. Как справедливо отмечает известный шведский ученый

¹ Будущее юридического образования. Материалы опроса, проведенного с 11 по 30 декабря 2022 года среди практикующих юристов, студентов и сотрудников юридических вузов. М.: Центр трансформации юридического образования, 2023. С. 12.

² Будущее юридического образования. Материалы опроса, проведенного с 11 по 30 декабря 2022 года среди практикующих юристов, студентов и сотрудников юридических вузов. М.: Центр трансформации юридического образования, 2023. С. 12.

Э. Аннерс, «можно, по крайней мере, в основных чертах, реконструировать сущность правовых порядков и правовых норм за счет выделения из дошедших до нас материалов отдельных составляющих его массивов, часть из которых можно рассматривать в качестве материалов, воспроизводящих состояние общества и его правовые институты, которые как таковые старше самих текстов» (Anners, 1994:10). Многие факты, упомянутые в Ветхом Завете, уже нашли свое научное подтверждение. Сейчас мы обладаем достоверным знанием, основанном на данных археологии, антропологии, генетики, этнологии и этнографии, что первые межгрупповые правовые коллизии появились еще в первобытный период, при родоплеменном строе. Разумеется, с нашей точки зрения такие коллизии не были «международными», поскольку еще нет ни государств, ни народов. Это именно межгрупповые, межобщностные³ коллизии, схожие с современными интерперсональными или интерлокальными.

Проф. Б.И. Нефедов отмечает, что трансграничные общественные отношения появляются на ранних этапах развития человеческого общества, – они существовали в эпоху первобытнообщинного строя как результат межплеменной торговли (мены), института гостеприимства или запрета на образование семей в рамках одной родственной группы. При этом поскольку право в его общепринятом понимании (т.е. в его классическом воплощении как правил поведения, устанавливаемых и обеспечиваемых государством) в то время отсутствовало, эти отношения регулировались обычаями и иными социальными нормами (Nefedov, 2016a:4)⁴.

Безусловно, права как механизма государственного регулирования в первобытную эпоху не могло существовать по определению. Однако обычаи и иные нормы, регламентирующие существование и функционирование какой-либо стабильной человеческой общности, с течением времени приобретают правовой характер и, по мере их эволюции в направлении системной целостности, образуют право как совокупность общеобязательных предписаний, т.е. формируют правопорядок. В наше время правопорядок ассоциируется, прежде всего, с государством, «но в действительности он существует и существовал в других формах: античных городов, колен Израиля, варварских народов, средневековых общин, церквей, религиозных братств, франк-масонов, корпораций, спортивных лиг, общественных организаций (клубов, ассоциаций, научных обществ) и т.д.» (Ancel, 2008:5).

Представляется вполне корректной концепция тех ученых, которые утверждают, что в догосударственный период существует самостоятельный исторический тип права – обычное (архаичное) (Machin, 2001:328). Архаичные нормы имеют синкретичный⁵ характер, поскольку «первоначально право, нравственность, религия, приличие – все это смешивается воедино» (Korkunov, 1909:30). Обычное право того

³ В науке нет единства мнений, какие именно человеческие сообщества являются первичными ячейками в первобытную эпоху. Для целей настоящей работы (далекой от антропологии) употребляются термины «межгрупповой», «межобщностный», «межродовой», «межплеменной», «межклановый» как условно синонимичные понятия (какими с точки зрения антропологии они, безусловно, не являются). Имеются в виду какие-то первичные человеческие сообщества (роды, кланы, племена), коммуницирующие с другими аналогичными объединениями. Наиболее корректным здесь будет термин «межобщностный» (употребляется в социологии, но очень коряво звучит по-русски) или «межсообщностный» (пока в русском языке не существует).

⁴ По мнению проф. Б.И. Нефедова, как по этой причине, так еще и по целому ряду других, нельзя утверждать существование МЧП в первобытном обществе.

⁵ Неоднородный, недифференцированный.

времени – это орудие поддержания порядка без участия государственно-властного администрирования (Grafskiy, 2007:38). Человек, как существо по своей природе социальное, изначально находится внутри сообщества себе подобных. В таких первобытных сообществах по мере эволюции человека от *homo habilis* к *homo sapiens* формируется их собственный правоупорядок, который Б. Ансель определяет как сети отношений между людьми, образующими отдельные социальные группы, внутри которых их члены поддерживают между собой устойчивые отношения, разделяют общие ценности и выстраивают общие системы регулирования своего поведения (Ancel, 2008:15).

Безусловно, право – это социальное явление, поэтому его возникновение неразрывно связано с процессом формирования и развития общества. Существующие в юриспруденции точки зрения о времени появления права относительно возникновения общества и государства можно разделить на четыре основных варианта: 1) *ubi societas, ibi jus est* (где общество, там право, т.е. право возникает вместе с обществом); 2) *ubi civitas, ibi jus est* (где государство, там и право, т.е. право возникает вместе с государством); 3) право возникает позже возникновения общества, но до возникновения государства; 4) право возникает позже, чем государство (Shalyutin & Kisel, 2012:11). Поскольку исследование проблематики правогенеза не является целью настоящего исследования, то мы позволим себе неаргументированно согласиться с первой из приведенных концепций – право возникает вместе с обществом, т.е. социогенез одновременно является и правогенезом (Lapaeva, 2021)⁶. При этом правогенез – это не просто сторона, а решающий фактор становления общества (Shalyutin, 2011), так как потребность в саморегуляции проявляется на самых ранних стадиях социогенеза как естественно необходимая предпосылка выживания в условиях жесткого отбора. Суть этой саморегуляции очевидна: обеспечение жизнедеятельности, соблюдение баланса между коллективным и индивидуальным интересами (Kovler, 2002:109, 112). Совершенно справедливая мысль высказана проф. Б.С. Шалютиным – без образования права общество не могло бы сложиться (Shalyutin & Kisel, 2012:17).

Природа архаичного родового права подробно исследуется в трудах ученых-антропологов (Malinovskiy, 1998; Moss, 2011), в том числе правоведов, занимающихся юридической антропологией (Kovler, 2002; Rulan, 1999; Hoebel, 1954). Это сложнейшее и интереснейшее явление (во многом более богатое, нежели наше «цивилизованное» право). При этом чрезвычайно справедливым и важным представляется высказывание Э. Аннерса, что регулирование внутривидовых отношений до сих пор является малоизвестным, «так как система формирования права внутри родовой общины в том виде, в каком она сохранилась до наших дней, основывается на правовых нормах, существовавших между родами, а не внутри них» (Anners, 1994:13). Большая часть информации об архаичном праве получена не посредством изучения внутренних отношений и их регулирования, а путем изучения «внешних» отношений, в которые вступают человеческие сообщества, и регулирования этих отношений (междуродовых, т.е. «протомиждународных»). Интересна в этом отношении мысль проф. А.И. Ковлера, который, ссылаясь на зарубежных исследователей Э.А. Гобеля

⁶ Автор настоящего исследования хотела бы выразить искреннюю признательность главному научному сотруднику ИЗИСП и ИГП РАН, доктору юридических наук В.В. Лапаевой, поскольку именно ее статья сподвигла автора к размышлениям о роли экзогамии и табу на инцест в формировании норм МЧП.

и М. Баркана, полагает, что современное международное право – это не что иное, как первобытное право в мировом масштабе, система взаимопомощи, где правила возникают из договоренностей или обычаев (Kovler, 2002:63, 376).

Институт экзогамии и табу на инцест

На вопрос, когда возникли общество и право, можно дать только приблизительный ответ – 35–40 тыс. лет назад. Во всяком случае, недавние антропологические и генетические исследования останков древних людей эпохи верхнего палеолита, живших на территории России (стоянка Сунгирь, Владимирская область), доказывают, что уже 34 000 лет назад существовали запрет на инцест и практика обмена брачными партнерами между племенами (Sikora, Seguin-Orlando & Sousa Vitor, 2017). Именно с установления *экзогамии* (прообраз международного семейного права)⁷ и сопутствующего ей *табу на инцест* начинается отсчет существования общества и права: «Мы знаем, какую функцию выполняет запрет инцеста в первобытных обществах... запрет создает узы союза между естественными группами, первые, которые можно назвать социальными. Таким образом, запрет инцеста является основой человеческого общества; в некотором смысле это и есть общество» (Levi-Strauss, 1983:19).

Какие причины побудили человечество установить экзогамию и табуировать инцест – вопрос спорный. Основные концептуальные воззрения по этой проблематике проанализированы знаменитым французским антропологом К. Леви-Строссом в его книге «Элементарные структуры родства» (Levi-Strauss, 1969). Вкратце в самом общем виде их можно условно разделить на три большие группы: 1) физиологические (биологические, биолого-психологические); 2) природно-социальные (т.е. социальная рефлексия природного явления); 3) социальные (социологические, культурологические, социально-коммуникативные⁸).

Наиболее убедительной нам представляется биолого-психологическая теория, в соответствии с которой фундаментом экзогамии и табу на инцест (как механизма закрепления экзогамии) являются следующие факторы: 1) стремление избежать внутриобщинных конфликтов, спровоцированных нехваткой брачных партнеров; 2) страх перед болезнями и рождением слабого потомства, спровоцированными кровнородственными браками⁹; 3) генетически свойственные людям чувства эмпатии и взаимности (Larayeva, 2021:9), способные воспрепятствовать уничтожению себе подобных (и это одновременно с тем, что у человека как особого биологического вида отсутствуют инстинктивные блокираторы внутривидовой

⁷ Экзогамия (др.-греч. ἐξω «вне, снаружи» + γάμος «брак») – заключение брака за пределами определенной социальной группы, чаще всего родственной. Термины «эндогамия» и «экзогамия» введены шотландским исследователем брачно-семейных отношений первобытного общества Джоном Мак-Леннаном в работе «Primitive marriage» (1865).

⁸ Социально-коммуникативная теория сформулирована самим К. Леви-Строссом, который утверждал социальное происхождение инцестуального табу и считал, что любое явление в мире (заключение брака, образование государства) основано на обмене и взаимной коммуникации. См.: (Kovler, 2002:72; Scheffler, 1970:254).

⁹ К. Леви-Стросс еще в 1949 г. доказывал, что генетические болезни и кровнородственные связи напрямую между собой не связаны; современные медицина и этология придерживаются аналогичной позиции. Древние люди с этой позицией знакомы не были, они просто видели и собственные болезни, и болезни своих детей, передавая эту память последующим поколениям. По-видимому, из собственного опыта они сделали вывод, не соответствующий достижениям современной науки...

агрессии¹⁰); 4) формирующийся одновременно с распространением экзогамии страх перед «гневом богов» за нарушение табу. В конечном счете, в основе исследуемых явлений лежит тривиальный инстинкт самосохранения, стремление выжить и сохранить себя как вид, – экзогамия и табу на инцест позволили предотвратить угрозу самоуничтожения человечества. Совершенно прав А.И. Ковлер, утверждающий, что биолого-психологический регулятор является древнейшим и служит как бы фундаментом (генотипом) для других нормативных регуляторов (Kovler, 2002:106).

Один из основоположников антропологии культуры Э. Тайлор высказал мысль, что первая базирующаяся на экзогамии общность состояла из двух родов (Shalyutin & Kisel, 2012:18). В настоящее время более воспринятой является теория дуальной родовой общины, возникновение которой знаменует собой начало общества и права. Согласно этой сформулированной К. Леви-Строссом теории дуальную родовую общину образуют две фратрии, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя кланы (как правило, поровну в каждой фратрии) (Levi-Strauss, 1985:108, 119). Главная цель подобной структуры – обмен брачными партнерами, чтобы предотвратить внутриклановые столкновения и избежать инцеста.

Для дуальной родовой общины характерна *система тотемизма*. Простейшее персональное образование – клан – материализуется как духовное и правовое единство чаще всего в каком-либо животном (обезьяна, леопард, медведь), или птице (сокол, ястреб, филин), или силе природы (солнце, вода)¹¹. Тотем – это символическое воплощение коллектива и его членов: «Признак тотема не связан с отдельным животным или отдельным существом, а со всеми индивидами этого рода... Тотем передается по наследству по материнской или отцовской линии... Принадлежность к тотему лежит в основе всех социальных обязательств...» (Freud, 1997:11–12)¹². Тотем определяет клановую принадлежность человека, т.е. его правовую связь с кланом. При том, что в первобытном обществе человек еще не осознает собственной отделенной от коллектива субъектности, связь в пределах одного клана и с одним тотемом имеет персональный характер. Вследствие персонального характера тотемизма и интенсивного общения между кланами «с течением времени получается очень сложная и запутанная картина, когда в одной семье несколько членов принадлежат к различным системам тотемов. Подобная картина была знакома и Средневековью, когда преобладал принцип персонального статута» (Zimmerman, 1924:28). Тотем – это предтеча персонального статута (*lex personalis*), принадлежность к определенному тотему составляет *личный закон* каждого члена клана.

М. Циммерман отрицает объективную связь тотемизма с экзогамией, утверждая, что экзогамия не является непременной функцией тотемизма, а представляет собой одно из сопутствующих ему явлений (Zimmerman, 1924:30). З. Фрейд, напротив, считал, что тотемизм напрямую связан с экзогамией: «Члены одного и того же тотема не должны вступать друг с другом в половые отношения, следовательно, не могут также вступать между собой в брак» (Freud, 1997:12-13). С ним солидарен

¹⁰ Данная особенность человека могла бы стать источником гибели, если бы человеческий разум не оказался способным блокировать ее последствия. См.: (Lapayeva, 2021:8).

¹¹ Система тотемизма, когда клан (gotra) отождествляет себя с животным, растением, стихией сохраняется и в современном мире, в частности, в Индии среди племен, живущих при родовом строе. См.: Mujtaba S.I. Kinship in India. Режим доступа: <https://old.amu.ac.in/emp/studym/100010413.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).

¹² М. Циммерман, в свою очередь, считает, что связь с тотемом чаще всего передается по материнской линии. См.: (Zimmerman, 1924:28).

А.И. Ковлер, который акцентирует внимание на том, что табу на инцест, т.е. требование экзогамии было первичным брачно-семейным регулятором, а институт тотемизма был мощнейшим регулятором отношений родства, прообразом современного семейного права (Kovler, 2002:117, 124-125). Думается, что тотемизм и экзогамия соотносятся как общее и частное, род и вид: система тотемизма затрагивает все отношения в первобытном обществе, экзогамия – одно из проявлений этой системы.

Экзогамия – самый ранний по времени межобщинный институт. Табу на инцест – это высший надклановый закон, общий и универсальный для всех, запрещавший браки внутри клана как кровосмесительные. Таким образом, неизбежно выдвигается начало межкланового общения, т.е. дается старт брачно-семейным общественным отношениям «с участием иностранных лиц»: «Экзогамия остается одним из самых отчетливых проявлений существования у примитивных народов междуплеменной системы правовой регулировки основного вопроса продолжения существования человеческого рода» (Zimmerman, 1924:31). В недавнем прошлом, «на заре истории», столкновения между группами людей носили беспощадный характер – победители поголовно убивали или съедали побежденных (Sorokin, 1992:151). Однако 40 тыс. лет назад, инстинктивно осознав угрозу самоуничтожения, человечество пришло к выводу, что вступление в брак с «чужими» лучше, чем гибель на войне или от болезни¹³.

Любые человеческие взаимоотношения (как межличностные, так, тем более, межобщинные) требуют признания другого / других если не равными себе, то, во всяком случае, имеющими право на существование. До осознания необходимости экзогамии каждая обособленная группа людей расценивала себя как замкнутый в себе вид, а члены других аналогичных сообществ вообще не считались полноценными людьми: «Лишение жизни члена соседнего племени не рассматривается как настоящее убийство!» (Lorents, 1998:38). Другой тотем – это *другой*, нелюдь, не имеющая права на существование. Однако экзогамия императивно диктует наличие способности «*признать право другого быть другим*» (Kovler, 2002:29) и то, что этот другой – тоже человек. Запрет инцеста заменяет биологическую систему кровного родства социальной системой отношений свойства (Levi-Strauss, 1985:57), которая складывается в связи с межклановыми браками, и каждый клан считает своего контрагента *другим, но равным себе*: «Отдать дочь или сестру в жены представителю другого рода означало признать его человеком (в отличие от нелюдей за пределами общности), признать равным себе» (Shalyutin & Kisel, 2012:39). *Взаимное признание другого равным себе – вот основа экзогамии как первого межобщинного института.*

Как видим, признание равенства правопорядков (насколько этот термин уместен для системы тотемизма и внутриклановых обычаев) имеет место уже в первобытном обществе. Необходимо подчеркнуть к тому же, что это именно *взаимное* признание. Взаимность как обязательное условие экзогамии и социогенеза подчеркивается К. Леви-Строссом (Levi-Strauss, 1969:481, 488). Взаимность, как уже было сказано, – чувство, генетически присущее человеку; как и экзогамия, оно составляет фундамент правогенеза. *Взаимность – одно из древнейших начал, лежащих в основе МЧП и ныне составляющих его базовые принципы.*

¹³ Это парафраз афоризма Э. Тайлора «выйти замуж или быть убитым», более изощренная версия которого лежит в основе теории К. Леви-Стросса о браке как обмене. См.: (Scheffler, 1970:267).

Межклановые отношения, возникавшие в связи с экзогамией, – первые в истории общественные отношения, требующие учета укладов (обычаев) не одного, а двух и более тотемов. Брачные отношения между кланами не были произвольными и решались волею двух или нескольких кланов. Поскольку отношения между кланами и их тотемами становились все более сложными, «постепенно выкристаллизовалась целая система междуплеменных норм, которая весьма детально регулировала степень родства кланов и тотемов» (Merezhko, 2006:18). Эти нормы основаны на особых соглашениях, со временем принимавших характер обычного права. Попутно возникал и ряд других проблем, связанных с правами и судьбой потомства от таких смешанных браков (Zimmerman, 1924:30). К тому же «требование экзогамии в половых отношениях делало необходимым существование жесткого коллективного контроля, а также соблюдение брачно-групповых предписаний, регулирующих эти отношения» (Kovler, 2002:112–113).

Межклановые брачно-семейные отношения – первые общественные отношения, которые по сей день входят в сферу МЧП. Любое общественное отношение потенциально способно вызвать спор, соответственно, есть необходимость его регулирования. Можно предположить, что основной архаичный регулятор имеет материально-правовой характер, т.е. это прямые предписания, согласованные на межклановом уровне. Они касались, прежде всего, самой возможности вступать в брак с представителями договаривающихся кланов. Справедливым представляется утверждение М. Циммермана, что предпосылкой соглашений «является сознание обязанности выполнять нормы, истекающие из общего религиозного сознания» (Zimmerman, 1924:30). Таким образом, древнейшим источником МЧП выступает прообраз международного договора – соглашение двух и более разных человеческих групп. Это, естественно, устное соглашение, совершенное по определенной ритуальной форме. Оно заключается единожды при установлении межклановых отношений; после этого «регулировка экзогамии далеко не связана с необходимостью каждый раз совершать формальные акты, наоборот, она покоится чаще всего на обычае и прецедентах, но это не подрывает правового значения этой своеобразной системы взаимоотношений племен» (Zimmerman, 1924:30-31)¹⁴.

Однако несмотря на наличие общих материальных правил поведения, межтотемные коллизии все равно возникают и требуют применения обычаев конкретного тотема. По-видимому, брачный обряд совершается по тотему мужа; вопросы приданого / выкупа за невесту определяются тотемом жены. Связанные с брачно-семейными отношениями нарушения подчиняются тотему места происшествия. Ребенок принадлежит тотему отца, наследует его личный закон. Подобные гипотезы подтверждаются как археологическими исследованиями, так и изучением современных человеческих общностей, живущих при родоплеменном строе в регионах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании (Minakov, 1978). Ввиду этого мы можем утверждать, что первобытному обществу известны такие коллизионные нормы, как *lex personalis* и *lex loci actus*.

¹⁴ Прецедент у этого автора – казус, отдельный случай, послуживший образцом и лежащий в основе формирования обычного правила поведения.

Институт гостеприимства

Институт гостеприимства (прообраз права иностранцев) формируется параллельно с экзогамией и вырастает из нее, поскольку межклановые браки возможны только при наличии хотя бы минимального признания прав «иностранцев» («иноплеменников»), принадлежащих другому тотему.

Как писал проф. М.И. Брун, «на первобытных ступенях цивилизации слова иностранец и враг были синонимами. В сочинениях по этнографии доисторической культуры... множество иллюстраций этого положения» (Brun, 1911:152). Общение с чужим было запретным действием, существовало табу на общение с иноплеменниками – потенциальными носителями «зловредной» магии, способной нанести вред тем, кто соприкасается с ними (Kovler, 2002:113). По общему правилу, в первобытном обществе чужеземец находился вне племенного правопорядка, его мог убить любой туземец, забрав себе имущество (Zimmerman, 1924:35–36). В такой ситуации развитие экзогамии и соблюдение табу на инцест становятся практически невозможными, поскольку все «чужие» подлежат уничтожению. Однако «даже в наиболее отдаленные времена, когда доминировала идея, что тот, кто не принадлежит к общине, в принципе лишен правосубъектности, все же допускались разнообразные исключения, так как было бы невозможно отрицать полезность одного человека для другого» (AnceI, 2008:8).

В основе института гостеприимства лежит практика *заложничества*, известная всем первобытным сообществам. Она появляется, когда победители в межплеменных столкновениях начинают понимать, что не всех побежденных нужно уничтожать, – части из них целесообразно сохранить жизнь и использовать ее на пользу своего племени: «Экзогамия ... утверждает социальное существование других людей ... экзогамный брак приносит пользу обществу» (Levi-Strauss, 1969:480). Постепенно, с развитием понимания, что постоянные конфликты с соседями угрожают собственной гибелью, формируется масштабный институт «горизонтального» заложничества, которое складывается в истории, когда между сторонами отсутствуют властные отношения, и силы сторон приблизительно равны: «Обмен заложниками является архетипической формой... урегулирования межплеменных отношений» (Shalyutin & Kisel, 2012:36).

Первоначально заложниками выступали женщины, покидавшие свой клан при вступлении в брак, что диктовалось требованиями экзогамии. Женщины, ушедшие в клан брачного партнера, в случае межкланового конфликта не могли не оказываться в роли заложников и выступали своего рода «болевыми точками» клана происхождения, полностью находящимися во власти контрагента (Shalyutin & Kisel, 2012:38). Такое заложничество носило односторонний характер. Однако клан, отдающий своих женщин в заложники, в свою очередь, получает в заложники женщин другого клана, поскольку фундаментальной и общей основой всех форм института брака всегда выступает обмен. Заложничество становится дву- и многосторонним, а заложный в его природе обмен дает средства связывания людей вместе и формирования союза, управляемого правилом (Levi-Strauss, 1969:478, 480).

Как считает К. Леви-Стросс, правило экзогамии представляет собой выражение обмена (Levi-Strauss, 1969:480), табу на инцест – это отрицательная сторона положительного брачного правила, правила обмена (Scheffler, 1970:265). Б.С. Шалютин подчеркивает, что обмен заложниками в принципе имманентен экзогамии, в процессе

становления дуально-родовой организации эти два явления демонстрируют единство своего происхождения (Shalyutin & Kisel, 2012:38). Точно так же, как экзогамия и табу на инцест, институт взаимного заложенчества – начало становления человеческого общества.

По мере эволюции заложенчество трансформируется в гостеприимство. Совершение брачного обряда естественным образом требует приема гостей из другого клана, по отношению к которым нельзя проявлять враждебности и пытаться их уничтожить. Женщины, вышедшие замуж в другой клан, и дети от таких браков сохраняют определенные связи с «материнским» тотемом, что также меняет отношение к «чужим». Ввиду осознания необходимости внешних связей постепенно формируется обычай, позволявший чужеземцу выбрать себе среди членов племени покровителя, который был обязан защищать своего гостя (Merezhko, 2006:18–19). Обязанности покровителя священны и ритуальны – у современных архаичных сообществ (в частности, у индейцев маори в Новой Зеландии) ритуал гостеприимства включает в себя обязательное приглашение, которого гость не должен отвергать, но которого он также не должен добиваться; покровитель должен приготовить еду специально для гостя и смиренно присутствовать во время еды; перед уходом чужестранец получает подарок на дорогу (Moss, 2000:153). Через гостеприимство сначала прецедентным, потом обычным путем сложилась система охраны прав иностранцев и этим были «заложены основы для признания общего принципа открытого доступа в различные страны подданным чужих государств» (Zimmerman, 1924:35).

Институт гостеприимства – это всегда часть местного правопорядка, предполагающая прямое материальное регулирование. Здесь нет коллизии законов, здесь всегда действует *lex domestica*, личный закон покровителя. Но нельзя забывать, что институт гостеприимства – это основа права иностранцев: «Торговля ... брачные стратегии, необходимость укреплять безопасность стимулировали щадить иностранцев и признавать за ними статус субъекта права... Это признание ... со временем расширилось и постепенно, более или менее намеренно, стало основой для статуса иностранца» (Ansel, 2008:8). Право иностранцев по сей день во многих странах Европы, Латинской Америки, Азии и Африки входит в предмет МЧП.

Договор мены (межплеменная торговля)

Договор мены (прообраз международного контрактного права) – третье явление первобытного общества, отношения в связи с которым можно считать предтечей МЧП. В доктрине МЧП долгое время господствовала позиция, что первооснову его предмета составляют имущественные отношения. Например, проф. А.А. Мережко пишет: «Более того, можно утверждать, что МЧП – столь же древний феномен социальной действительности, как и международная торговля...» (Merezhko, 2006:21). Однако, как явствует из проведенного анализа, отношения сферы МЧП появляются намного раньше международной торговли, при этом сначала складываются межобщностные личные неимущественные отношения, обусловленные стремлением человечества сохранить себя как вид, а имущественные связи возникают только во вторую очередь. Мена появляется позже институтов экзогамии и гостеприимства, но неразрывно связана с ними.

В первобытном обществе наряду с обменом людьми, выражением которого является экзогамия, развивается система отношений *дарообмена*, также имеющего

межгрупповой характер. Фундаментальная функция обмена дарами та же, что у обмена людьми (Shalyutin & Kisel, 2012:86). С развитием и распространением табу на инцест дарообмен становится непременным атрибутом экзогамии и приобретает обязательный характер – клан, семья, гость не могут не просить гостеприимства, не принимать подарков, не торговать, а отказаться дать или взять тождественно объявлению войны, означает отказ от союза и объединения (Moss, 2000:152–153).

Дарообмен имеет ритуальный и мифологический характер. Следует признать правоту Б.С. Шалютина, отмечающего, что обмен дарами принципиально отличен от рациональных торговых отношений, но одновременно иррациональный миф обеспечивает вполне рациональный и справедливый характер обмена, гарантируя и наличие, и эквивалентность «отдарка», ибо в противном случае неминуемо последует кара (Shalyutin & Kisel, 2012:86). Экзогамия предполагает появление «гостей», а гости приносят дары – неизвестные клану предметы. Невеста также приносит приданое, в котором присутствуют вещи, новые для клана мужа. Так постепенно приходит осознание целесообразности получать нужные товары извне и формируются договорные отношения обмена товарами, имеющие уже не обязательный, а добровольный характер.

Даже в глубокой древности человеческая общность не может находиться в полной изоляции, поскольку не способна обеспечить себя всеми нужными для жизни предметами. М. Циммерман, ссылаясь на известного французского египтолога М. Морэ, приводит результаты археологических раскопок на территории Египта, которые показывают, что в эпоху неолита у местного населения были изделия, изготовленные на Синае и в Аравии. Частые торговые связи объединяли долину Нила и страны Средиземноморья в самые отдаленные времена (Zimmerman, 1924:35). Первобытные народы обычным, прецедентным или договорным путем устанавливают порядок обмена товарами. Это влечет за собой необходимость обеспечить свободу путей к местонахождению меновых товаров (Zimmerman, 1924:35). Первобытная мена формирует межплеменной торговый оборот, предполагающий признание и правовую защиту имущественной неприкосновенности чужеземца.

Когда место обмена товарами находилось на какой-то «нейтральной» территории, а не в локации определенного сообщества, то, скорее всего, здесь действовала межобщностная договоренность, т.е. выражаясь современным языком, было унифицированное материальное регулирование. Однако почва для коллизий в данной ситуации имеется – если нарушение правил обмена или эквивалентности товаров выяснялось по возвращении заинтересованных сторон на свои территории, то претензии предъявлялись по личному закону нарушителя. Когда место обмена располагалось на территории проживания какого-либо племени, то в этом случае применялись его обычаи, т.е. закон места совершения сделки. Это, естественно, предположение, но подтверждение ему можно найти в археологических и антропологических исследованиях.

Наличие МЧП в Древнем мире – доктринальная полемика

В доктрине безусловно доминирует убеждение, что в догосударственный период не может быть и речи о существовании МЧП даже в самой неразвитой форме, что МЧП начинается в эпоху Возрождения, когда итальянские города-государства признают равенство разных право порядков, соответственно, возможность действия

на своей территории статутах другого города: «Международное частное право может создаваться только тогда, когда проявляется уважение к иностранному праву, когда существует атмосфера равенства, атмосфера в которой развивалась «правовая мысль» итальянских городов-государств, начиная с XII столетия» (Wolf, 1948:35).

По мнению проф. Л.А. Лунца, возникновение проблем МЧП было вызвано определенными социально-экономическими условиями: «Вопросы международного частного права могли возникнуть и получить практическое значение лишь при интенсивном торговом обмене между населением государств или областей, из которых каждая обладала различным по содержанию гражданским правом... Таким образом, два условия – интенсивный торговый обмен... и наличие существенных различий в гражданском праве... были предпосылками, при которых могли возникнуть проблемы международного частного права... эти предпосылки необходимы, но не всегда достаточны для возникновения коллизионного права...» (Lunts, 2002:117–118). Очевидно, что ученый ставит возникновение МЧП в зависимость, прежде всего, от развития экономических связей, от торгового обмена. При этом, говоря о МЧП, Л.А. Лунц подразумевает «коллизионное право», т.е. целостную совокупность правил выбора компетентного закона.

Однако, как мы попытались показать, межгрупповой (прообраз международного, трансграничного) обмен людьми (брачные отношения) предшествовал обмену товарами, и именно это создавало почву для правовых коллизий, поскольку в каждой группе был собственный уклад, собственная система клановых обычаев. Интенсивный торговый оборот отнюдь не является необходимой предпосылкой для наличия межобщностных коллизий и осознания необходимости иметь механизм их решения; первые коллизионные нормы возникают ввиду необходимости регулировать личные неимущественные отношения. Стремление сохранить себя как вид и избежать самоуничтожения более приоритетно в сравнении с экономическими потребностями.

Проф. Б.С. Нефедов приводит развернутую и убедительную аргументацию, почему МЧП не могло возникнуть не только в первобытном обществе или в Древнем мире, но даже в Новое время, до конца XIX в. (Nefedov, 2016a). С его точки зрения, увязать возникновение МЧП как правового явления можно с принятием ГГУ (1896) и Вводного закона к нему, содержащего «выделенную в самостоятельную структуру систему коллизионных норм, направленных на регулирование именно трансграничных отношений» (Nefedov, 2016b:13–14).

Безусловно, если понимать МЧП как целостную совокупность норм, взаимосвязанных и взаимозависимых, образующих системное единство и закреплённых в позитивном праве, то его существование нельзя утверждать, по меньшей мере, до XIV в., т.е. до появления первых конфликтных научных доктрин, воплощаемых в жизнь судебной практикой. В такой парадигме рассуждений следует признать правоту Б.С. Нефедова, что как правовое явление, а, тем более, как крупный структурный элемент права, МЧП в первобытную эпоху просто не могло появиться по определению (Nefedov, 2016a:4).

Однако мы и не пытаемся доказывать, что МЧП сформировалось уже в догосударственный период, мы лишь обосновываем, что целый ряд отношений, ныне входящих в его предмет, формируется одновременно с обществом и правом, более того, лежит в основе общества и права¹⁵. Наличие подобных отношений

¹⁵ Мы уже ссылались на высказывание К. Леки-Стросса, что «запрет инцеста является основой человеческого общества; в некотором смысле это и есть общество».

предполагает возможность возникновения связанных с ними спорных ситуаций, и, соответственно, какого-либо инструментария, способного их разрешать. Выработка отдельных коллизионных начал естественным образом предполагала спорадическое применение будущего эксклюзивного метода МЧП – коллизионного.

С другой стороны, гипотеза о том, что МЧП берет свое начало в первобытную эпоху, также известна в научной доктрине, но ее сторонники находятся в явном меньшинстве. Среди сторонников следует назвать проф. А.А. Мережко, который (ссылаясь на М. Циммермана) утверждает, что, опираясь на данные антропологии и истории первобытного общества, «можно говорить о дальнем прообразе МЧП в лице междуплеменного права... период междуплеменного права можно рассматривать как предысторию МЧП» (Merezhko, 2006:17–19). Аналогичной позиции придерживается Г. Хамза, подчеркивающий: научные исследования XX в. с полной уверенностью позволяют сделать вывод, что отдельные нормы МЧП закрепляются в правопорядках древних государств, более того, в древности существовало МЧП в собственном смысле этого слова (т.е. коллизионные нормы, правила выбора применимого права), хотя и в самой зародышевой форме (Hamza, 2008:84).

Необходимо отметить при этом, что современная доктрина не проявляет большого интереса к вопросам генезиса МЧП¹⁶; большинство авторов ограничивается кратким пассажем, например: «В древние времена, до 800 года до н.э., нормы международного частного права были неизвестны, хотя люди путешествовали в другие страны и контактировали с лицами разного этнического происхождения» (Vrellis, 2009:19). Между тем очень важно не преуменьшать степень развития МЧП в Древнем мире (Mills, 2006:5), поскольку именно этот опыт впоследствии стал фундаментом для создания первых законодательных коллизионных норм и первой научной доктрины МЧП – теории статутов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что коллизии, предполагающие решение вопроса о выборе применимого права, имеют место при наличии следующих факторов: 1) две и более человеческие общности, живущие обособленно; 2) два и более правопорядка, установленных в обособленных человеческих общностях; 3) какие-либо связи (личные, имущественные) между этими общностями; 4) общности признают взаимное право на существование, взаимное равенство, а главное – *право другого быть другим*. Как и в современном мире, причиной возникновения МЧП является частнопредметный оборот, связанный с двумя и более правовыми порядками.

Таким образом, отношения, ныне входящие в предмет МЧП, появляются в первобытном обществе. Данные археологии, антропологии и изучение современных первобытных общин позволяют утверждать, что источниками регулирования коллизий их правопорядков являются межобщностные соглашения (прообраз международных договоров) и внутриобщностные обычаи. С точки зрения методов регулирования доминирует материально-правовой, т.е. прямые предписания, установленные в соглашениях. Коллизионный метод применяется, но достаточно редко; основной коллизионный принцип – *lex personalis*; известен также *lex loci actus*.

¹⁶ В частности, из современных российских авторов исключение составляет только проф. Б.И. Нефедов.

Проведенное исследование позволяет подтвердить гипотезу, что МЧП берет свое начало в первобытную эпоху, и лежащий в ее основе вывод: *в догосударственный период в рамках первобытного права сформировались три института, составляющие изначальный предмет современного МЧП: экзогамия (трансграничные брачно-семейные), гостеприимство (право иностранцев), мена (международное контрактное право); первые правила выбора применимого права (разрешения коллизий законов) – lex personalis и lex loci actus – возникают также в этот период.* Конечно, данная научная гипотеза представляет собой всего лишь попытку исторической реконструкции, поскольку при полном отсутствии письменных источников более весомых доказательств привести не представляется возможным.

References / Список литературы

- Ancel, V. (2008) *Histoire du droit international privé*. Paris, Université Panthéon-Assas (Paris II).
- Anners, E. (1994) *History of European law*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.
- Brun, M.I. (1911) *International private law: a course given at the Moscow Commercial Institute in 1910-11*. Moscow, Type. L.M. Prokhorov and N.A. Yashkin. (in Russian).
Брун М.И. Международное частное право: курс, читанный в Московском Коммерческом Институте в 1910-11 годах. М.: Тип. Л.М. Прохорова и Н.А. Яшкина, 1911. 313 с.
- Grafskiy, V.G. (2007) *General history of law and state*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М.: Норма, 2007. 738 с.
- Freud, S. (1997) *Totem and taboo: Psychology of primitive culture and religion*. Saint Petersburg, Aletheya Publ. (in Russian).
Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 222 с.
- Hamza, G. (2008) ¿Existió el Derecho Internacional Privado en el Imperio Romano? *Revista Internacional de Derecho Romano*. Octubre. 78–90.
- Hoebel, E.A. (1954) *The Law of Primitive Man*. Cambridge, Harvard University Press.
- Kovler, A.I. (2002) *Anthropology of law: Textbook for universities*. Moscow, NORMA Publ. (in Russian).
Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2002. 480 с.
- Korkunov, N.M. (1909) *Lectures on the general theory of law*. 9th ed. (no change). Saint Petersburg, store N.K. Martynova Publ. (in Russian).
Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. (без изм.). СПб.: магазин Н.К. Мартынова, 1909. 354 с.
- Lapaeva, V.V. (2021) The right of technogenic civilization in the face of the challenges of technological dehumanization. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (3), 4–35. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.4.35> (in Russian).
Ланаева В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 4–35. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.4.35>
- Levi-Strauss, C. (1983) *Structural Anthropology*. Vol. 2. University of Chicago Press.
- Levi-Strauss, K. (1985) *Structural anthropology*. Moscow, Nauka. (in Russian).
Леву-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
- Levi-Strauss, C. (1969) *The Elementary Structures of Kinship*. Boston, Beacon Press.
- Lorenz, K. (1998) *The reverse side of the mirror*. Moscow, Republic Publ. (in Russian).
Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
- Lunts, L.A. *Course of international private law: in 3 volumes*. М.: Spark, 2002. 1008 p. (in Russian).
Луцк Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1008 с.
- Malinovskiy, B. (1998) *Magic, science and religion*. Moscow, Refl-book Publ. (in Russian).

- Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
- Machin, I.F. (2001) On the issue of the origin of law. In: Marchenko, M.N. (ed.). *Problems of the theory of state and law*. Moscow, Jurist Publ. (in Russian).
- Мачин И.Ф.* К вопросу о происхождении права / Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2001. 656 с.
- Meili, F. (1891) Die Doctrin des internationalen Privatrechts. *Zeitschrift fur internationales Privat- und Strafrecht*. (1), 135-148.
- Merezhko, A.A. (2006) *The science of private international law: history and modernity*. Kyiv, Takson Publ. (in Russian).
- Мережко А.А.* Наука международного частного права: история и современность. Киев: Таксон, 2006.
- Mills, A. (2006) The Private History of International Law. *The International and Comparative Law Quarterly*. 55(1), 1–49.
- Minakov, A.I. (1978) Interpersonal conflicts in some developing countries of Asia, Africa and Latin America. *Bulletin of Moscow University*. (4), 35–40. (in Russian).
- Минаков А.И.* Интерперсональные коллизии в некоторых развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки // Вестник Московского университета. 1978. № 4. С. 35–40.
- Moss, M. (2000) *Social functions of the sacred. Selected works*. Saint Petersburg, Eurasia. (in Russian).
- Мосс М.* Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
- Moss, M. (2011) *Society. Exchange. Personality. Proceedings on social anthropology*. Moscow, KDU Publ. (in Russian).
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
- Nefedov, V.I. (2016a) The emergence of private international law. Part 1. *Moscow Journal of International Law*. (1), 3–18. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-1-3-18> (in Russian).
- Нефедов В.И.* Возникновение международного частного права. Часть 1 // Московский журнал международного права. 2016. № 1. С. 3–18. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-1-3-18>
- Nefedov, V.I. (2016b) The emergence of private international law. Part 2. *Moscow Journal of International Law*. (3), 3–18. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-3-18> (in Russian).
- Нефедов В.И.* Возникновение международного частного права. Часть 2 // Московский журнал международного права. 2016. № 3. С. 3–18. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-3-18>
- Rulan, N. (1999) *Legal anthropology*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. 310 с.
- Sorokin, P.A. (1992) *Human. Civilization. Society*. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Scheffler, H.W. (1970) The Elementary Structures of Kinship by Claude Lévi-Strauss: A Review Article. *American Anthropologist. New Series*. (72), 251–268.
- Shalyutin, B.S. (2011) Legal genesis as a factor in the formation of society and man. *Voprosy Filosofii*. (11), 14–26. (in Russian).
- Шалютин Б.С.* Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 14–26.
- Shalyutin, B.S. & Kisel, I.V. (2012) *Origin and essence of law and state: Textbook*. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural Institute of Economics, Management and Law. (in Russian).
- Шалютин Б.С., Кисель И.В.* Происхождение и сущность права и государства: Учебник. Екатеринбург: изд-во Уральского института экономики, управления и права. 2012. 115 с.

- Sikora, M., Seguin-Orlando, A. & Sousa Vitor, C. (2017) Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers. *Science*. <https://doi.org/10.1126/science.aao1807>. Режим доступа: https://www.academia.edu/34831764/Ancient_genomes_show_social_and_reproductive_behavior_of_early_Upper_Paleolithic_foragers (дата обращения: 07.11.2023).
- Zimmerman, M. (1924) *History of international law (from ancient times to 1918)*. Prague, Printing house of the Russian Faculty of Law in Prague. (in Russian).
Циммерман М. История международного права (с древнейших времен до 1918 года). Прага: Типография русского юридического факультета в Праге, 1924. 382 с.
- Vrellis, S. (2009) Historical Evolution. In: *Private International Law in Greece*. Wolters Kluwer International BV, The Netherlands.
- Wolf, M. (1948) *International private law*. Moscow, State foreign publishing house lit. Publ. (in Russian).
Вольф М. Международное частное право. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 703 с.

Сведения об авторе:

Гетьман-Павлова Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента правового регулирования бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, г. Москва, Мясницкая ул., д. 20

ORCID ID: 0000-0002-2428-8016; SPIN код: 1853-0562; Researcher ID: L-7448-2015
e-mail: getmanpav@mail.ru

About the author

Irina V. Get'man-Pavlova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, Higher School of Economics; the National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-2428-8016; SPIN code: 1853-0562; Researcher ID: L-7448-2015
e-mail: getmanpav@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-297-315>
EDN: JESQJM

Научная статья / Research Article

Надзорные органы в системах власти России и отдельных зарубежных стран: сравнительный анализ

С.Г. Рокитянский ✉

Прокуратура Московской области, г. Москва, Российская Федерация
Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
✉Rocky1979@rambler.ru

Аннотация. Надлежащее исполнение законов является приоритетом любого государства, однако, в разных правовых порядках сложились различные модели и традиции осуществления надзора за законностью. Как в Российской империи, так и в Советском Союзе и современной России статус прокуратуры всегда был обусловлен выполнением собственной независимой государственной функции надзора за законностью, в том числе в действиях представителей власти. *Европейским и англо-американским* правовым порядкам неизвестно связанное с этим понятие общего надзора, а прокуроры не имеют соответствующих полномочий. В *социалистической* модели Китая с целью надзора за деятельностью властей создана отдельная от прокуратуры независимая система надзорных органов. Каждая модель имеет свои онтологические, структурные и организационные особенности, а их сравнительный анализ и обобщение накопленного опыта позволяет выявить преимущества и недостатки соответствующего подхода, чем обусловлена актуальность исследования. Исследование направлено на выявление и анализ общего и частного в четырех организационных моделях обеспечения государством режима законности. Особенностью исследования является то, что *эмпирическая база* сравнения надзорных органов формируется с акцентом не на признаки внешнего сходства (не по названию «прокуратура» или «прокурор»), а с использованием методологически точного *критерия* – самой выполняемой государственной функции, вне зависимости от органа, которым она выполняется (функциональный подход). Были изучены аутентичные тексты законов и других нормативных актов, авторитетные доктринальные источники, релевантная судебная практика, официальные разъяснения иностранного законодательства. Результатом исследования стали обоснованные выводы об уникальности российской модели прокуратуры, которая обладает рядом преимуществ любой из рассмотренных зарубежных моделей, дополняет их собственными и способна, поэтому, воспринимать положительный опыт для наиболее эффективного достижения поставленных перед ней целей, вне зависимости от его происхождения.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, статус прокурора, общий надзор, публичный интерес, защита прав человека, прокуратура КНР

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

© Рокитянский С.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Рокитянский С.Г. Надзорные органы в системах власти России и отдельных зарубежных стран: сравнительный анализ // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 297–315. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-297-315>

Supervisory bodies in the systems of power in Russia and certain foreign countries: Comparative analysis

Sergei G. Rokityanskii✉

Public Prosecutor's Offices of the Moscow Region, Moscow, Russian Federation
University of the Prosecutor General's Office, Moscow, Russian Federation
✉Rocky1979@rambler.ru

Abstract. The significance of law enforcement cannot be understated in any state, and diverse models and traditions of law enforcement have evolved within different legal systems. The status of the Procuracy in the Russian Empire, the Soviet Union and modern Russia, has been consistently characterized by its own independent power for supervising legality, including the actions of government officials. This contrasts with the European and Anglo-American legal systems where the concept of "general supervision" is not present and prosecutors do not possess equivalent powers. In the socialist model of China, an independent system of supervisory bodies has been established separately from the procurator's office to oversee the activities of government officials. Each model exhibits distinct ontological, structural and organizational features, and a comparative analysis of their accumulated experiences facilitates the identification of their respective advantages and disadvantages, underscoring the relevance of this study. The research aims to identify and analyze the commonalities and differences among four organizational models for ensuring the rule of law. Notably, the empirical basis for comparing supervisory authorities emphasises the state superiority function, irrespective of the body responsible for its execution (functional approach), rather than external similarities such as the name "prosecutor's office" or "prosecutor". The study draws from authentic legal texts, regulations, authoritative doctrinal commentaries, relevant judicial practices, and official interpretations of foreign legislation. The outcomes of the research lead to informed conclusions regarding the distinctiveness of the Russian model of the Procuracy, which incorporates several advantages from each foreign model, complements them with its own features and is thus capable of embracing positive experiences, regardless of their origins, to effectively fulfill its mission.

Key words: Procuratorate, procuratorial supervision, general supervision, procurators status, public interest, protection of human rights, People's Procuratorate of the PRC

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 20th September 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Rokityanskii, S.G. (2024) Supervisory bodies in the systems of power in Russia and certain foreign countries: Comparative analysis. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 297–315. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-297-315>

Введение

В российской правовой науке усилиями ведущих юридических школ постепенно предпринимаются последовательные попытки вернуться к методологической стройности и, собственно, к «научности», которая была присуща как доктринальной

дореволюционной классике (Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Коркунов, А.Ф. Кистяковский и др.), так и строгой исследовательской работе советских правоведов (А.А. Мишин, С.Ф. Кечекьян, О.Э. Лейст и др.), Такой тренд задает сама жизнь и политико-правовая практика – бурное развитие общественных отношений и коренные преобразования общественных, государственных и политических институтов создают в управленческой и юридической среде запрос на научно-обоснованное, объективное знание о закономерностях данных процессов, а не на абстрактное политико-правовое философствование. Поэтому приверженность строгой методологии правовых исследований, благодаря которой обеспечивался и обеспечивается надлежащий уровень достоверности результатов юридических исследований, является вопросом первостепенным.

В сравнительных исследованиях вопрос метода (особенно – критерия сравнения) является еще и определяющим, поскольку от правильного его решения зависит не только сам процесс сравнения (непосредственно исследование), но и надлежащее определение эмпирического материала (сравнительной базы), неправильный подбор которого изначально поведет исследование по ложному пути и к недостоверным результатам.

Во-первых, как показывает одна из последних докторских диссертаций по данной проблеме (Troitskaya, 2020), беспорядочное обращение к правовым институтам разных стран лишь по признакам внешнего сходства (например, по наименованию или структуре) с большой долей вероятности не способно дать достоверное знание о схожести или различности самой государственной функции (содержания деятельности) в сравниваемых государствах и, тем более, причин или следствий такой деятельности.

Во-вторых, как подчеркивается в одном из наиболее фундаментальных диссертационных исследований онтологии англо-американского прецедентного права (что вызывает особый интерес с точки зрения сравнения континентальных и англо-американских правовых институтов), бесполезно пытаться понять тот или иной зарубежный правовой институт, механически примеряя используемые в нем категории и понятия (например, «суд», «судья», «присяжные», «судебное решение», «законотворчество» и т.д.) на реалии собственной правовой системы исходя из наших собственных знаний о праве и юридической практике – ловушка искажения здесь кроется как во временном факторе, так и в культурно-пространственном (Lesiv, 2022:28). Об этой методологической сложности серьезно высказался О. Шпенглер, который убедительно показал, что поверхностные аналогии «не имеют никакого смысла в плане морфологии», а распространенная практика «подбора [этих] образов определяется исключительно прихотью, а вовсе не *идеями*, не ощущением необходимости» (Spengler, 2017:14).

Результаты указанных исследований еще раз подтвердили важность использования функционального подхода в сравнении государственно-правовых институтов. *Критерием* такого исследования выступает в первую очередь не название или внешнее структурное сходство, например, государственных органов, а сама государственная функция. Его *эмпирической базой* тогда становится не законодательство о конкретном государственном органе само по себе, а порядок организации и осуществления самой функции, а также ценностно-идеологический контекст ее осуществления, место в системе власти и права в целом. Только тогда можно сказать, схожи или различны подходы тех или иных государств к решению тех или иных

государственно-правовых вопросов. Иначе можно прийти к ложным выводам, например, сравнив внешне похожие (по названию) публичные органы и не найдя точек пересечения, хотя на самом деле может оказаться, что функцию одного из органов осуществляет совершенно иной орган в другом государстве, к примеру, функцию высшего административного суда во Франции осуществляет вовсе не Кассационный суд, а Государственный совет.

В сравнительно-правовом исследовании статуса прокуратуры решение поставленной методологической проблемы представляет особую важность. Это обусловлено тем, что исторически функция надзора за соблюдением законов и гражданских прав развивалась и приобретала организационную форму совершенно по-разному не только в масштабах правовых семей (континентальная, англо-американская, восточная), но даже в рамках конкретных государств (например, Франция и Германия не имеют полностью аналогичных институтов и подходов). Кроме того, в одних странах функция по надзору за соблюдением законов охватывает понятие надзора за соблюдением уголовных запретов (и, следовательно, функцию уголовного преследования), а в других – данные функции разделены.

Наконец, в России прокуратура исторически стала выполнять поистине всеобъемлющую надзорную функцию, которая привела к появлению понятия об общем надзоре – надзоре за соблюдением прав человека и правомочностью и обоснованностью буквально любого действия или решения, особенно – государственных органов. Это связано с тем, что, когда в XVIII в. назрела необходимость принятия решения об учреждении российской прокуратуры, в государственном устройстве произошли настолько масштабные системные изменения (Petrovskii, 1875)¹, что этот *социально-правовой контекст* просто не мог не отразиться на статусе органа, который учреждался с целью «накрепко смотреть, дабы [власть] в своем звании праведно и нелицемерно поступала»². Исследователи подтверждают, что «в условиях начала 1720-х гг. в России существовала объективная потребность в органе власти, призванном осуществлять *надзор за высшим и центральным звеньями государственного аппарата*» (Segov, 2011:60), что и стало основной функцией российской прокуратуры, отличающей ее сущность от схожих органов в иностранных государствах.

Следовательно, именно в данном контексте и с прицелом на данную всеобъемлющую и полномасштабную государственную функцию необходимо проводить сравнительно-правовые исследования статуса надзорных органов в различных правовых порядках, чтобы данные исследования имели хоть какую-то релевантность к российской модели прокуратуры и, возможно, способствовали ее развитию. Таким образом, в целях нашего исследования *критерием* сравнения будет выступать не внешнее название органов («прокуратура» или «прокурор»), а сама государственная функция надзора не столько за соблюдением законов, сколько за надлежащим

¹ Во-первых, Сенат впервые в качестве органа, отдельного от монарха, был наделен всей полнотой власти, в том числе неограниченным административным усмотрением. Во-вторых, отсутствовала какая-либо вообще система обеспечения законности и прав людей, отсутствовал независимый суд (тогда как в Англии он существовал уже на протяжении почти 5 веков). В-третьих, что следует из предыдущего, повсеместными стали случаи чиновничьего произвола на местах, властных злоупотреблений и совершения деяний не только против интересов людей (угнетение слабых сильными), но и против интересов самого государя. См.: (Petrovskii, 1875:357).

² Указ от 27 апреля 1722 г. «О должностях Генерал-Прокурора», Указ от 27 апреля 1722 г. «О должностях Прокурора в Коллегиях, Мануфактур и Статс-Контролах, в Магистратах и в Надворных судах». ПСЗ РИ. Т. 6: 1720-1722 : [№ 3480-4136]. №№ 3979, 3981. с. 662-664, 665-666.

(законным и добросовестным) поведением лиц, облеченных властью – за тем, как они используют эту власть; а *эмпирической базой* исследования станут порядок организации и осуществления этой функции, ее ценностно-идеологический контекст и место в системе власти и права в целом.

Англия и США

В системах общего права (англо-американские правопорядки) исполнение законов, как и положено в традиционной концепции разделения властей, находится в ведении исполнительной власти. Следовательно, контрольно-надзорными институтами являются, главным образом, органы исполнительной власти, разнообразие которых сопоставимо с разнообразием самих сфер надзора. Данный подход может называться «экспертным», когда логично предполагается, что надзирать за специализированной сферой общественных отношений и специализированной отраслью правовых норм лучше всего могут «специалисты» в данных сферах и отраслях, а не некий всеобщий орган и, тем более, не юристы как таковые. В частности, в Великобритании это более десяти видов исполнительных органов (и количество возможных видов не ограничено). Так, помимо знакомых многим европейским правопорядкам служб (*services*)³, агентств (*agencies*)⁴ и комитетов (*committees*)⁵, здесь созданы в качестве исполнительных, контрольных или административно-юрисдикционных органов различные ведомства (*authorities*)⁶, советы (*councils*)⁷, трибуналы (*tribunals*)⁸, уполномоченные лица, офисы (*offices, officers*)⁹ и даже «независимые наблюдатели», квазисудьи (*reviewers, adjudicators*)¹⁰ (Rokityanskii, 2022), а также иные разнообразные представители власти, как индивидуальные, так и коллективные, каждый наделенный некоторой спецификой. Исходя из указанных оснований, сама мысль о том, что и так сложная и разноплановая совокупность институтов нуждается в создании еще одного надзорного органа, и не единоличного, а представляющего собой целую централизованную систему «надзора за надзором» (Rokityanskii, 2022), совершенно чужда британской общественно-правовой мысли.

Здесь представляется целесообразным обратиться к доводам и примерам, которые приводит Б.В. Лесив, характеризуя судебную систему в Англии начиная с XIII в. как децентрализованно-независимую и на практике приспособленную к защите основных прав английских подданных (Lesiv, 2021b), в их противопоставлении с встречавшимся произволом структур управления¹¹. К сожалению, в России в названный период времени вплоть до создания первых надзорных институтов

³ Например, Служба по защите конкуренции (*Competition Service*).

⁴ Например, Агентство государственного имущества (*Government Property Agency*).

⁵ Например, Комитет по контролю за экспортом произведений искусств и объектов культурного наследия (*Reviewing Committee on the Export of Works of Art and Objects of Cultural Interest*).

⁶ Например, Ведомство по защите торговых интересов (*Trade Remedies Authority*).

⁷ Например, Совет по регулированию финансовой отчетности (*Financial Reporting Council*).

⁸ Например, Трибунал в сфере растениеводства (*Plant Varieties and Seeds Tribunal*).

⁹ Например, Уполномоченный по сертификации торговых союзов (*Trades Union Certification Officer*), Офис по интеллектуальной собственности (*Intellectual Property Office*).

¹⁰ Например, Независимый наблюдатель за исполнением законодательства в сфере противодействия терроризму (*Independent Reviewer of Terrorism Legislation*), Квазисудья по вопросам школьного образования (*Schools Adjudicator*).

¹¹ См., например, дело XVII в. о признании незаконным действий контролирующего органа — медицинского совета: *Thomas Bonham v College of Physicians* [1610] 77 ER 638.

(фискалитета, прокуратуры), судя по убедительным доводам свидетелей тех дней, отсутствовали аналогичные возможности эффективной судебной защиты (Chernyaev, 2016).

Английские праведы подтверждают, что исторически в Англии «судебная власть... давно отделена от двух других ветвей государственной власти» (Barber, 2020:10). Со временем независимость судов в Англии только упрочилась. Для наглядного примера, если взять период учреждения Петром I российской прокуратуры, когда речи об ограничении власти еще и быть не могло, а насущная потребность в борьбе с произволом чиновников на местах уже доказала свою актуальность, в Англии «по Акту о дальнейшем ограничении Короны и лучшем обеспечении прав и вольностей подданного 1701 г. (Act of Settlement) судьи судов высшей инстанции были защищены» (Barber, 2020:10), что предполагало невозможность вмешательства короля в их деятельность, а также передачу права отстранения их от должности только совместному решению обеих палат парламента (Barber, 2020). Усложненная процедура была реализована лишь один раз в истории английского государства, что понятно с учетом уровня политического разнообразия и представительской активности английского парламента. Итак, общеизвестно, что для англо-саксонской системы права, вплоть до века двадцатого, если вести речь о защите гражданских прав и свобод и закреплении обязанностей, куда более характерным является не статутное право (законодательство), а сформулированное и возведенное в систему самим же судебским корпусом (Gray, 1895) право прецедентное (common law). Следовательно, в таких условиях, когда право, как таковое, и закреплялось (устанавливалось) и защищалось властью судебной, исторические предпосылки для формализации функции прокуратуры по надзору за соблюдением законодательства просто не сформировались, да и законодательство, как таковое, в силу некоторой непервостепенной значимости, в таком внимании не нуждалось.

Таким образом, именно социальные потребности конкретного времени в конкретном государстве и ценностно-идеологический контекст таких потребностей (база нашего сравнительного исследования) стали причиной разницы подходов к осуществлению надзорной функции (критерий нашего сравнения) в России, с одной стороны, и в Англии или США – с другой. Во-первых, надзор за соблюдением законов осуществлялся профессионалами на основе «экспертного» знания с распределением по сферам деятельности; во-вторых, защиту прав подданных от имени Короны испокон веков осуществляли независимые судьи – причем защиту как от чиновников «общей» администрации, так и в спорах с названными «экспертными» органами.

Если вести речь о должностных лицах, чье наименование принято переводить на русский язык как «прокуроры», то их государственно-правовой статус, объединяющий их место, функции и роль в системе органов публичной власти Англии и США, отнюдь не тождественен статусу надзорного ведомства в России. Необходимо учитывать, что английское «Attorney General», если не обращаться к традиционному переводу (Генеральный прокурор), пытающемуся провести параллели между перпендикулярными системами, может в равной степени означать главного поверенного (доверенное лицо), а еще чаще – главного адвоката.

Общий генезис такой не столько терминологической, сколько фактической ситуации вновь заключен в факте наличия независимого суда, до сих пор сохраняющего свой статус органа, обладающего монополией в сфере защиты нарушенных прав. Причем природа этого явления в Англии (и, как производное, в США), как

отмечается в работах различных ученых, основывается скорее на власти общества, нежели на государственной власти (Lesiv, 2021a).

Тогда, когда в России Петром Великим только был учрежден институт прокуратуры, на туманном Альбионе уже 500 лет действовала такая судебная система, которая обеспечивала гарантии индивидууму даже в его споре с государством (Lesiv, 2021a), власть, сила которой противопоставлялась любой иной. И значение здесь имеют не вопросы справедливости, которые редко можно характеризовать через отношения высшей власти, а присутствие судебной власти во всех действиях, решающих судьбу страны, и национального общества – как ее источника. Источник этот был канализирован: общество выступало не как абстрактная совокупность граждан, а посредством представителей, имеющих должную юридическую подготовку, полученную в Баре (адвокатской ассоциации). Отсюда традиционное английское «барристер» – адвокат или присяжный поверенный. Другой вариант – «солиситор» – также адвокат, но с несколько меньшими правами в судебном представительстве. Не имея задачи в рамках данной статьи в анализе этих двух разновидностей адвокатов в Великобритании, отметим только, что родовым понятием для них, вне зависимости от имеющихся особенностей, является то самое «attorney».

Таким образом, несколько понятнее проявляется суть государственно-правового статуса «Attorney General» – как бы главного общественного юрисконсульта для государства, призванного вести его юридические дела и представлять от его имени в суде. Сама этимология слов в англо-саксонской системе *Attorney General* и *Solicitor General* как бы акцентирует внимание на сходство с солиситорами и барристерами – представителями обычных граждан, только эти General – выступают от имени государства (в данном случае народа)¹². При этом, между *Attorney General* и *Solicitor General* также имеются свои различия. Первый призван в наибольшей степени обеспечивать формирование и проведение правовой, а более всего уголовной политики, действуя «от имени народа» и имея некоторое сходство скорее даже с министром юстиции.

В то время как второй отделен от ветвей власти, не входит в состав правительства и должен быть лицом «сведущим в законах» и представлять интересы государства в Верховном суде США, участвовать в административных и конституционных спорах. Иногда при описании его конституционной роли его с теоретической точки зрения называют даже «десятым судьей» Верховного Суда (Roiphe, 2020). В этом плане, забегая вперед, отметим некое сходство с Французской Республикой, где прокуратуру также возглавляет лицо, входящее в состав правительства – Министр юстиции, но для отделения истинно юридической деятельности от политики принимаются меры для обеспечения независимости подчиненных ему прокуроров в рамках рассмотрения конкретных дел.

Франция

Совершенно иным, не похожим на англо-саксонскую модель, государственно-правовым статусом наделяется прокуратура во Франции. Это находит отражение и в ее устройстве, и в закрепляемых функциях, и в иных элементах ее статуса.

¹² Всем известна формулировка американских дел «Народ против...».

Существующее статусное различие выражается в наделении прокуроров не только различающимся набором функций, но и в придании им различных средств для осуществления деятельности (в том числе способов построения системы прокуратуры). Такие особенности, если речь идет о Франции, происходят из онтологических максим французской революции, названной по посылу В.И. Ленина в нашем Отечестве Великой.

Как свидетельствуют ученые, обстоятельством критической значимости для Франции того времени, обусловивших революционные брожения, явилось полное отсутствие независимости и мздоимство королевских судов (парламентов), негативно отличавшихся от судов туманного Альбиона исключительной защитой интересов господствующего класса, склонного к разорению простых людей Франции, без учета социально-экономических чаяний широких слоев общества¹³. Как следствие – во Франции формируется опасное и неконструктивное антисудебное мировоззрение, некоторые проявления которого возможно заменить в этом государстве и поныне (Giabardo, 2017).

В том историческом контексте, предшествовавшем Великой французской революции, оправданной мерой реагирования на происходившее в обществе стало крупномасштабное, затронувшее всю систему до самого ее основания, переустройство. И здесь проявляется такой отличительный элемент французского правосудия, сохранившийся и в настоящее время, как закрепление за «каждым французским судом как бы *“защитника общества и всей французской нации”*» (Rokityanskii, 2022), осуществляющего надзор, в том числе за преемственностью правоприменения в конкретном суде и судебной системе в целом в соответствии с государственной политикой, направляемой республиканским законодателем и реализуемой правительством в интересах французской нации.

Во времена Великой французской революции имевшееся ранее положение дел и полная утрата судебной системой человеческого лица и благопристойной репутации привела, таким образом, к лишению французского суда как значительной части авторитета, так и некоторой части суверенитета.

Таким образом, институт прокуратуры во Франции, как и такие институты как президент или парламент, воплотил в себе идейную сущность Великой французской революции, в упрощенном смысле заключающуюся в противопоставлении новой формации абсолютизму, ей предшествовавшему. Практически же это означало, что институт прокуратуры стал для французов воплощением того, что не могло, в силу печальных событий, послуживших глубинными причинами для революции, быть реализовано судом самостоятельно (Merguman, 1996) – институт прокуратуры стал воплощением таких функций, как защита интересов общества в целом, защита прав индивида и общественных интересов независимо от интересов элитарной прослойки¹⁴. Возможно поэтому «Конституционный совет Франции очень часто акцентирует свое внимание на такой задаче приставленных к судам прокуроров как

¹³ О том, что английские и американские суды при помощи присяжных действовали с точностью наоборот и ориентировались на общество, а не государство, см.: (Lesiv, 2021c).

¹⁴ При этом понятие «защиты общества» охватывает защиту индивидуальных прав и свобод, которая является едва ли не главной его составляющей (из защиты индивидуальных свобод каждого отдельного гражданина республики складывается защита общества в целом от пагубных угроз различной природы).

„действие в целях защиты общества“ (например, в решении Конституционного совета Франции от 22 июля 2016 г. № 2016-555 QPC)» (Rokityanskii, 2022).

Возможно констатировать, что Британская монархия в отличие от монархии французской существует и по сей день, чем во многом, представляется, обязана судебной власти, справлявшейся с задачами по защите общественных интересов, где институт прокуратуры явился лишь несколько эволюционировавшей и обретшей ряд специфических черт формой института судебного представительства. Монархия французская утрачена в силу противоположной сущности судебной власти в этом государстве на определенном историческом отрезке, что, в свою очередь, привело к становлению французской прокуратуры, как института некоего общественно-государственного контроля за властью судебной, позволяющего сбалансировать интересы широких народных масс и управляющей прослойки.

Здесь возможно провести сравнение (ведь сравнение уместно проводить лишь при наличии сходных черт) между аксиологической сущностью французской прокуратуры, явившейся основой при ее учреждении, и замыслом, предпосылками и устремлениями Петра Великого при создании отечественной прокуратуры. С той разницей, что для Франции первоимпульс исходил условно от «общества, пекущегося об обществе», а для России от государя, пекущегося об обществе, где надзор за властью судебной явился лишь одной из составляющих надзорной функции за деятельностью ветвей власти, находящихся «под» государем.

Но вернемся к прокуратуре Франции, где названные идейные ориентиры существенно отразились на роли прокуроров в системе органов публичной власти Франции. Так, прокурор (*procureur / parquet / procureur général*) в этом государстве концептуально является суверенной государственной должностью, а прокуратура – выделенной и самостоятельной частью государственного аппарата. Здесь все контрастирует с англо-саксонской системой, где *attorney* (включающие, по сути, публичных барристеров и солиситоров) представляются как поверенные от государства в суде. Но, что более важно, и что непосредственно следует из уже упомянутого замысла об аксиологии прокуратуры Франции, прокуроры являются неотъемлемой частью судебного корпуса (магистратуры).

Осмысливая, таким образом, место прокуратуры в системе разделения властей, где в отечественной правовой доктрине единое мнение отсутствует, но более традиционным для российской или социалистической модели считается невключение этого института ни в одну из ветвей, а в Англии или США прокуроры относятся к власти исполнительной, в отношении Франции ученые едины во мнении, что прокуратура относится к судебной ветви власти, *прокуроры наравне с судьями являются магистратами*. Это видно в самих терминах: «магистрат – „судебная должность“, а магистратура – „судебная система“» (Rokityanskii, 2022).

При этом значимым представляется отметить один «выбивающийся» из стройного статуса французской прокуратуры элемент – подчиненность Министру юстиции. Тут, в защиту независимости прокуратуры и ее причастности к судебной ветви власти возможно отметить, что отношения власти-подчинения являются не только не абсолютными, но и недавно обогатились новыми гарантиями суверенности, такими как утрата Министром юстиции права давать прокурору указания в рамках конкретного дела, а также развитие полномочий Высшего совета магистратуры (высший орган судейско-прокурорского сообщества) как в назначении прокуроров, так и в привлечении их к дисциплинарной ответственности, в которые Минюст больше не

вправе вмешиваться. При этом Министр юстиции не утратил полномочий рекомендательного характера в отношении деятельности прокуроров по реализации государственной политики, выраженной в законодательстве, в том числе уголовной политики (уголовного законодательства). Данное полномочие в наибольшей степени представляется исторически обусловленным (но ни в коей мере не архаичным), проистекающим из обозначенного ранее генезиса данного органа – гарантирование через институт прокуратуры связи суда (судебной власти) и правительства (исполнительной власти) в лице Министра юстиции в целях обеспечения национальных интересов народа Франции. Данный механизм должен гарантировать сохранность французского общества от цикличности исторических ошибок – от непоправимого и опасного отдаления судей от социально-правовой реальности.

При описании компетенции французских магистратов прокуратуры необходимо обозначить следующие ее аспекты:

1) «руководство судебной полицией и осуществление уголовного преследования¹⁵ (к которому относится и административное, если учесть, что категория административного правонарушения во Франции находит выражение в уголовном проступке)» (Rokityanskii, 2022);

2) защита публичного интереса в наиболее важных гражданских отношениях (включая гражданские дела в суде) (Golovko & Mathieu (eds.), 2018:129);

3) обеспечение преемственности и адекватности нормотолкования и нормоприменения, отражение чаяний нормотворца при такой деятельности, реализуемого во взаимосвязи с общественными потребностями, а также обеспечение единства практики судебного правоприменения¹⁶.

Последняя из названных функций особенно важна с точки зрения сформированных историей французского публичного права аксиоматических ценностных установок судебной магистратуры, неразрывно связанных с понятием национального суверенитета, выраженного в законах. Поэтому усилия прокуроров предпринимаются, чтобы «гарантировать последовательность и логичность толкования закона, обеспечить соответствие такого толкования замыслу законодателя, взятому в совокупности с публичным интересом и публичным порядком, обеспечить единство судебной практики» (Rokityanskii, 2022).

Сюжет о Франции в рамках предмета настоящего исследования был бы неполным, если мы оставили бы без внимания статус того органа, который хотя и не называется прокуратурой, но играет краеугольную роль в обеспечении законности решений, принимаемых властью, и совершаемых ею действий. Особенно важно это на фоне исконной концептуальной природы этого органа не в качестве судебного (как, например, раскрыто выше в отношении судов Англии, изначально выполнявших функцию защиты общества от ненадлежащей власти), а в качестве правительственного, но обособленно-статусного и независимого. Как отмечает А.А. Соловьев, «создание в 1800 г. государственного надзорного органа — Государственного совета сыграло ключевую роль в формировании административной юстиции во Франции» (Soloviev, 2013:145), а полномочия этого органа прежде всего касались «разрешения конфликтов, возникающих в сфере осуществления государственной власти различными ее органами» (Soloviev, 2013:145).

¹⁵ Решение Конституционного совета Франции от 10 марта 2011 г. № 2011-625 DC.

¹⁶ Французская правовая система / под ред. Министерства юстиции Франции. Париж, 2012. С. 6. Режим доступа: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/french_legal_system.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

Государственный Совет (Conseil d'État) является высшей инстанцией по любым делам и вопросам административного права, то есть именно этот орган является *окончательным арбитром в делах, касающихся осуществления власти* исполнительной ветвью, местными органами, независимыми государственными органами (за исключением судов), учреждениями государственного управления или любыми другими учреждениями, наделенными государственными полномочиями (весьма схоже с функциями Национальной надзорной комиссии КНР, которые будут раскрыты позднее).

Может показаться удивительным тот факт, что во Франции – одном из типичных правовых порядков континентального типа, локомотиве романского правового текстуализма – статус Государственного Совета в качестве одного из высших органов власти, председателем которого является Премьер-министр (а вице-президент Совета, который фактически выполняет функции председателя, является девятым по важности должностным лицом в стране), никак не затронут ни в Конституции, ни в одном из важнейших органических законов. Более того, в государстве, которое со времен Великой французской революции сменило уже пять режимов и конституций, Государственный Совет продолжает действовать непрерывно в том общем виде, в котором он существовал еще при Наполеоне, который переименовал высший Совет из Королевского в Государственный (именно в Конституции VIII года он назван как орган, «решающий вопросы, возникающие в связи с административными отношениями»). Наиболее важный акт, наделивший Госсовет современными функциями высшего административного суда, это Закон от 24 мая 1872 года, статья 9 которого называет Совет органом, «принимающим окончательные решения по аннуляционным заявлениям о злоупотреблении властью различными административными органами в нарушение законов». Таким образом, выполняя двойственную функцию суда и консультанта правительства, Государственный Совет *надзирает за тем, чтобы французская администрация действовала в соответствии с законом, и рассматривается поэтому как одна из главных гарантий верховенства закона*.

Госсовет является вышестоящей инстанцией по отношению к 37 административным судам и 8 апелляционным административным судам, которые рассматривают претензии к использованию власти любыми наделенными ею публичными субъектами.

В аспекте настоящего исследования статус Госсовета не был бы настолько интересен, если бы он воплощал природу обычного высшего судебного органа, ведь административные суды не являются редкостью в современных правовых порядках, все они выполняют схожие функции, которые отнюдь по статусу не близки прокурорскому надзору за законностью. Однако статус Госсовета тем уникален, что является *государственным институтом sui generis*, не только, как было сказано, имманентно присущ самой французской государственности сквозь смену режимов и конституций, но и совмещающий природу судебного и правительственного органа. В отличие от судов, задача которых решать конкретные дела, не вмешиваясь в сферу влияния исполнительной власти, задачей Государственного Совета напрямую заложено основанное на собственной практике «консультирование» *Правительства* с целью надлежащего исполнения законов страны. Рассматривая сложнейшие административные дела, возникающие из претензий граждан к органам власти, Госсовет имеет возможность обнаруживать ошибки чиновников и уязвимости проводимой ими

государственной политики, обобщать их и давать соответствующие указания Правительству. С другой стороны, непосредственная связь с Правительством (и председательство Премьер-министра) дает Совету возможность не уходить в другую «крайность», обеспечивая уже упомянутый выше механизм *балансирования* публичных и частных интересов с целью точного и непреклонного осуществления публичной власти в интересах французской нации. В этом видится еще один отголосок опасений французов за то, чтобы суды не отдалялись от интересов людей настолько, как это было во времена королевских парламентов, ставших одной из ключевых причин Великой французской революции.

Социалистическая модель

Социалистическая модель (Китай, Вьетнам, КНДР) в наибольшей степени похожа на российскую, что очевидно обусловлено влиянием на нее советской и марксистско-ленинской идеологии и консультаций, оказанных представителями СССР этим странам при создании модели управления на принципах социализма (Rokityanskii, 2022).

Руководствуясь методологическими установками и сравнительным критерием раздела настоящей статьи об Англии и США, в качестве эмпирической базы для исследования социалистической модели будут использованы законодательство и закономерности юридической практики Китайской Народной Республики. При этом в рамках функционального подхода необходимо сосредоточить внимание на конституционном статусе двух публичных органов, деятельность которых наиболее близка к российским «прокурорским» институтам общего надзора за законностью и пресечения властных злоупотреблений – собственно *Народная прокуратура КНР* и *Национальная надзорная комиссия КНР* (система надзорных комиссий).

О ценностно-идеологическом контексте статуса надзорных органов в Китае достаточно сказать, что уже в одной из первых статей «Надзорного закона КНР» (с англ. Supervision Law of the People's Republic of China)¹⁷ прямо указано, что надзорная деятельность должна быть привержена Марксизму-Ленинизму, Мысли Мао Дзедуна, Теории Дена Сяопина, Видению социализма Си Цзиньпина и китайским установкам на «Новую Эру», а соответствующие идеи названы «руководством» к практическому действию. Соответственно, для понимания *ценностно-идеологической эмпирики* надзорной функции китайского государства необходимо погрузиться в названные пласты идеологии социализма-коммунизма, что выходит за рамки целей и задач настоящего исследования, однако, уже самого указания на данный неоспоримый факт и общих представлений об основах названной идеологии достаточно для минимально необходимого представления такой эмпирики.

Согласно статье 1 Органического закона Народной прокуратуры КНР¹⁸ (далее – Органический закон) народная прокуратура является государственным органом надзора за законностью (legal supervision).

¹⁷ Supervision Law of the People's Republic of China. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/ef4c4d/pdf/> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁸ Organic Law of the People's Procuratorate of the People Republic of China. Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/organic-law-of-the-peoples-procuratorate-of-the-pre-2018/> (дата обращения: 20.06.2023).

Интересно, что до пересмотра Органического закона в 2018 г. действовала редакция закона от 1983–1986 гг., согласно которой функцией прокуроров был не просто надзор за законностью, а в аспекте «противодействия контрреволюционерам и другим преступникам с целью защиты государственного единства, *власти диктатуры пролетариата* и социалистической правовой системы». Однако в 2018 г. Всекитайское собрание народных представителей *пересмотрело данный подход* и теперь соответствующие статьи закона наказывают прокурорам осуществлять полномочия *независимо и беспристрастно* в соответствии с положениями закона, без какого-либо вмешательства административных органов, социальных групп или частных лиц, применять закон равным образом ко всем без исключения, не отдавать предпочтений или привилегий ни одной организации или частному лицу, а *дискриминация в любой форме запрещена*. Более того, прокурорам предписано отстаивать судебную справедливость, принимать за основу только объективные факты и руководствоваться только мерилом закона, следовать предписанным им процедурам, уважать и защищать *права человека*.

К функциям прокуратуры теперь отнесены, прежде всего: (1) осуществление *следственных полномочий* по уголовным делам; (2) проверка уголовных дел, одобрение или решение вопроса об аресте подозреваемых в совершении преступлений (3) *иницирование судебных разбирательств в публичных интересах*; (4) осуществление надзора за законностью деятельности по судебным спорам (litigation activity); (5) *надзор за исполнением судебных постановлений*¹⁹; (6) надзор за правоохранительной деятельностью тюрем и центров содержания под стражей. Как видно, китайской прокуратуре свойственны некоторые функции, хотя и связанные с общим понятием надзора за законностью, но не характерные для российской прокуратуры (непосредственно следственные полномочия, надзор за исполнением любых юридически окончательных документов, включая решения судов).

Большое влияние на характер и методы деятельности китайской прокуратуры оказывает принцип *демократического централизма*, являющийся характерной чертой государственного режима Китая в целом (Steiner, 1950). В соответствии с этим принципом особо сложные дела и важнейшие правовые вопросы находятся не в единоличной компетенции главного прокурора того или иного уровня, а подлежат обсуждению и решению специальным органом – прокурорским комитетом, который создается в прокуратуре каждого уровня. Если мнение главного прокурора не совпадает с позицией большинства в прокурорском комитете, то вопрос подлежит передаче в постоянный комитет Народного собрания соответствующего уровня для принятия окончательного решения.

Систему прокуратуры составляют Высшая народная прокуратура, народные прокуратуры различных уровней, военные прокуратуры и специализированные народные прокуратуры. Прокуратуры различных уровней включают в себя прокуратуры провинций, автономных регионов и муниципалитетов, подчиненные центральному правительству, а также их самостоятельные подразделения; прокуратуры автономных префектур и городов, подчиненные провинциальным правительствам; прокуратуры округов, городов, автономных округов и муниципальных районов. На уровне прокуратур провинций и округов могут быть созданы специализированные

¹⁹ Organic Law of the People's Procuratorate of the People Republic of China. Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/organic-law-of-the-peoples-procuratorate-of-the-pre-2018/> (дата обращения: 20.06.2023).

народные прокуратуры (в целях надзора в промышленных и горнодобывающих районах, сельскохозяйственных мелиоративных или лесных зонах и т.п.). Создание последних должно быть отдельно утверждено Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей.

Согласно статье 3 Надзорного закона КНР *надзорные комиссии* всех уровней являются специализированными органами, ответственными за осуществление *государственных надзорных функций*. Закон гласит, что они обязаны осуществлять *надзор за государственными должностными лицами*, осуществляющими публичную власть, укреплять их добросовестность (честность, порядочность), расследовать нарушения и преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, и проводить антикоррупционную работу, а также поддерживать достоинство Конституции и закона в публичной власти. Работа китайских надзорных комиссий является одним из приоритетных направлений не с точки зрения наказания за коррупцию, а с точки зрения ее предотвращения, хотя исследователи отмечают сохраняющуюся несогласованность полномочий комиссий, прокуратуры и суда в данном аспекте (Моу, 2017).

Среди государственных должностных лиц, которые названы законом в качестве поднадзорных комиссиям, можно отметить, прежде всего, государственных служащих органов Коммунистической партии Китая, органов народных собраний и их постоянных комитетов, народных правительств, народных судов, народных прокуратур, других государственных служащих КНР; руководителей государственных предприятий; управляющий персонал в государственных структурах в сферах образования, научных исследований, культуры, здравоохранения и спорта. В целом необходимо отметить, что полномочия надзорных комиссий *распространяются на любых лиц, выполняющих общественно-значимые (публичные) или непосредственно связанные с ними функции*, независимо от организационно-правовой формы.

Надзорные комиссии осуществляют надзорные полномочия независимо, руководствуются только законом. Недопустимо вмешательство в их деятельность каких-либо административных органов, публичных организаций или частных лиц. При расследовании нарушений или преступлений, связанных с исполнением должностных обязанностей, они взаимодействуют с судебными органами, *органами прокуратуры* и правоохранительными органами, осуществляя *совместные проверки*. В случае, если надзорной комиссии требуется содействие в ее работе, соответствующие органы и организации обязаны оказать такое содействие в соответствии с законом и требованиями надзорной комиссии.

Надзорные комиссии выполняют следующие основные функции: (1) обеспечивают обучение должностных лиц добросовестности и надзирают за тем, *чтобы последние осуществляли власть беспристрастно* и выполняли функции в соответствии с законом, обеспечивают чистоту государственного управления; (2) расследуют нарушения и преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, такие как подозрения в коррупции, взяточничестве, злоупотреблении властью, пренебрежении долгом, погоне за властным покровительством, *практике фаворитизма и фальсификации*, а также растрате государственных средств; (3) принимают решения о правительственных санкциях в отношении должностных лиц, которые нарушают какой-либо закон, *привлекают к ответственности руководителей*²⁰,

²⁰ Относительно выделенных фрагментов нельзя не отметить схожесть функционально-ценностных основ китайского и российского надзорных институтов, одним из ключевых направлений деятельности

которые не выполняют свои функции эффективным образом или пренебрегают своими обязанностями и ответственностью, передают результаты расследования по подозрению в совершении служебных преступлений *в народные прокуратуры* для оценки и возбуждения государственного преследования в соответствии с законом, а также вносят надзорные предложения субъектам, где работают объекты надзора.

Для исполнения своих функций надзорные комиссии, как и прокуратура в России, вправе направлять проверяющих в органы Коммунистической партии Китая, в любые государственные органы, организации и подразделения, управляющие общественными делами, в административные районы и государственные предприятия под их юрисдикцией.

Систему надзорных комиссий составляют Национальная надзорная комиссия КНР (высший надзорный орган). Провинции, автономные регионы, муниципалитеты, непосредственно подчиняющиеся центральному правительству, автономные префектуры, округа, автономные округа, города и муниципальные районы должны создать собственные надзорные комиссии. Руководство и члены надзорных комиссий назначаются собраниями народных представителей соответствующих уровней, как и прокурорские работники и большинство других государственных должностных лиц в КНР (в соответствии с принципом демократического централизма).

Заключение

Основываясь на критерии сравнения, определенном во введении, следует подвести итог в следующих сравнительных наблюдениях. Функция надзора за законностью и защиты от властных злоупотреблений присуща всем рассмотренным правовым порядкам и является, можно сказать, одной из основ правления в любом демократическом государстве. Однако подходы к решению соответствующих задач, их организационное и идейно-ценностное оформление отличаются, предоставляя, с одной стороны, некоторые преимущества в достижении поставленных целей, а с другой – обуславливая некоторые недостатки. Прежде всего, в качестве *одного из основных сравнительных выводов* можно отметить, что традиционное российское понятие общего надзора за законностью является уникальным и не имеет прямых аналогов в зарубежных моделях, что, как видится, обусловлено особым историко-правовым контекстом его появления (причин и необходимостей, вызвавших его к жизни именно в таком формате) и его дальнейшим развитием по собственному вектору. Наиболее близким к данному понятию можно было бы назвать деятельность китайских прокуроров в качестве обособленного независимого института, однако, во-первых, ни одна из перечисленных функций китайской прокуратуры не охватывает всех целей и задач общего надзора и, во-вторых, существует обособленная система надзорных комиссий, часть полномочий которых может пересекаться с понятием общего надзора в России.

которых является не только стандартное обеспечение прямой законности, но и поддержание «должностного тонаса» лиц, облечённых властью. Так, ещё со времен Петра Великого российская прокуратура учреждена с целью «накрепко смотреть, дабы [власть] в своем звании праведно и нелицемерно поступала». См.: Указ от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-Прокурора», Указ от 27 апреля 1722 г. «О должности Прокурора в Коллегиях, Мануфактур и Статс-Конторах, в Магистратах и в Надворных судах».

Английская модель характеризуется четким разделением функций надзора за исполнением законов, которая отдана в ведение органов исполнительной власти, и защиты личности от недозволительного осуществления власти, которую испокон веков обеспечивает независимый суд. Так называемые прокуроры в данной модели, следовательно, не составляют независимую систему надзорного ведомства, а входят в структуру исполнительной власти (являются должностными лицами министерства или департамента юстиции) и выполняют в аспекте надзорных полномочий, главным образом, функцию консультирования правительства по правовым вопросам и функцию его публичного представительства в независимых судах. Отличие данного подхода от подходов других государств, где понадобилось создание отдельных надзорных институтов, можно связать именно с этой историко-правовой особенностью, поскольку, пожалуй, нигде, кроме Англии и порожденных ею правовых систем, изначально не существовало института независимых судей, которые уже даже в Средние века (к примеру, в отличие от французских королевских судов) не допускали властного произвола и защищали права англичан, гарантированные Великой Хартией начиная с 1215 года. Особенностью *французской модели* является то, что, с одной стороны, прокуроры являются полноценной частью судебной системы (магистратуры) и выполняют соответствующие функции по охране права, но, с другой стороны, обеспечивается неразрывная связь надзорных институтов (прокуратура, Государственный Совет) с демократическими институтами – национальным Правительством, Премьер-министром и Министром юстиции, воплощающими действительные интересы всей французской нации. Во-первых, такой подход обеспечивает баланс публичных и частных интересов в конкретный исторический момент и не дает «независимым» судебным и квази-судебным институтам отдалиться от людей, как это делали королевские парламенты. Во-вторых, обнаруживаемые надзорными институтами ошибки и злоупотребления власти (в том числе по жалобам граждан), и работа над ними позволяют вовремя корректировать курс осуществления власти за счет постоянной и непосредственной связи с центральными правительственными инстанциями, которым даются соответствующие рекомендации. *Социалистическая модель* (на примере Китая) нацелена на всеобъемлющий надзор за соблюдением законов, а для обеспечения надлежащего осуществления власти любыми ее субъектами созданы не только прокурорские органы, но и специализированная система надзорных комиссий, обладающих широкими возможностями сдерживания и пресечения даже в отношении высших чиновников правящей Коммунистической партии КНР. В Китае также предусмотрена обязательность обеспечения непосредственной связи надзорных институтов с демократическими инстанциями, однако, в отличие от Франции, не с правительством, а с законодательно-представительными органами – собраниями народных представителей всех уровней, которые уполномочены принимать окончательные решения по сложнейшим спорным вопросам.

Таким образом, в английской модели так называемые прокуроры являются представителями *исполнительной власти*, поскольку именно она ответственна за исполнение законов, во Франции – представителями *судебной власти*, поскольку обеспечивают необходимую со времен Великой революции связь судов как главных охранителей права с демократическими институтами, в КНР – представителями единой системы демократического централизма, то есть системы, построенной вокруг решений и главенствующей роли *законодательно-представительных органов* всех уровней.

Проведенное исследование позволяет заключить, что *российская модель* надзорного ведомства – прокуратуры – является самобытной и, полностью разделяя приверженность зарубежных правопорядков верховенству закона и целям противодействия недозволительным властным проявлениям, воплощает собой совершенно уникальный механизм, не уступающий, а во многом даже опережающий надзорные механизмы Англии, Франции и Китая. Это стало возможным благодаря тому, что российская прокуратура создавалась не по каким-либо заранее существующим шаблонам, а существует непрерывно уже на протяжении 300 лет с той онтологией, задачами и ценностями, которые были заложены в нее еще Петром I. На протяжении долгих лет в Российской империи она фактически выполняла функцию защиты людей от властного произвола, в то время как в Англии это делал независимый суд. До сих пор граждане России имеют возможность принести жалобу прокурору в качестве полностью независимого института, указав на любые действия или решения должностных лиц, которыми нарушаются законы или их права. Прокуратура России, как суд в Англии, как Государственный Совет Франции, как система надзорных комиссий в Китае, является действенным, сильным и самостоятельным механизмом обжалования ненадлежащего поведения должностных лиц различного уровня. Более того, как и в Китае, российские прокуроры надзирают не только за соблюдением должностными лицами формальной законности, но и за тем, «дабы [власть] в своем звании праведно и нелицемерно поступала». С французскими надзорными институтами российских прокуроров сближает особое внимание защите публичного интереса, в том числе в рамках судебных процессов. В частности, российский механизм опротестования судебных решений (представлений о пересмотре дел) вне зависимости от участия прокурора в деле («усмотрев, что решение, приговор, определение или постановление суда являются незаконными или необоснованными, прокурор приносит протест в порядке надзора») идейно коррелирует с полномочиями французских прокуроров по наблюдению за судебной практикой с целью обеспечения соответствия судебного толкования замыслу национального законодателя.

Таким образом, российская прокуратура, на протяжении 300 лет непрерывно выполняющая собственную независимую функцию надзора за законностью, в том числе законности деятельности представителей власти, обладает рядом преимуществ любой из рассмотренных зарубежных моделей, дополняет их собственным богатым опытом и передовыми разработками. Она способна поэтому воспринимать, адаптировать и улучшать положительный опыт, вне зависимости от источника его происхождения, поскольку центральным критерием является не формальная правовая география, а работа на благо интересов государства и защиты прав человека.

В частности, в качестве теоретического дополнения к дискуссии об отдельных наработках зарубежного надзорного опыта, которые потенциально могли бы стать интересными для развития отечественного законодательства, можно выделить концепцию «всеохватывающего» надзора в КНР, при которой надзорные институты требуют соблюдения законности от любых лиц, выполняющих общественно-значимые (публичные) или непосредственно связанные с ними функции. В отечественной науке не нова дискуссия вокруг встречающихся временами попыток обосновать «иммунитет» от прокурорского надзора тем, что те или иные органы или должностные лица прямо не поименованы в частях 1 статей 21 и 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Например, в указанных статьях есть указание на органы исполнительной власти, но отсутствуют упоминания о государственных

органах, не отнесенных к какой-либо ветви власти, хотя последние существуют не только на федеральном уровне, но и в каждом субъекте Российской Федерации. В рамках обозначенной дискуссии можно было бы оценить преимущества и недостатки двух концепций: с одной стороны, четкий перечень объектов надзора обеспечивает недвусмысленность наличия полномочий прокурора в отношении конкретного органа или лица; с другой стороны, невозможность перечислить все органы и лица в законе оставляет открытыми пути к потенциальным апелляциям об «иммунитете» от надзора.

References / Список литературы

- Barber, N.U. (2020) Separation of powers and the Constitution of Great Britain. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. (1), 3–17. (in Russian).
Барбер Н.У. Разделение властей и конституция Великобритании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 3–17.
- Chernyaev, A.V. (2016) At the dividing line of political thought in Russia: Correspondence between Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible. *Philosophy Journal*. 9(1), 80–100. (in Russian).
Черняев А.В. У водораздела русской политической мысли: Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 80–100.
- Giabardo, C.V. (2017) Disobeying Courts' Orders – A Comparative Analysis of the Civil Contempt of Court Doctrine and of the Image of the Common Law Judge. *Journal of Civil Law Studies*. 10(1), 35–59.
- Golovko, L.V. & Mathieu, B. (eds.). (2018) *The Court and the State*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. М.: Статут, 2018. 272 с.
- Gray, J.C. (1895) Judicial Precedents. A Short Study in Comparative Jurisprudence. *Harvard Law Review*, 9 (1), 27–41.
- Lesiv, B.V. (2021a) Credibility of the Anglo-American Court Orders and their Effective Enforcement: What's the Secret? *Russian Justice*. (6), 52–62. (in Russian).
Лесив Б.В. Авторитет решений англо-американских судей и эффективность их исполнения: в чем секрет? // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 52–62.
- Lesiv, B.V. (2021b) The Ontological Emphasis of the Jury in Anglo-American Law and its Influence on the O. Holmes' Legal Thought. *Legal Science: History and Modernity*. (4), 162–171. (in Russian).
Лесив Б.В. Онтологическая доминанта суда присяжных в англо-американском праве и ее влияние на правовую доктрину О. Холмса // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 4. С. 162–171.
- Lesiv, B.V. (2021c) Theoretical and Historical Reservations Required for Adequate Perception of the O.W. Holmes' Legal Ideology. *History of State and Law*. (5), 17–27. (in Russian).
Лесив Б.В. Теоретико-исторические оговорки, необходимые для адекватного восприятия правовой идеологии О. Холмса // История государства и права. 2021. № 5. С. 17–27.
- Lesiv, B.V. (2022) *Foundations of Legal Realism: O.W. Holmes' Doctrine of Judicial Law-Making*. Diss. Candidate of Legal Sciences. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (in Russian).
Лесив Б.В. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2022. 280 с.
- Merryman, J.H. (1996) The French Deviation. *The American Journal of Comparative Law*. 44(1), 109–119.
- Mou, Y. (2017) Overseeing Criminal Justice: The Supervisory Role of the Public Prosecution Service in China. *Journal of Law and Society*. 44(4), 620–645.
- Petrovskii, S.A. (1875) *On the Senate's Role During the Reign of Peter the Great. Historical and legal research*. Moscow, University Publ. (Katkov and Co.). (in Russian).

Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого. Историко-юридическое исследование. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1875. с. 357.

Rokityanskii, S.G. (2022) The main models of the state-legal status of the prosecutor's office. England and the USA. *Judge*. 1(133), 57–61. (in Russian).

Рокитянский С.Г. Основные модели государственно-правового статуса прокуратуры. Англия и США // Судья. 2022. № 1(133). С. 57–61.

Roiphe, R.A. (2020) Typology of Justice Department Lawyers' Roles and Responsibilities. *N.C. L. Rev.* 98, 1077. Режим доступа: <https://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6794&context=nclr> (дата обращения: 20.07.2023).

Soloviev, A.A. (2013) The general outlook of the French model of administrative justice. *RUDN Journal of Law*. (3), 142–151. (in Russian).

Соловьев А.А. Общая характеристика французской модели административной юстиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 142–151.

Serov, D.O. (2011) Peter the Great and Public Prosecutor's Office of France. *Legality*. 1(915), 58–60. (in Russian).

Серов Д.О. Петр I и прокуратура Франции // Законность. 2011. № 1(915). С. 58–60.

Spengler, O. (2017) The Decline of Western World: Essays on the Morphology of World History. Complete edition in one volume Moscow, Alpha-Book Publ., 2017. (in Russian).

Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Альфа-книга, 2017. 1085 с.

Steiner, H.A. (1950) The People's Democratic Dictatorship in China. *The Western Political Quarterly*. 3(1), 38–51. <https://doi.org/10.2307/442412>

Troitskaya, A.A. (2020) *Comparative method in the science of constitutional law and decisions of constitutional control bodies*. Diss. Doctor of Legal Sciences. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (in Russian).

Троицкая А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2020. 485 с.

Сведения об авторе:

Рокитянский Сергей Георгиевич – заместитель прокурора Московской области, государственный советник юстиции 3 класса, Прокуратура Московской области; аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации; 107031, Российская Федерация, г. Москва, Малый Кисельный пер., 5 стр. 1

SPIN-код: 6641-3102

e-mail: Rocky1979@rambler.ru

About the author:

Sergei G. Rokityanskii – Deputy Prosecutor of the Moscow Region, 3rd class State Counselor of Justice, Prosecutor's Office of the Moscow Region; postgraduate student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 5 build. 1 Maly Kiselny per., Moscow, 107031, Russian Federation

SPIN-code: 6641-3102

e-mail: Rocky1979@rambler.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-316-328>

EDN: JNBEGM

Научная статья / Research Article

«Впечатления присяжного заседателя» Г.С.Н. как источник изучения российского суда присяжных конца XIX в.

А.А. Демичев

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация
[✉ aadem@bk.ru](mailto:aadem@bk.ru)

Аннотация. Анализируется произведение «Впечатления присяжного заседателя» – документ личного происхождения анонимного автора, оставившего под псевдонимом «Г.С.Н.» свои воспоминания об участии в судопроизводстве в качестве присяжного заседателя в Российской империи в конце XIX в. Проводится внешняя и внутренняя критика источника. Установлены примерные место, время и цель создания «Впечатлений присяжного заседателя». Реконструируется социально-психологический портрет автора (социальная принадлежность, уровень образования, место проживания, некоторые психологические характеристики и пр.). Отмечается, что, с одной стороны, «Впечатления присяжного заседателя», не относясь к массовым историческим источникам, являются уникальным произведением, с другой стороны, они обладают характеристиками, присущими иным документам личного происхождения присяжных заседателей Российской империи второй половины XIX в. о суде присяжных (общий характер, манера изложения, круг освещаемых вопросов). Определено, что фактографическая ценность рассматриваемого источника низкая вследствие невозможности на его основе в целом реконструировать судопроизводство в Российской империи, невозможности составить полноценного представления о рассматриваемых уголовных делах. Несмотря на это, обоснован вывод, что произведение «Впечатления присяжного заседателя» обладает когнитивной ценностью, заключающейся в том, что в нем содержится информация, отсутствующая в других исторических источниках: в нем приводятся факты, наполняющие жизненной конкретикой то, что ранее изучалось только на основании текстов нормативных правовых актов, материалов делопроизводства и официальной статистики.

© Демичев А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, исторический источник, документы личного происхождения, мемуары, Российская империя

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 января 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Демичев А.А. «Впечатления присяжного заседателя» Г.С.Н. как источник изучения российского суда присяжных конца XIX в. // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 316–328. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-316-328>

«Impressions of a jurer» by G.S.N. as a source for studying the Russian jury trial of the late XIXth century

Alexey A. Demichev

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

 aadem@bk.ru

Abstract. The document Impressions of a Juror is analyzed as a personal account of an anonymous author, G.S.N., who recounted his experiences as a juror in legal proceedings in the Russian Empire in the late 19th century. Both external and internal criticism of the source is conducted, facilitating the establishment of the approximate place, time, and purpose of its creation. Furthermore, the socio-psychological portrait of the author is reconstructed, considering aspects such as social affiliation, level of education, place of residence, and certain psychological characteristics. The analysis acknowledges the uniqueness of Impressions of a Juror, which not being a part of mainstream historical sources, remain a distinctive work. On the other hand, it shares characteristics inherent in other personal documents from jurors of the Russian Empire in the second half of the 19th century, particularly regarding its general character, presentation style, and the scope of covered issues. It is noted that the factual value of the source under consideration is limited, as it does not allow for the comprehensive reconstruction of the judiciary and legal proceedings in the Russian Empire, nor does it facilitate a complete understanding of the criminal cases under consideration. Despite these limitations, the conclusion is drawn that Impressions of a Juror holds cognitive value due to its provision of information not found in other historical sources. The document offers details that breathe like into the specifics that were previously only studied on the basis on normative legal texts, and official statistics. Thus while the source may not provide an all-encompassing view of the legal landscape of the Russian Empire, it contributes a unique perspective that enriches the understanding of historical proceedings.

Key words: jury trial, jurors, historical source, personal documents, memoirs, Russian Empire

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st January 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Demichev, A.A. (2024) «Impressions of a jurer» by G.S.N. as a source for studying the Russian jury trial of the late XIXth century. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 316–328. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-316-328>

Введение

Суд присяжных являлся одним из наиболее дискуссионных институтов судебной реформы 1864 г. Споры о нем шли внутри государственной элиты, между профессиональными юристами и в кругу интеллигенции, не имеющей отношения к юриспруденции, и выплескивались на страницы журналов, газет, научных и публицистических изданий. Наибольший интерес суд присяжных вызывал во второй половине 1860-х гг. – 1880-е гг., когда происходило его становление в России, а потом произошел кризис 1878–1889 гг., в течение которого этот институт подвергся кардинальному реформированию.

Интерес к суду присяжных значительно сократился и остался, в основном, в рамках профессионального сообщества после завершения работы «Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части», действовавшей с 30 апреля 1894 г. по 5 июля 1899 г. под руководством министра юстиции Российской империи Н.В. Муравьева. Несмотря на глубокую проработку Комиссией вопросов, связанных с судом присяжных, он остался практически неизменным – действовал его вариант, оформившийся в годы кризиса 1878–1889 гг. Суд присяжных окончательно превратился в ординарный институт уголовного судопроизводства, существованию которого уже ничего не угрожало.

До нас дошло огромное количество исторических источников, позволяющих охарактеризовать суд присяжных в Российской империи. Это и многочисленные нормативные правовые акты, и документы официального делопроизводства, значительный массив которых отложился в фондах центральных и местных архивов, и статистические материалы, и документы личного происхождения, и другие исторические источники. Среди названных видов исторических источников особое место занимают документы личного происхождения, представленные дневниковыми записями и текстами мемуарного характера, авторами которых являлись лица, осуществлявшие обязанности присяжных заседателей.

Мы не будем останавливаться на общей характеристике комплекса документов личного происхождения присяжных заседателей, поскольку это было сделано нами ранее в другой работе (Demichev, 2023). Тем не менее, отметим, что исторические источники этого вида содержат уникальную информацию о том, что происходило в совещательной комнате при вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта, а также иную информацию, которую невозможно получить из других источников.

Далее мы проанализируем сочинение некоего «Г.С.Н.», опубликованное под названием «Впечатления присяжного заседателя» в газете «Право» в 1899 г.¹. Ранее оно не было предметом научного анализа. Данное произведение интересно двумя особенностями. Во-первых, это единственный документ личного происхождения присяжных заседателей Российской империи, опубликованный в газете (отсюда, кстати, и его небольшой объем). Другие подобные документы печатались либо в

---

¹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599–1605.

журналах (Nikitin, 1871; Ivanovich, 1891 и др.)², либо выходили отдельными изданиями (Egorov, 1871)³. Во-вторых, хронологически это последний из известных нам документов личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных, созданных в имперский период.

Завершая вводную часть работы, обратим внимание, что в наши задачи не входит анализ Судебных уставов 20 ноября 1864 г. и иных нормативных правовых актов, регламентировавших организацию и деятельность суда присяжных в Российской империи, а также реального практического функционирования этого института (тем более, это было сделано в ряде исследований суда присяжных дореволюционными и современными авторами). Также в данном исследовании мы не планируем «перекидывание мостика» к современности. Несомненно, суд присяжных относится к числу хронодискретных российских институтов и его изучение весьма продуктивно с использованием методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Однако данная статья носит исключительно источниковедческий характер и не направлена (и не может быть направлена) на выработку практических рекомендаций по совершенствованию института суда присяжных в Российской Федерации.

Внешняя критика источника

Работа с документами личного происхождения подразумевает их внешнюю и внутреннюю критику. Внешняя критика, как верно отмечали А.П. Пронштейн и А.Г. Задёра, «направлена на всестороннее изучение вопроса о происхождении документа с тем, чтобы иметь основания для суждения о том, в какой мере правомерно использование письменного памятника как исторического источника» (Pronstein & Zadera, 1969:10). Внешняя критика источника предполагает установление авторства, времени, места, цели его создания, времени и места публикации.

С установлением места и времени опубликования рассматриваемой работы нет никаких проблем. «Впечатления присяжного заседателя» вышли в свет в воскресенье 22 августа в № 34 за 1899 г. еженедельной юридической газеты «Право», издаваемой в Санкт-Петербурге с 1898 по 1917 гг. В тот момент ее редакторами были известные российские юристы В.М. Гессен и Н.И. Лазаревский. Также с газетой активно сотрудничали не менее известные ученые и практики в сфере юриспруденции Ф.А. Вальтер, И.В. Гессен, О.О. Грузенберг, А.И. Каминка, В.Д. Набоков, Л.И. Петражицкий, В.М. Устинов. Таким образом, качество состава редакторов и отбираемых материалов не вызывает сомнения.

На страницах газеты «Право» публиковались научные статьи, материалы судебной практики, хроника и другие материалы, которые могли быть интересны практикующим юристам и всем читателям, интересующимся проблемами юриспруденции. В этот контекст абсолютно нормально вписывались и «Впечатления присяжного заседателя». При этом никаких комментариев редакции газеты ни к этой, ни к другим публикациям не имелось.

Автором «Впечатлений присяжного заседателя» является некий «Г.С.Н.». Естественно, редакции «Права» было известно, кто скрывается под этим псевдонимом.

² Н.Н.О. Из заметок присяжного заседателя // Исторический вестник. 1898. № 10. С. 185–210; № 11. С. 639–663.

³ Заметки присяжного заседателя. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1884. 80 с.

Нам же, к сожалению, установить это не удалось. Можно предположить, что «Г.С.Н.» – это реальные инициалы автора. Обычно указывали реальные инициалы, а не ставили фамилию «из скромности», но с таким расчетом, чтобы знакомые сумели идентифицировать автора (здесь уже проявляется определенное тщеславие), а незнакомым это не обязательно. Скорее всего, мы имеем дело со «случайным», «разовым» корреспондентом, пожелавшим поделиться своими наблюдениями на страницах периодического издания. По крайней мере, других публикаций в российской периодической печати того времени под этим псевдонимом нам не встречалось.

Тем не менее, можно установить некоторые сведения об авторе «Впечатлений присяжного заседателя». Несомненно, по половой принадлежности это мужчина, поскольку женщины не могли быть в Российской империи присяжными заседателями. Кроме того, повествование ведется от лица мужского пола.

Учитывая, что в тексте применительно к себе автор использует французский фразеологический оборот «Noblesse oblige»⁴, который можно перевести как «Благородное (или дворянское) происхождение обязывает», можно с уверенностью утверждать, что «Г.С.Н.» – дворянин. Причем, дворянин, который не находится на государственной службе, у которого есть лишь «свои дела», которые он может легко отложить⁵. Автор не упоминает, что он где-либо служит, ему не требуется документ для освобождения от служебных обязанностей на время «присяжничества» и, наконец, характеризуя состав присяжных, он пишет: «Главный по количеству элемент между нами составляли чиновники всех ведомств, затем следовали купцы и держатели ремесленных заведений, один инженер, один доктор и один крестьянин»⁶. Судя по этому тексту, «Г.С.Н.» не относит себя ни к одной из названных категорий.

Автор проживает в городе, где происходили заседания окружного суда с участием присяжных заседателей, на что он прямо указывает в тексте⁷. Судя по составу присяжных, это либо Санкт-Петербург, либо Москва. Все же, учитывая преобладание чиновничества среди присяжных и то, что «Впечатления присяжного заседателя» опубликованы в газете, издаваемой в Санкт-Петербурге, мы склоняемся к тому, что наблюдения проводились именно в Санкт-Петербурге, в Санкт-Петербургском окружном суде.

У нас не вызывает сомнений, что автор рассматриваемого произведения – образованный человек. Об этом свидетельствует легко воспринимаемое читателем литературное изложение материала, использование уже упоминавшегося французского фразеологизма, а также знакомство с новыми веяниями в юриспруденции (в частности, «Г.С.Н.» ратует за введение в России института условного осуждения)⁸. Однако он не является юристом, прямо указывая на это в тексте: «Не знаю, каким это объяснение показалось бы юристам с теоретической точки зрения, но нам, профанам...»⁹.

Что касается возраста, то в соответствии со ст. 81 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. присяжными заседателями могли быть лица, достигшие 25-ти лет и не старше 70-ти лет. «Г.С.Н.» прямо не называет свой возраст, но в

⁴ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599.

⁵ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599.

⁶ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

⁷ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

⁸ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1605.

⁹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

тексте воспоминаний имеется фраза «Горячились, конечно, молодые...»¹⁰, косвенно указывающая на то, что к категории молодых автор произведения себя не относит.

Судя по тексту воспоминаний, их автор не пользовался каким-то особенным авторитетом у присяжных заседателей: нет указаний на то, что он активно участвовал в дискуссиях, брал на себя инициативу, что к его мнению прислушивались, что его избирали старшиной присяжных. При этом, естественно, не было и никаких признаков неуважения к нему как к присяжному заседателю или как к личности.

Важным представляется вопрос о цели создания «Впечатлений присяжного заседателя». В отличие, например, от воспоминаний Г.А. Джаншиева (Dzhanshiev, 1896) рассматриваемое произведение не имеет ярко выраженных целей апологетики суда присяжных. Его автор не участвует в дискуссии о нужности или ненужности суда присяжных в России, но при этом относится к этому институту с уважением.

«Г.С.Н.» не скрывает, что ему изначально было интересно принять участие в работе суда присяжных: «Полученная мною впервые повестка для явки в суд для исполнения обязанности присяжного заседателя доставила мне большое удовольствие: мне так давно хотелось увидеть этот ослабленный суд, хотелось на личном опыте проверить, что чувствуют и переживают разнообразные элементы общества, бесконтрольному усмотрению которых вверяется судьба людей, нарушивших веления закона, мешающих тому же обществу насладиться нормальной жизнью. Сюда примешивалось еще чувство гордости или, вернее, самоудовлетворения потому ли, что напоминалось мне о моем праве, или же потому, что призыв будил стремление к совершенствованию, желание оказаться достойным высокой роли судьи»¹¹. «Г.С.Н.» с нетерпением ждал, когда «этот день» настанет и шел в суд в «весьма приподнятом настроении»¹². Но сам автор, в отличие, например, от писателя В.Н. Никитина (Nikitin, 1871:201–202) не напрашивался в присяжные заседатели с целью описать все то, что он там увидит.

У нас складывается ощущение, что у «Г.С.Н.», идя в суд, не было идеи опубликовать свои наблюдения (соответственно не было и корыстной цели в виде получения в перспективе от редакции газеты авторского гонорара). Похоже, она возникла уже после того, как его участие в судопроизводстве завершилось. К этой мысли нас приводит то, что автор не скрывает, что в ряде случаев не помнит каких-то деталей. Это означает, что он не вел для себя специальных записей, чтобы потом их как-то оформить, свести воедино и не пытался запоминать все происходившее в суде. Обратим внимание, что присяжные заседатели призывались для участия в сессии, длительность которой составляла от двух недель до одного месяца. По окончании такого срока воспроизвести все с большой точностью без записей или особой установки на запоминание достаточно сложно.

Полагаем, что временной разрыв между участием в судопроизводстве в качестве присяжного заседателя и моментом опубликования «Впечатлений присяжного заседателя» был относительно небольшим. На наш взгляд, он составлял от нескольких недель до нескольких месяцев. С одной стороны, здесь проявляется черта мемуаристики второй половины XIX – начала XX в., заключающаяся в том, что по сравнению с предыдущим периодом очень коротким стал промежуток времени с момента написания произведения до его опубликования (Kovalchenko, 1981:347).

¹⁰ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

¹¹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599.

¹² Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599.

Тексты мемуарного характера превратились из тех, которые писались «в стол» и адресовались потомкам, в те, которые создаются для современников и изначально предназначены для скорейшего опубликования. С другой стороны, произведение называется «Впечатления присяжного заседателя». Обратим внимание, именно «впечатления» (как сиюминутная реакция), а не «воспоминания» (как реакция на давно произошедшее). Не исключено, что автор специально выбрал название, которое отличалось бы от названий аналогичных сочинений – ведь к этому моменту уже были опубликованы «заметки»¹³ (Nikitin, 1876), «записки» (Egorov, 1871), «наблюдения» и «воспоминания» (Nikitin, 1871; Ivanovich, 1891; Dzhanshiev, 1896) присяжных заседателей. А вот «впечатлений» еще не было. Хотя, может быть, автор и не относился тщательно к выбору названия своего текста. Наконец, следует обратить внимание, что «Г.С.Н.» отдал свой текст для опубликования в газету, а не в журнал. Как известно, газета – более оперативное периодическое издание, нежели журнал. Выбирая именно такой вид издания, автор, скорее всего, и рассчитывал на скорое его опубликование, стремясь быстрее поделиться с читателями своими наблюдениями о суде присяжных.

Внутренняя критика источника

Перейдем к внутренней критике анализируемого документа личного происхождения, которая заключается в исследовании «содержания источника, выяснении того, насколько оно соответствует реальной исторической действительности, каково его научное значение» (Pronstein & Zadera, 1969:28). Начнем с того, что структура текста достаточно типична для документов личного происхождения присяжных заседателей. В нем содержатся следующие элементы: 1) излагается, как субъект попал в присяжные заседатели, его реакция на это событие; 2) первая явка в судебное заседание, первые общие впечатления от суда; 3) общая характеристика присяжных и отдельных их представителей; 4) общая характеристика судопроизводства, участников судебного процесса; 5) рассказ о конкретных судебных делах; 6) описание процедуры вынесения вердикта присяжными заседателями в совещательной комнате; 7) общие умозаключения из всего увиденного и услышанного в суде. Однако в отличие от всех прочих аналогичных произведений мемуарного характера «Впечатления присяжного заседателя» значительно меньше по объему. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что текст был опубликован в газете, что не предполагает, в отличие от журналов, объемных многостраничных публикаций. Кстати, не исключено, что изначально объем рукописи был больше, но его сократили под формат газеты редакторы или сам автор по просьбе редакции.

Особенностью практически всех произведений мемуарного характера присяжных заседателей о суде присяжных (и здесь сочинение «Г.С.Н.» не исключение) является то, что в них нет конкретики: не называются имена, фамилии участников процесса и присяжных заседателей, не указываются даты событий, конкретные обстоятельства уголовных дел, нет отсылок к статьям Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, что позволило бы установить, о ком или о чем именно идет речь. Таким образом, в этом плане фактографическая ценность «Впечатлений присяжного

¹³ Н.Н.О. Из заметок присяжного заседателя // Исторический вестник. 1898. № 10. С. 185–210; № 11. С. 639–663; Заметки присяжного заседателя. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1884. 80 с.

заседателя» невелика, как, впрочем, и других документов личного происхождения присяжных заседателей. Объясняется, на наш взгляд, такой подход мемуаристов двумя обстоятельствами: 1) общепринятыми этическими правилами того времени и 2) требованиями ст. 677 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.¹⁴, обязывающей присяжных заседателей хранить тайну их совещаний и не разглашать, какие голоса подавались в пользу или против подсудимого.

Тем не менее, ряд интересных нюансов фактического характера сочинение «Г.С.Н.» позволяет установить.

Автор отмечает, что по повестке присяжные заседатели были вызваны в суд к 11 часам дня. Все явились вовремя (некоторые даже намного раньше, как сам «Г.С.Н.»), но реально заседание началось с существенной задержкой – более полутора часов¹⁵. Естественно такая ситуация вызывала негодование присяжных заседателей, однако она была типичной для российских судов (Nikitin, 1871:207; Dzhanshiev, 1896:155).

«Г.С.Н.» обращает внимание на сложное положение присяжных заседателей из крестьян. Учитывая, что заседания проходили в столице, таковых в составе вызванных в суд по повестке было немного по сравнению с провинциальными городами. Крестьянин, о котором пишет, автор произведения, – «человек бедный», нес «настоящую тяготу»: приехал за 65 верст, жил на постоялом дворе и «в свободное от обязанностей время не знал, куда деваться»¹⁶. От себя добавим, что крестьяне вынуждены были отрываться от своих хозяйственных дел и семьи, терпя сплошные убытки. Они (как и все прочие присяжные заседатели, проживавшие вне места, где проходили заседания окружного суда) добирались до места судебного заседания, снимали жилье и питались исключительно за свой счет. Закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» был принят только 26 ноября 1913 г. и вступил в силу с 1 января 1914 г. Отметим, что крестьянин-присяжный, о котором говорит «Г.С.Н.», был еще в относительно нормальном положении. В Российской империи нередко были случаи, когда присяжные из крестьян откровенно бедствовали и вынуждены были наниматься на мелкие поденные работы, чтобы прокормить себя во время исполнения судебных обязанностей, а то и просить милостыню (Orshansky, 1879:208; Timofeev, 1881:152)¹⁷. Различные процедуры судопроизводства, по мнению «Г.С.Н.», были скучными (опрос подсудимых, проверка явки присяжных, объяснение присяжным их прав и обязанностей и т.д.). При этом «объяснения» председательствующего только «затемнили» те сведения, которые присяжные «успели уловить из ясного закона»¹⁸. Обратим внимание, что когда в России вводился суд присяжных, среди требований к присяжным заседателям не было умения читать и писать – ценз грамотности был введен только в 1887 г. От присяжных не требовалось юридических познаний и знакомство с текстом законов, поэтому в обязанности председателя суда и входило разъяснение правовых вопросов. Тем не менее, сам председательствующий произвел на мемуариста очень благоприятное впечатление: «мягкий голос председательствующего, его светящиеся ласковой

¹⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476.

¹⁵ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599.

¹⁶ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

¹⁷ См. также: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1854. Оп. 1. Д. 208. Л. 15; Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб.: Сенатская типография, 1888. С. 696.

¹⁸ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

улыбкой глаза невольно привлекали к себе и давали чувствовать, что нас ждет радужное отношение, что мы не встретим никаких затруднений, и что суд поможет нам справиться с предстоящей нам задачей»¹⁹. К кому именно относится это описание сейчас установить сложно, поскольку в 1899 г. председательствующими в заседаниях Санкт-Петербургского окружного суда могли быть 8 человек: председатель Санкт-Петербургского окружного суда Александр Михайлович Бобрищев-Пушкин, его товарищи (заместители) Дмитрий Федорович Гельшерт, Леонид Васильевич Барсов, Иван Степанович Цветков, Евгений Федорович Купферт, Сергей Александрович Чагин, Николай Алексеевич Чебышев, Александр Васильевич Гоббе²⁰. Судя по очерку, составленному А.Ф. Кони (Кони, 1914:216–219), под это описание может подходить А.М. Бобрищев-Пушкин, но это, конечно, лишь наше предположение.

Интересные рассуждения высказаны во «Впечатлениях присяжного заседателя» относительно «интересных» уголовных дел. Таковых, судя по разговорам «в коридорах суда», в сессию, участником которой был «Г.С.Н.», не планировалось. Автор рассуждает, что такое «интересные» дела: то ли это дела «на романтической подкладке», то ли такие дела, «в которых участвуют лица, обратившие еще до суда внимание общества», но приходит к выводу, что «для присяжного заседателя нет неинтересных дел»²¹.

Далее автор приводит примеры нескольких уголовных дел, в рассмотрении которых он участвовал, не останавливаясь на них подробно, не описывая процедурные моменты, а концентрируя усилия на описании собственных (иногда заменяемых коллективным «мы») чувств, эмоций и мыслей²². Судя по наблюдениям «Г.С.Н.», уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей действительно носило состязательный характер, в котором стороны и пытались проявить красноречие, и читали «лекции» по психологии. Отмечались и казусные моменты, имевшие место в судопроизводстве. Так, председатель в своем резюме по одному делу отметил, что свидетель таких слов, какие ему приписывает защитник, не говорил. А на самом деле они прозвучало в суде, и присяжные это прекрасно слышали, просто председатель отвлекся в тот момент на разговор с другими судьями²³. Кстати, председательствующий в своих резюме часто был весьма краток: «он прочитывал нам вопрос, указывал, как должен быть составлен положительный и отрицательный ответ, напоминал о праве признать заслуживающих снисхождения и прибавлял, что факты столь несложны, что мы сумеем в них разобраться и сами»²⁴. За такой подход присяжные заседатели были ему признательны и сожалели, когда он по более сложным делам «начинал на все лады пережевывать обстоятельства дела так, как вовсе не чувствовали в этом нужды»²⁵.

Мемуарные произведения присяжных заседателей представляют значительную ценность в связи с тем, что в них «изнутри» описывается то, что происходило в совещательной комнате: как вели себя присяжные заседатели, как шло обсуждение, какова была роль старшины, как выносился вердикт и пр. Эти психологические

¹⁹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

²⁰ См.: Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1899 год. СПб.: С.-Петерб. губ. тип., 1898. С. 26.

²¹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1600.

²² Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1601–1604.

²³ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1603–1604.

²⁴ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1603.

²⁵ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1604.

моменты очень важны для познания института присяжных заседателей, а из других исторических источников их узнать невозможно. «Г.С.Н.» обращает внимание, что присяжные употребляют все свои умственные и душевные силы, чтобы вынести справедливый вердикт. При этом часто дела разрешались «на основании какого-то неопределенного чутья, вопреки всем положительным данным судебного следствия», но впоследствии оказывалось, что вердикт был правильным²⁶. Присяжные искренне расстраивались, когда что-то не так поняли в суде и в результате вынесли несправедливый вердикт, вина, впрочем, в этом председательствующего и стороны²⁷. Но надо отметить, что автор не упоминает, о каких-то серьезных личных переживаниях или «муках совести» по поводу выносимых вердиктов.

Говоря о своих коллегах, «Г.С.Н.» обращает внимание на старшину и еще одного присяжного, о котором речь пойдет чуть позже. Особое внимание к старшине оправдано тем, что это тот человек, кого сами присяжные избрали для руководства своими совещаниями. Старшиной присяжных оказался (видимо, неоднократно) один из самых молодых по возрасту среди присяжных, юрист по образованию и по профессии. Он весьма ответственно подходил к исполнению своих общественных обязанностей: руководил совещаниями присяжных заседателей, пытался (правда, как отмечает автор, безуспешно) склонять их к единодушному мнению. Отмечается, что присяжные не всегда соглашались с его мнением. Более ценными были его разъяснения именно как юриста, а не старшины, по различным юридическим вопросам. Тут его авторитет был безоговорочным²⁸.

Некоторое внимание автор «Впечатлений присяжного заседателя» уделяет одному присяжному. Он отличался от всех прочих тем, что был не в силах сказать: «Нет, не виновен». «Г.С.Н.» пишет: «не успевали мы войти в совещательную комнату, как он уже кричал: ну, что тут думать, конечно виновен!», а если он не был отобран в коллегию присяжных по конкретному делу и находился в зале судебного заседания, то «зеленел от злости и бранил нас, услышав оправдательный вердикт или данное подсудимому снисхождение, и никаким убеждениям не поддавался»²⁹.

Как правило, судебные заседания, по свидетельству «Г.С.Н.», не длились без перерыва более трех часов. Во время же перерыва присяжные в совещательной комнате активно обсуждали, что видели и слышали в суде, устанавливали, что осталось невыясненным и что следует спросить после продолжения судебного заседания³⁰.

При обсуждении вердиктов в совещательной комнате часто разгорались споры. Самыми горячими они были тогда, когда подсудимый чистосердечно признавался в содеянном и когда, казалось бы, и спорить было не о чем. Меньшинство присяжных, вслед за прокурором, считало, что чистосердечное признание подсудимого дает основание присяжным заседателям вынести ему снисхождение, но не оправдать его, поскольку присяжные не наделены правом помилования. Большинство же заседателей полагало, что они вправе в соответствие со своими убеждениями совести, когда уверены, что подсудимый не представляет опасности для общества и совершенное им деяние реально не нарушило ничьих реальных интересов, и от него пострадала лишь формальная норма закона, вынести оправдательный вердикт, поскольку в этой

²⁶ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1601.

²⁷ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1603.

²⁸ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1602–1603.

²⁹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1602.

³⁰ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1604.

ситуации «было бы безосновательной жестокостью карать подсудимых, рискуя тем самым направить их на путь дальнейших преступлений»³¹. При этом все участники спора осознавали, что обвинительный приговор в ситуациях такого рода является неоправданно жестоким, а оправдательный приговор – незаслуженно мягким. Кроме того, в случае оправдания имелся риск, что подсудимый вновь совершит преступление, рассчитывая на такой же исход.

По отдельным же обстоятельствам дел «разноречия» встречались нечасто. При этом заметны были проявления конформизма, который во многом свойственен коллегии присяжных заседателей как малой группе. Так, «Г.С.Н.» отмечает, что когда один или двое присяжных оказывались против всех остальных, то они «конечно, сейчас же уступали, ибо ясно было, что они не расслышали, не заметили и т.п.»³². Однако этот конформизм не касался, как правило, принципиальных вопросов. В целом же, отмечает «Г.С.Н.», «переубедить кого-нибудь было трудно; каждый приходил с готовым мнением по основному вопросу о виновности на основании вынесенных из зала суда впечатлений, и жаркие споры не приводили ни к чему»³³. Видимо такая устойчивость во мнениях объяснялась составом присяжных, в который попало большинство чиновников. В провинции, где в составе присяжных преобладали крестьяне, чиновников было немного, однако они оказывали на крестьян существенное влияние, часто подчиняя их своему мнению.

Завершает «Г.С.Н.» свои наблюдения не общими рассуждениями о суде присяжных, его значении для общества и т.п., не морализацией, а вполне конкретным выводом-предложением. Он выступает за введение института условного осуждения, вызывавшего серьезные дискуссии среди российских ученых и практиков изучаемого периода (Artemenkov, 2014). Кроме собственно пользы для общества, условное осуждение, по мнению автора, облегчило бы положение присяжных заседателей, устранило бы тяжелую душевную борьбу при вынесении вердикта, «условное осуждение исключило бы всякое сомнение в нашем отрицательном отношении к совершенному деянию, а, вместе с тем, не насилвало бы нашей совести, так как от самого осужденного зависело бы избавиться от назначенного ему наказания»³⁴.

Заключение

Завершая исследование, отметим несколько важных моментов.

Во-первых, «Впечатления присяжного заседателя», с одной стороны, не относятся к массовым историческим источникам, являются уникальным произведением. С другой стороны, сочинение «Г.С.Н.» обладает рядом характеристик, присущих иным документам личного происхождения присяжных заседателей Российской империи второй половины XIX в. о суде присяжных (общий характер, манера изложения, круг освещаемых вопросов).

Во-вторых, фактографическая ценность рассматриваемого источника невелика. В силу его специфики по нему, как и по другим документам личного происхождения присяжных заседателей, нельзя в целом реконструировать судоустройство и судопроизводство в Российской империи, нельзя составить полноценного представления

³¹ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1605.

³² Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1604.

³³ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1602.

³⁴ Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1605.

о рассматриваемых уголовных делах. Содержание и форма подачи излагаемого материала, как и любого документа личного происхождения, в значительной степени детерминированы личностью автора (в нашем случае конкретно «Г.С.Н.», о котором практически ничего достоверно неизвестно).

В-третьих, произведение «Г.С.Н.», несмотря на отмеченное в предыдущем абзаце, обладает когнитивной ценностью, поскольку в нем содержится информация, отсутствующая в силу ряда обстоятельств в других исторических источниках. Значение «Впечатлений присяжного заседателя» заключается в том, что в нем приводятся факты, наполняющие жизненной конкретикой то, что ранее изучалось только на основании текстов нормативных правовых актов, материалов делопроизводства и официальной статистики. Наконец, «взгляд изнутри» на судопроизводство с участием присяжных заседателей позволяет уяснить некоторые психологические моменты функционирования суда присяжных.

References / Список литературы

- Artemenkov, M.N. (2014) Formation of the institution of probation in the Russian Empire. *Bulletin of the Tver State University. Series: History*. (4), 50–67. (in Russian).
Артеменков М.Н. Становление института условного осуждения в Российской империи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 50–67.
- Demichev, A.A. (2023) Documents of personal origin of Russian jurors of the 1860s – 1890s as a historical source. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*. (1), 53–62. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2023-1-5> (in Russian).
Демичев А.А. Документы личного происхождения российских присяжных заседателей 1860–1890-х годов как исторический источник // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 53–62. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2023-1-5>
- Dzhanshiev, G.A. (1896) From the memories of the juror. *Trial of jury trials (Trial by Jury (Regarding the Articles of Mr. Deitrich and «Grazhdanin»)*. 2nd ed., add. Moscow, Typography «Dawn» Publ. (in Russian).
Джанишиев Г.А. Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя) // Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина»). 2-е изд., доп. М.: Тип. «Рассвет», 1896. С. 151–179.
- Egorov, P.P. (1871) *Notes of a juror: Session of the Ryazan District Court in Kasimov, from June 3rd to 15th, 1871*. Saint Petersburg, Printing house of the House of Charity for the Poor Minors Publ. (in Russian).
Егоров П.П. Записки присяжного заседателя: Заседание Рязанского окружного суда в Касимове, с 3-го по 15-е июня 1871 г. СПб.: Тип. Дома призр[ения] мал[олет]. бедных, 1871. 52 с.
- Ivanovich, I. (1891) In the courtroom and in the advisory room. From the memories of the juror. *Journal of Europe*. Book 12, 577–603. (in Russian).
Иванович И. В зале суда и в совещательной комнате. Из воспоминаний присяжного заседателя // Вестник Европы. 1891. Кн. 12. С. 577–603.
- Koni, A.F. (1914) *Fathers and children of judicial reform (On the fiftieth anniversary of the Judicial Charters)*. Moscow, Publishing house and printing house of I.D. Sytin Publ. (in Russian).
Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов). М.: Изд. и тип. И.Д. Сытина, 1914. 317 с.
- Kovalchenko, I.D. (ed.) (1981) *Source study of the history of the USSR*. 2nd ed., revised. and add. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).

Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. 496 с.

Nikitin, V. (1871) Saint Petersburg Jury Court (Observations and Memories of the Jury). *Domestic Notes*. May, 201–224. (in Russian).

Никитин В. Петербургский суд присяжных (Наблюдения и воспоминания присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. Май. С. 201–224.

Nikitin, V.N. (1876) Trial by jury in St. Petersburg (Juro's Notes). *Domestic Notes*. (8), 279–320. (in Russian).

Никитин В.Н. Суд присяжных в Петербурге (Заметки присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1876. № 8. С. 279–320.

Orshansky, I.G. (1879) *Studies in Russian law: customary and marriage*. Saint Petersburg, Printing house of A.E. Landau Publ. (in Russian).

Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву: обычному и брачному. СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1879. 453 с.

Pronstein, A.P. & Zadera, A.G. (1969) *Methods of working on historical sources*. 2nd ed., rev. and additional Moscow, Moscow University Press Publ. (in Russian).

Пронштейн А.П., Задёра А.Г. Методика работы над историческими источниками. 2-е изд., испр. и доп. М.: изд-во Московского университета, 1969. 82 с.

Timofeev, N.P. (1881) *Jury Court in Russia. Court essays*. Moscow, Printing house of A.I. Mamontov Publ. (in Russian).

Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1881. 639 с.

Сведения об авторе:

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора научных исследований и разработок, Нижегородский институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46

ORCID ID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-код: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

About author:

Alexey A. Demichev – Doctor of Legal Sciences, Candidate of History Sciences, professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, professor of the department of civil law and procedure, Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Chief Researcher of the Science Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА; 46 Gagarin ave. Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-code: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-329-344>
EDN: JNZTTY

Научная статья / Research Article

Юридическое оформление иностранных лесных концессий в Советской России в 1920-е годы

О.В. Минчук¹ , Д.С. Заозерский² , А.С. Никифоров¹

¹Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

²Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук,
г. Архангельск, Российская Федерация
[✉o.minchuk@narfu.ru](mailto:o.minchuk@narfu.ru)

Аннотация. На основе законодательных актов Советской России и неопубликованных источников Государственного архива Архангельской области (ГААО) выявлены особенности юридического оформления концессионных отношений при организации смешанных акционерных обществ «Руссанглолес», «Руссголландолес» и «Руснорвеголес», действовавших на Севере России в 1920-е гг. Проанализирован «Нормальный договор о лесных концессиях» (1922 г.), который использовался советской стороной и иностранными предпринимателями в процессе подготовки концессионных договоров в лесной промышленности, а также рассмотрена «Схема построения типового договора о лесной концессии». Работа с данными источниками позволила реконструировать принцип подготовки договоров, на основе которых функционировали «Руссанглолес», «Руссголландолес» и «Руснорвеголес».

Ключевые слова: концессии, лесные концессии, РСФСР, СССР, концессионное право, концессионные правоотношения, новая экономическая политика, Руссанглолес, Руссголландолес, Руснорвеголес

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Минчук О.В.* – разработка концепции исследования, подбор и анализ архивных и нормативных материалов, написание введения, заключения и основной части статьи; *Заозерский Д.С.* – подбор и анализ архивных материалов, подготовка аннотации и заключения к статье; *Никифоров А.С.* – обзор исследований по теме научной статьи, работа с научными выводами статьи.

Информация о финансировании. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России»).

Поступила в редакцию: 19 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Минчук О.В., Заозерский Д.С., Никифоров А.С. Юридическое оформление иностранных лесных концессий в Советской России в 1920-е годы // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 329–344. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-329-344>

Incorporation of foreign timber concessions in Soviet Russia in the 1920s

Oleg. V. Minchuk¹, Daniil S. Zaozerskiy², Aleksey S. Nikiforov¹

¹Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

²N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russian Federation

o.minchuk@narfu.ru

Abstract. The article based on legislative acts of Soviet Russia and unpublished sources of the State Archive of the Arkhangelsk Oblast, describes the features of incorporation of Russangloles, Russhollandoles and Russnorvegoles joint-stock companies, operating in the North of Russia in the 1920s. The article analyzes the Standard Agreement on Timber Concessions (1922), which was used by the Soviet state and foreign entrepreneurs in the process of drafting concession agreements in the timber industry and the Scheme for Constructing a Standard Agreement on Timber Concession. The study of these sources allows reconstructing the principle of forming contracts contributing to Russangloles, Russhollandoles and Russnorvegoles functioning.

Key words: concessions, timber concessions, RSFSR, USSR, concession law, concession legal relations, new economic policy, Russangloles, Russhollandoles, Russnorvegoles

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution. *Minchuk O.V.* – development of the research concept, selection and analysis of archival and normative materials, writing of introduction, conclusion and the main part of the article; *Zaozerskiy D.S.* – selection and analysis of archival materials, preparation of abstract and conclusion for the article; *Nikiforov A.S.* – preparation of a review of academic publications on the topic of the article, writing conclusion of the article.

Funding information. The article was prepared as part of the study supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-20061 Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts under the Isolation of Soviet Russia).

Received: 19th September 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Minchuk, O.V., Zaozerskiy D.S., Nikiforov A.S. (2024) Incorporation of foreign timber concessions in Soviet Russia in the 1920s. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 329–344. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-329-344>

Введение

На сегодняшний день Российская Федерация находится в условиях санкционного давления со стороны западных стран. Большое количество зарубежных предприятий прекращает свою деятельность на территории России, наблюдается отток инвестиций, технологий и кадровых ресурсов. Вместе с тем осуществляется разработка и внедрение механизмов обеспечения технологического суверенитета страны.

На фоне данных процессов актуализируется необходимость научного осмысления исторического опыта существования государства в сложных внешнеполитических и внешнеэкономических условиях.

Важнейшим историческим опытом, который, безусловно, может быть использован для решения современных проблем, являются процессы привлечения различных форм иностранного капитала в Советскую Россию в 1920-е гг.: предоставление концессий иностранным промышленникам, заключение договоров о технической помощи и др.

Изучение механизма юридического оформления концессий является одной из ключевых задач для достижения целостного представления о результатах концессионной практики СССР. Опыт государственно-частного партнерства, реализованного именно в форме смешанных акционерных обществ в лесной промышленности Севера России, является наиболее показательным, так как лесозаготовки, как в СССР, так и в современной России имеют стратегическое значение и высокий экспортный потенциал.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении характерных особенностей юридического оформления концессионных отношений в лесной промышленности на Севере Советской России в 1920-е гг. на примере деятельности смешанных акционерных обществ «Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес».

В рамках исследования использовался системный подход, позволивший рассмотреть концессию как комплексный правовой институт, регулируемый различными отраслями законодательства. Также для анализа материалы были использованы формально-логический и формально-юридический методы.

Источниковой базой исследования стали законодательные акты советской власти рассматриваемого периода, а также неопубликованные источники, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Так, весьма ценными источниками являются: учредительские договоры об организации смешанных акционерных обществ («Руссголландолес», «Руссанглолес», «Русснорвеголес»), а также концессионные и дополнительные концессионные договоры, заключенные с этими обществами; материалы деловой переписки иностранных промышленников с представителями советского правительства на предмет организации лесных концессий; материалы заседаний и отчеты Главного концессионного комитета (ГКК) при СНК и других органов советской власти. Неопубликованные источники находятся в следующих фондах Государственного архива Архангельской области: фонд № 71 «Государственный лесопильно-деревообрабатывающий трест Северолес»; фонд № 552 «Архангельское отделение акционерного лесопромышленного общества Русанглолес»; фонд № 352 «Архангельский губисполком (Архгубисполком)».

Изучение и научное осмысление законодательного обеспечения иностранных концессий в Советской России началось уже в 1920-х гг. Стремительно формировавшаяся практика заключения концессионных договоров и предоставления концессий обусловили пристальное внимание исследователей и идеологов советского государства к этой теме. Среди авторов, внесших существенный вклад в изучение концессий, можно назвать В.И. Ленина (Lenin, 1963), Н.И. Бухарина (Bukharin, 1988), И.Н. Бернштейна (Bernshtein, 1930), Б.А. Ландау (Landau, 1925), В.П. Бутковского (Butkovsky, 1928), А.В. Карасса (Karass, 1925), А.А. Иоффе (Ioffe, 1927) и др. (Lyandau, 1925; Reichel, 1930).

В частности, А.А. Иоффе подчеркивал, что «Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес» являлись одними из «важнейших» концессий, т.к. были не краткосрочными, но рассчитанными на длительный срок, а также по причине того, что получатели этих концессий «выполняли взятые ... на себя по договору обязательства» (Ioffe, 1927:75–87).

Дальнейшие этапы советской историко-правовой науки обделены серьезными работами по рассматриваемой проблематике. В основном исследования развивались в рамках исторической и историко-экономической науки.

В современный период появляются работы, посвященные анализу концессионного законодательства. Первым достаточно полным обзором концессионного права в целом является работа С.А. Сосны (Sosna, 2002:9), в которой также был дан краткий обзор истории концессионного законодательства России. В начале 2010-х гг. были изданы крупные работы по данной проблематике, основанные на широкой источниковой базе. Так, Н.В. Курьсь в серии научных публикаций (Kurys', 2012:81–86), в том числе совместной с С.Г. Тищенко монографии (Kurys' & Tishchenko, 2011), рассматривала вопросы правового регулирования иностранного инвестирования в советскую промышленность, а также изучала историю советского концессионного права. Автор делает вывод, что период 20-х гг. XX в. характеризуется волнообразной динамикой поочередного превалирования политической и экономической целесообразности в концессионных отношениях (Kurys' & Tishchenko, 2011).

Вопросам концессионных отношений посвящены работы В.В. Булатова (Bulatov, 2011; Bulatov & Novikova, 2008). Автор с позиции экономической истории рассматривал, в том числе, вопросы особенностей концессионных отношений в СССР, неконцессионных форм привлечения иностранного капитала, «рабочий вопрос», а также отдельные аспекты деятельности концессионных предприятий. В.В. Булатов отмечал, что «историческая концессия – это специальный законодательный акт монарха (государства), издаваемый в отношении каждого конкретного частного лица или компании, и предоставляющий им право на ведение определенной предпринимательской деятельности в тех сферах, которые относятся к монополии государства» (Bulatov, 2011:7). Причины кризиса и свертывания советских концессий В.В. Булатов видел в экономической сфере.

Проблематика юридического оформления деятельности именно лесных концессий затронута в работах М.М. Загорулько, А.Е. Парфенова (Zagorul'ko & Parfenov, 2006). Авторы описывают условия концессионных договоров, обязательства концессионеров и советского правительства. Историко-юридическим аспектам иностранных промышленных концессий в СССР в 1920–1930-е годы также посвящены работы А.С. Смыкалина (Smykalin, 2017), С.Л. Данильченко (Danilchenko, 2014), Е.С. Косых (Kosykh, 2016; Kosykh, 2018), М.В. Немытиной (Nemytina & Krasnov, 2023), Т.В. Юдиной (Yudina & Bulatov, 2013).

В настоящее время исследователи в целом не выходят за рамки рассмотрения концессионных договоров и анализа базовых документов концессионных отношений в Советской России периода 1920-х гг. (Конституция СССР 1924 г.; Постановление СНК об общих экономических и юридических условиях концессий от 23 ноября 1920 г.; Основные принципы концессионных договоров, утвержденные СНК от 29 марта 1921 г. и др.). В связи с этим актуализируется изучение проектов

концессионных договоров, дополнительных концессионных договоров, учредительских договоров и иных актов, регулировавших деятельность лесных концессий.

Историко-правовые условия концессионной практики Советской России в лесной промышленности в 1920-е гг.

За период проведения активной концессионной политики в Советской России (с 1921 по 1928 гг.) (Bulatov, 2011) в сфере лесной промышленности было заключено семь соглашений (с созданием соответствующего количества предприятий). Пять предприятий были концессионными: два работали в форме «чистой» концессии («Мологолес» и «Рорио Рингио Кумиай») и три – в форме смешанных акционерных обществ («Руссголландолес», «Руссанглолес», «Русснорвеголес»). В случае оставшихся двух соглашений роль иностранного капитала заключалась в обязательстве финансировать на возмездной основе советские предприятия («Двинолес Лимитед» и «Репола Вууд»)¹.

В первые годы своего существования лесные концессии занимали «доминирующее положение»² среди концессионных предприятий Советской России, но в дальнейшем значительно ослабли и быстро прекратили свое существование. На 1 октября 1928 г. формально действовало шесть концессий, но фактически иностранный капитал участвовал лишь в трех³. Три смешанных общества («Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес») были превращены в государственные организации путем выкупа иностранной доли акций. При этом акции «Руссанглолеса» и «Руссголландолеса» были выкуплены в 1926–1927 операционный год, а акции «Русснорвеголеса» в 1927–1928 операционный год. Эти предприятия сохранили концессионную форму в течение 1927–1928 г. и в 1928–1929 г. были ликвидированы⁴.

Сохранение прежней юридической структуры смешанных акционерных обществ в течение нескольких операционных годов после их фактического перехода во владение государственного треста «Северолес» обуславливалось политическими мотивами высшего руководства СССР. С точки зрения ВСНХ СССР, «немедленная и спешная» ликвидация предприятий могла нежелательным образом отразиться на престиже советской концессионной политики и положении интересов СССР на внешнем лесном рынке⁵.

В целом опыт деятельности лесных концессий «Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес» признается исследователями неудачным (Zagorul'ko & Parfenov, 2006). В научной литературе в качестве одной из главных причин этого выделяют несоответствие условий работы предприятий рыночной конъюнктуре. Из-за низких цен на лесные материалы на мировых рынках предприятия не могли выгодно их реализовывать и быть экономически рентабельными (Zagorul'ko & Parfenov, 2006). В аналитической справке Главного концессионного комитета при

¹ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Соврем. экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 360.

² Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Соврем. экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 470 (Отчет о работе ГKK при СНК СССР за 1927–1928 г. 23 августа 1929 г.).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО) Ф. 71. Оп. 7. Д. 94. Л. 32.

СНК СССР «Об итогах концессионной деятельности» от 1925 г. отмечалось, что причины убыточности «лежат ... в мировой конъюнктуре. Цены на лес на внешних рынках все время падают, а стоимость леса и расходы, связанные с переработкой его, стоят на очень высоком уровне. В таком же убыточном состоянии находятся и наши государственные тресты»⁶.

При этом стоит отметить, что в процессе обсуждения вопроса о создании Онежской лесной концессии («Русснорвеголес») норвежский предприниматель Фредерик Прютц в письме директору-распорядителю «Северолеса» С.И. Либерману от 23 января 1923 г. отмечал наличие тенденции на снижение покупательной способности европейского рынка и цен на лесной материал⁷. В контексте данных рассуждений норвежский капиталист пытался получить определенные льготы по платежам Советскому государству в случае получения концессии. В то же время это означало, что риск экономической убыточности был вполне очевиден для сторон уже на подготовительном этапе оформления концессионного соглашения.

Среди причин провала концессионной практики современными отечественными исследователями также выделяются и следующие: несоответствие акционерных капиталов задачам созданных обществ (Zagorul'ko & Parfenov, 2006); конфликты концессионеров с местными властями (Troshina, 2023:39–43); изменение валютной политики Советского государства (Bulatov, 2011).

Не менее важную роль в процессе свертывания концессионных предприятий могло сыграть несовершенство их юридического оформления. В сопроводительной записке управляющего делами ГКК при СНК СССР Иванова в СНК СССР от 10 февраля 1927 г. указывалось, что «конфликты, вытекающие из неясности или недоговоренности концессионных договоров, возникают очень часто и касаются всех областей взаимоотношений с концессионером. Дефектность договоров в этом отношении с усовершенствованием договорной техники уменьшается, но, к сожалению, полностью не устранима не только ввиду сложности правоотношений и невозможности полностью предвидеть все в договоре, но также и потому, что формулировки договора являются... компромиссами, которые не удовлетворяют ни одной стороны, но... принимаются, чтобы избежать разрыва»⁸.

Итак, жизнеспособность предприятий во многом могла зависеть от условий, закрепленных в концессионных договорах и иных правоустанавливающих документах, регулировавших концессионные правоотношения.

Важно отметить, что процессы подготовки и заключения концессионных договоров с иностранными лесопромышленниками относительно лесных участков проходили, по сути, в условиях формирующегося советского права. Так, лесное право к моменту заключения предварительных соглашений еще не было кодифицировано. Лесной кодекс, который содержал нормы о лесных концессионных договорах, был утвержден 7 июля 1923 г. и введен в действие с 1 августа 1923 г., в то время как концессионный договор с «Руссанглолесом» был утвержден в окончательной редакции Советом Народных Комиссаров 23 марта 1923 г., а договор

⁶ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Современная экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). 854 с.

⁷ ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 271. Л. 97.

⁸ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Современная экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 257.

с «Руссголландолесом» – 27 марта 1923 г. Договор с «Русснорвеголесом» был утвержден 10 октября 1923 г. Таким образом, только один концессионный договор был принят после институционализации отрасли лесного права.

Концессионное право как комплексная отрасль права также складывалась постепенно. основополагающие специализированные акты были приняты к апрелю 1921 г. («Общие экономические и юридические условия концессий» 1920 г. и «Основные принципы концессионных договоров» 1921 г.), но конституционное закрепление концессий было реализовано только в Конституции СССР в начале 1924 г. (в виде правомочия заключать концессионные соглашения верховными органами СССР)⁹. Ранее нормы о концессиях появились в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.¹⁰ Эти особенные условия развертывания концессионной практики предполагали, как свободу в составлении концессионных соглашений и формулировании основных положений сдачи концессий, так и вносили в нее неопределенность, в том числе, в части юридической техники.

В случае принятия решения о предоставлении концессии договаривающимся сторонам необходимо было облачить в юридическую форму несколько ключевых положений. Их можно разделить на политические (условия, способствующие восстановлению экономических отношений с западными государствами), организационные (форма, структура и условия функционирования предприятия) и хозяйственные (предмет концессии, условия эксплуатации, исключительные обязательства, платежи и др.).

Данные положения приобретали форму специальных норм, регулирующих деятельность конкретной концессии, и фиксировались в правоустанавливающих документах различного рода. Такими документами являлись предварительное соглашение, учредительский договор, устав акционерного общества и концессионный договор. Соответственно, концессия как юридический институт не исчерпывалась общими нормами, отраженными в советском законодательстве, и условиями только лишь концессионного договора.

Особенности юридического оформления иностранных лесных концессий «Руссголландолес», «Руссанглелес» и «Русснорвеголес»

Ключевые характеристики иностранных лесных концессий, созданных на территории Архангельской губернии, заключались в том, что это, во-первых, были концессии общесоюзного значения¹¹; во-вторых, они являлись экспортными концессиями¹²; в-третьих, они создавались в форме смешанных акционерных обществ; в-четвертых, они носили реституционный характер (Bulatov, 2011).

⁹ Основной закон (Конституция) Союза Советских социалистических республик / Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁰ Гражданский кодекс РСФСР / Принят Постановлением ВЦИК от 31 октября 1922 года // Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=10512> (дата обращения: 22.12.2023).

¹¹ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Современная экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 697.

¹² Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Современная экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 681.

Общесоюзный характер концессии напрямую не следовал из содержания концессионного договора. Соглашения с «Руссанглолесом» и «Руссголландлесом» были заключены с Правительством РСФСР, а соглашение с «Русснорвеголесом» – уже с Правительством СССР. На наш взгляд, эта характеристика являлась маркером для наполнения соответствующих уровней бюджета и статистической переменной. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «О бюджетных правах Союза СССР и входящих в его состав союзных республик», к чрезвычайным доходам общесоюзного бюджета относились доходы от общесоюзных концессий, а в случае бюджета союзных республик – от концессий республиканского значения¹³. Схожий принцип остался и в аналогичном Постановлении 1927 г.¹⁴

Экспортный характер рассматриваемых концессий подразумевал ориентацию их производства на внешний рынок (в официальных документах и отчетах ГКК, а также в научной литературе принято называть данные концессии именно лесоэкспортными), но в первоначальных договорах не было закреплено обязанности концессионера осуществлять какой-либо фиксированный объем экспорта лесных материалов. Более того, согласно документам всех трех концессий, вывоз за границу материалов в обработанном и переработанном виде, а в отдельных случаях необработанном, являлся правом концессионера. Это однозначно указывалось в статье 11 каждого из договоров. Помимо этого, в контексте закрепления механизма платы за концессию (установления условий: ФОб или франко-место сдачи), подразумевалось осуществление как экспортных, так и внутренних продаж получателем концессии¹⁵.

Позднее в дополнительных концессионных договорах с «Руссанглолесом» и «Руссголландлесом», заключенных 21 сентября 1927 г., в статье 1 устанавливалась обязанность концессионера реализовывать свои лесные материалы следующим образом: не менее 75 % всего заготовленного пиловочника должно было подлежать распиловке, и из данного количества 90 % подлежало продаже на внешнем рынке; все заготовленные балансы и раундвуд [круглые лесоматериалы – О.М., Д.З., А.Н.] подлежали реализации на внешнем рынке. Оставшийся заготовленный лес мог быть продан на внутреннем рынке¹⁶. Все это являлось юридической фиксацией экспортного характера предприятий, правда в тот момент, когда предприятия были уже чисто советскими.

«Русснорвеголес» также к 1927 г. получил обязанность экспортировать лесные материалы, но в объеме 50 % (в материалах не приводится градация видов экспортируемого леса). При обсуждении вопроса о переходе на чистую концессию в 1927 г. ГКК требовал повысить данную цифру на 10 %¹⁷. При этом обязательство осуществлять экспорт, не отраженное в концессионном договоре, было зафиксировано во второй статье учредительского договора. Там отмечалось, что «целью общества является хозяйственная эксплуатация Онежского района путем возможно более

¹³ Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 29 октября 1944 года о бюджетных правах Союза ССР и входящих в его состав союзных республик // Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2227.htm (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁴ Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 25 мая 1927 года «Постановление о бюджетных правах Союза ССР и входящих в его состав союзных республик» // Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/vHGrmzrAsBoGTiFIVA_7. (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁵ ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 9. Л. 21 об.

¹⁶ ГААО. Ф. 552. Оп. 1. Д. 173. Л. 2; ГААО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

¹⁷ ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 21. Л. 55 об.

рациональной выработки и переработки произрастающей там древесины и экспорта лесных материалов и продуктов переработки»¹⁸.

Две последних рассматриваемых характеристики не закреплялись в концессионных договорах. Смешанный характер организованных обществ и реституционные условия фиксировались в учредительских договорах. По своей сути это были взаимосвязанные характеристики. Для реализации реституционных задач был использован механизм создания смешанных обществ. Ликвидное имущество, принадлежавшее этим фирмам, было зачтено как их взносы в уставной капитал¹⁹.

Например, при учреждении «Руснорвеголеса» в соответствии со статьей 4 учредительского договора от 10 октября 1923 г. консорциуму из норвежских лесных фирм предоставлялись лесные материалы в переработанном и непереработанном виде, находящиеся в СССР и ранее принадлежавшие этим фирмам. Этим фирмам поручалась реализация данных лесных материалов²⁰. Средства от продажи материалов должны были пополнить уставной капитал общества, но с первоначальным возмещением расходов Правительства СССР, понесенных им за этот товар, затем выплату 40 000 фунтов стерлингов консорциуму для обеспечения ими своих дореволюционных кредитных обязательств²¹. Непокрытая зачетом сумма должна была вноситься норвежскими фирмами наличными деньгами: 25 % – в течение месяца со дня утверждения устава, остальное – в срок до 12 месяцев²², причем данная сумма выплачивалась «по мере поступления денег, выручаемых от продажи товаров»²³.

Подобная схема использовалась и при учреждении «Руссанглолеса» и «Руссголландолеса». Трехсторонний договор между Наркомвнешторгом РСФСР, «Северолесом» и «Лондонской Северной торговой акционерной компанией» («Лондонским и Северным торгово-промышленным обществом») об учреждении «Руссанглолеса» в 6 статье содержал описание механизма данного перезачета. Созданное акционерное общество должно было продать на внешнем рынке в пользу учредителей («Северолес» и «Северная компания») лес, ранее принадлежавший «Северной компании» и лесопромышленнику Ш. Шалиту. Вырученная сумма должна была в первую очередь покрыть расходы «Руссанглолеса» на операции по продаже. Оставшаяся сумма употреблялась на оплату акций предприятия, причем как со стороны «Северной компании», так и со стороны «Северолеса». При этом устанавливалось обязательство РСФСР возместить утраченный до подписания договора лес либо в твердой денежной форме, либо другим лесом на ту же сумму²⁴.

Выработанный формат организации акционерного общества на паритетных началах при создании «Руссанглолеса» и «Руссголландолеса» стал для Советского правительства примером для создания «Руснорвеголеса». Далее необходимо отметить, что первоначальное предложение о получении концессии на Онежские лесные массивы от норвежского предпринимателя Ф. Прютца, поступившее на имя дирек-

¹⁸ ГААО. Ф. 71. Оп. 7. Д. 196а. Л. 285 об.

¹⁹ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. М.: Соврем. экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 214.

²⁰ ГААО. Ф.71. Оп. 7. Д. 196а. Л. 285 об.

²¹ Там же.

²² Постановление Совета труда и обороны. Временные правила о порядке утверждения и открытия действий акционерного общества и об ответственности учредителей и членов правления. 01.8.1922 г. // Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13813> (дата обращения: 12.02.2023).

²³ ГААО. Ф.71. Оп. 7. Д. 196а. Л. 286 об.

²⁴ ГААО Ф. 71. Оп. 1. Д. 196а. Л. 142 об.

тора-распорядителя «Северолеса» С.И. Либермана 05 августа 1922 г. содержало совсем иную предполагаемую конфигурацию организационной структуры учреждаемого общества по сравнению с итоговым вариантом, который был зафиксирован в концессионном договоре «Русснорвеголеса» с советской стороной.

Ф. Прютц предлагал создать в Англии и Норвегии паевое товарищество, единственным держателем капитала которого должно было стать Советское правительство. Основной актив товарищества составляли бы концессия на заготовку леса по всему Онежскому району, стоимость существующих лесопильных заводов в этом районе, а также наличные запасы лесоматериалов на заводских биржах. Товарищество должно было получить право выпуска облигаций на сумму претензий к России от бывших владельцев лесопромышленных предприятий Онежского района. Облигации должны были быть распределены между бывшими владельцами. Эксплуатация концессии должна была осуществляться держателями облигаций, при этом на условиях дополнительного, сверх прибыли облигаций, процента на капитал товарищества²⁵.

Данный вариант договора был охарактеризован советскими руководящими структурами как скрытая форма «денационализации национализированного имущества»²⁶. Поэтому, не возражая против идеи концессионирования лесов Онежского района, Лесозакономическое и Концессионное Бюро «Северолеса» настаивало на «организации такого товарищества на тех же основаниях, по каким уже организованы «Руссанглолес» и «Руссголландолес»»²⁷.

Решение вопроса удовлетворения имущественных претензий к Советской России со стороны бывших владельцев национализированных предприятий также регулировалось в рамках учредительских договоров. Так, статья 18 Учредительского договора «Русснорвеголеса» предусматривала следующее условие: «участвующие в учреждении Общества фирмы отказываются от ныне имеющихся у них претензий и исков к Правительству СССР по поводу национализации заводов и прочего, ранее принадлежащего им имущества»²⁸. В статье 10 Учредительского договора «Руссанглолеса» устанавливалось, что «Северная компания настоящим обязуется, в случае и со времени регистрации Руссанглолеса, вступления последним в договоры, предусмотренные в предшествующем параграфе, и получения им вышеупомянутой концессии, соответствующей настоящему договору, освободить РСФСР и все отделы, управления, представителей и агентов от всех ныне имеющихся у нее к упомянутой Республике претензий...»²⁹. Таким образом, Советское правительство решало важнейший вопрос легализации национализированных активов и постепенно выстраивало основу для выхода из внешнеэкономической изоляции.

Механизм разработки положений концессионных договоров «Руссголландолеса», «Руссанглолеса» и «Русснорвеголеса»

Концессионные договоры регулировали вопросы, касающиеся непосредственно предмета концессии. В условиях нормативного вакуума для сдачи концессий

²⁵ ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 271. Л. 5-5 об.

²⁶ ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 271. Л. 5 об.

²⁷ ГААО. Ф. 71. Оп. 9. Д. 271. Л. 6.

²⁸ ГААО Ф. 71. Оп. 7. Д. 666а. Л. 144.

²⁹ ГААО Ф. 71. Оп. 1. Д. 196а. Л. 288 об.

в лесной отрасли 21 июля 1922 г. Советом Народных Комиссаров был утвержден «Нормальный договор о лесных концессиях» – документ, ставший своего рода шаблоном для разработки соглашений с конкретными контрагентами. Прямая ссылка на него давалась непосредственно в текстах договоров с «Руссанглолесом» и «Руссголландолесом» в части касающейся платы за концессию. В договоре же с «Русснорвеголесом» она уже отсутствовала.

К середине 1923 г., как отмечает А.И. Писаренко, «Нормальный договор о лесных концессиях» подвергся переработке (Pisarenko & Strakhov, 2004). Но, несмотря на его важную роль в юридическом оформлении лесных концессий, в научной литературе крайне мало анализируются его положения, а в некоторых работах он и вовсе не упоминается. Возможно, это связано с тем, что в открытых источниках текст или соответствующий акт утверждения «Нормального договора...» не встречаются. Авторам исследования удалось обнаружить копию текста нормального договора о лесных концессиях в Государственном Архиве Архангельской области (ГААО). Она датирована 24 июля 1923 г. и является уже переработанной версией оригинального варианта 1922 г.

В «Нормальном договоре...» фиксировались общие условия сдачи лесной концессии. Определялся предмет концессии, а именно – право эксплуатации лесной площади. Хозяйственное использование отводимого концессионеру участка или участков замыкалось на общий и частные планы лесного хозяйства, устанавливаемые в свою очередь Народным комиссариатом земледелия³⁰.

Регламентировался порядок отвода лесной площади и порядок платежей концессионера. Помимо налогов в них входили плата за древесину, плата за концессию и плата за аренду заводов³¹. Конкретный процент данных платежей в «Нормальном договоре...» не фиксировался (помимо отчисления в размере до 1 % на колонизационные мероприятия), так как их общий размер зависел от того, в каком лесничестве, даче или хозяйственной части заготовлен лес, от величины годового отпуска леса, зафиксированного в плане хозяйства, от количества, разработанного и проданного концессионером леса, от вырабатываемых сортиментов и от рыночных цен на лесоматериалы³².

В остальных параграфах устанавливались права и обязанности концессионера, последствия их нарушения, порядок прекращения концессии и ликвидации предприятия, вопросы деятельности арбитражной комиссии.

При заключении реальных концессионных договоров с иностранными группами некоторые положения «Нормального договора...» подвергались изменению, вводились в особенных редакциях. Так, при составлении проекта концессионного договора с «Русснорвеголесом», «Северолесом» были учтены указания, сделанные ГKK при СНК и Концессионном Комитете (КК) ВСНХ в отношении договоров с «Руссголландолесом» и «Руссанглолесом»³³. Отступления в формулировках от данных соглашений и упомянутого выше «Нормального договора...» обуславливались особенностью Онежской концессии. Без изменений или с небольшими редакционными правками в него вошли вступительная часть и пятнадцать параграфов «Нормального договора...». В основном они касались общих вопросов соблюдения

³⁰ ГААО Ф. 71. Оп. 9. Д. 217. Л. 170 об.

³¹ ГААО Ф. 71. Оп. 9. Д. 217. Л. 169 об.

³² ГААО Ф. 71. Оп. 9 Д. 217. Л. 169 об.

³³ ГААО Ф.71. Оп. 9. Д. 271. Л. 223.

концессионером законодательства СССР, выполнения своих обязательств по договору и т.д.

Правам принципиального характера подверглись, например, параграфы о предмете концессии. Право эксплуатации лесной площади «Русснорвеголесом» дополнилось правом на эксплуатацию Онежских заводов с их оборудованием, пароходами, баржами и сплавленными материалами³⁴. Были изменены сроки составления общего и частного планов лесного хозяйства – девять и двенадцать месяцев соответственно вместо шести по положениям «Нормального договора...»³⁵.

Параграф о платежах был принят в редакции, установленной для «Руссголландолеса» и «Руссанглолеса», но с изменениями процентов фактических отчислений за древесину и аренду заводов. Также и срок пересмотра процентов долевого отчисления был установлен в десять лет, а не пять, как в случае с «Руссголландолесом». Также было введено обязательство Правительства считаться с интересами концессионера при установлении порядка сплава³⁶. Детализировалось обязательство концессионера по постройке заводов, по обработке и переработке лесных материалов.

Таким образом, положения концессионных договоров, заключенных с «Руссголландолесом», «Руссанглолесом» и «Руссноверголесом», основывались на «Нормальном договоре о лесных концессиях» и конкретных особенностях каждой из концессий. Н.В. Курьсь отмечала, что в имеющихся к середине 1920-х гг. типовых договорах, а в случае с лесными концессиями в «Нормальном договоре...», были недостаточно проработаны некоторые важные вопросы, в частности: «в... договорах не рассматривались вопросы валютного порядка, экспорта, налогов» (Курьсь, 2003). В дальнейшем советским правительством в начале 1924 г. был запущен процесс разработки типовых договоров, как в целом, так и для лесной промышленности в частности (Levin & Sheveleva, 2016).

В докладе ГKK СНК СССР от 13 марта 1924 г. отмечалось, что «при наличии типового лесного договора и планов лесоэксплуатации и концессионирования, создается полная ясность в условиях привлечения иностранного капитала в лесную промышленность Союза»³⁷. По данным отчета о работе ГKK за 1927–1928 операционный год типовой договор на лесные концессии был утвержден именно в 1927–1928 операционном году. Но большого значения он уже не сыграл, так как концессионная практика в лесной отрасли активно сворачивалась. Советским правительством был выбран иной путь развития лесной промышленности (отказ от концессий с иностранным участием) и экспортирования лесных материалов (в 1926 г. был создан «Экспортлес»). Стоит отметить, что в исследованных нами архивных фондах соответствующих смешанных обществ не было обнаружено копий типовых договоров. Была найдена только «Схема построения типового договора о лесной концессии». Данный документ фигурировал под грифом «Секретно»³⁸. Согласно ему, структура типового договора определялась следующим образом: общие положения; общие права и обязанности концессионера; общие лесохозяйственные

³⁴ ГААО Ф.71. Оп. 9. Д. 271. Л. 223.

³⁵ ГААО Ф.71. Оп. 9. Д. 271. Л. 223 об.

³⁶ ГААО Ф.71. Оп. 9. Д. 271. Л. 222.

³⁷ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы. Москва: Современ. экономика и право, 2005 (Великолук. гор. тип.). С. 184.

³⁸ ГААО Ф 71. Оп. 9. Д. 94.

положения; объект и сущность договора; промышленное и прочее строительство; нарушение договора.

«Схема...» подразумевала альтернативные варианты компоновки положений концессионных договоров. Например, по вопросу об уплате государственных и местных налогов, сборов и пошлин предусматривалось несколько вариантов: 1) на общих основаниях с частными предприятиями; 2) на общих основаниях с государственными предприятиями. Второй вариант мог реализовываться по принципу хозрасчета или уплаты единого налога взамен всех существующих. Также подразумевался и третий вариант, заключающийся в освобождении от всех или некоторых налогов³⁹. Судя по всему, учитывался провальный опыт функционирования «Руссголландолеса», «Руссанглолес» и «Руснорвеголеса», когда платежи предприятий Советскому правительству являлись одним из факторов нерентабельности всей деятельности. Так, именно снижение и отмена платежей становились предметом торга между сторонами в последние месяцы перед продажей иностранной группой своих акций Советскому государству.

Заключение

Таким образом, в статье были выявлены характерные особенности юридического оформления концессионных отношений при организации смешанных акционерных обществ в лесной промышленности на Севере России в 1920-е гг. Главной особенностью юридического оформления концессий «Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Руснорвеголес» являлось осуществление данного процесса в условиях нормативного вакуума. Юридический каркас концессий составляли нормы формирующегося конституционного, концессионного и лесного права, которые находились на стадии формирования. Это подтверждается тем фактом, что концессионные договоры с «Руссанглолесом» и «Руссголландолесом» были утверждены до вступления в силу Лесного кодекса СССР, содержащего в себе некоторые правила заключения лесных концессий.

По этой причине условия концессионных договоров формулировались на основе положений «Нормального договора о лесных концессиях», который в свою очередь не обладал достаточной гибкостью и требовал совершенствования, которое, очевидно, запоздало и не сказалось в положительном ключе на концессионной практике в лесной отрасли. Конкретные положения и условия деятельности всех трех предприятий закреплялись в ряде документов (предварительное соглашение, учредительский договор, устав акционерного общества и концессионный договор).

References / Список литературы

- Bernshtein, I.N. (1930) *Essay on the concession law of the USSR*. Reichel, M.O. (ed.). Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ. (in Russian).
Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. М.; Л.: Госиздат, 1930. 128 с.
- Bulatov, V.V. & Novikova, M.B. (2008) Specifics of using mixed concessions in foreign trade of the USSR. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 3: Economics. Ecology.* (in Russian).

³⁹ ГААО Ф 71. Оп. 9. Д. 94. Л. 18, 18 об.

- Булатов В.В., Новикова М.Б. Специфика использования смешанных концессий во внешней торговле СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2008. № 2(13). С. 205–210.
- Bulatov, V.V. (2011) *Concession relations in the USSR: monograph*. Volgograd, VolgGU Publ. (in Russian).
- Булатов В.В. Концессионные отношения в СССР: монография. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2011. 226 с.
- Butkovsky, V.P. (1928) *Foreign concessions in the national economy of the USSR*. Moscow, Gosizdat Publ. (in Russian).
- Бутковский В. П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Госиздат, 1928. 123 с.
- Bukharin, N.I. (1988) *Selected works*. Moscow, Politizdat, Publ. (in Russian).
- Бухарин Н.И. Избранные произведения М.: Политиздат, 1988. 497 с.
- Danilchenko, S.L. (2014) Mechanism of legal regulation of concession activities in the conditions of the New Economic Policy. *Scientific Almanac*. 2(2), 212–216. (in Russian).
- Данильченко С.Л. Механизм правового регулирования деятельности концессий в условиях НЭПа // Научный альманах. 2014. № 2(2). С. 212–216.
- Ioffe, A.A. (1927) *Results and prospects of concession policy and practice of the USSR*. Planovoe khozyaistvo. (1), 75–87. (in Russian).
- Иоффе А.А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 75–87.
- Karass, A.V. (1925) Concessions in Soviet law. *Soviet law*. (2), 30–49. (in Russian).
- Карасс А.В. Концессии в Советском праве // Советское право. 1925. № 2. С. 30–49.
- Kosykh, E.S. (2016) Concession policy and its legal regulation during the NEP period. *Reports of the Bashkir University*. (1), 161–165. (in Russian).
- Косых Е.С. Концессионная политика и ее правовое регулирование в период нэпа // Доклады башкирского университета. 2016. Т.1. №1. С.161-165.
- Kosykh, E.S. (2018) *Legal aspects of Soviet concession policy in the 1920s*. Genesis: historical researches. (9), 38–44. <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2018.9.27384>. (in Russian).
- Косых Е.С. Правовые аспекты советской концессионной политики 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 9. С. 38–44. <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2018.9.27384>.
- Kurys', N.V. (2003) Concession and concession law of the period of the new economic policy (20–30s of the twentieth century). *Journal of Russian Law*. 10(82), 134–146. (in Russian).
- Курьсь Н.В. Концессия и концессионное право периода новой экономической политики (20–30-е гг. XX века) // Журнал российского права. 2003. № 10(82). С. 134–146.
- Kurys', N.V. & Tishchenko, S.G. (2011) *Concession law of the USSR: history, theory, factors of influence*. Saint Petersburg, Law Center-Press Publ. (in Russian).
- Курьсь Н.В., Тищенко С.Г. Концессионное право Союза ССР: история, теория, факторы влияния. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2011. 263 с.
- Kurys', N.V. (2012) Concession as a form of public-private partnership: comparative historical and legal characteristics. *New Law Journal*. (2). 81–86. (in Russian).
- Курьсь Н.В. Концессия как форма государственно частного партнерства: сравнительная историко-правовая характеристика // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 81–86.
- Landau, V.A. (1925) *Concession law of the USSR: With collection of existing laws on the procedure for granting concessions*. Moscow, Pravo i zhizn' Publ. (in Russian).
- Ландау В.А. Концессионное право Союза ССР. М.: Право и жизнь, 1925. 75 с.
- Levin, M. & Sheveleva, I. (2016) Foreign concessions in the Soviet Union of the 1920s: “Why split up”? *Voprosy Ekonomiki*. (1), 138–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158>. (in Russian).
- Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? Вопросы экономики. 2016. №1. С. 138–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158>.

- Lenin, V.I. (1963) *Complete works*. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат. Т. 3. 791 с.; Т. 36. 741 с.; Т. 43. 561 с.; Т. 45. 729 с.
- Lyandau, L.G. (1935) *Foreign capital in pre-revolutionary Russia and the USSR*. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ. (in Russian).
Ляндау Л.Г. Иностраннный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 59 с.
- Nemytina, M.V. & Krasnov, A.B. (2023) Concession policy of the Soviet state: implementation mechanism. *RUDN Journal of Law*. 27(2), 321–337. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-321-337> (in Russian).
Немытина М.В., Краснов А.Б. Концессионная политика Советского государства: механизм реализации // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 2. С. 321–337. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-321-337>
- Pisarenko, A.I. & Strakhov, V.V. (2004) *Timber industry in Russia: from use to management*. Moscow, Jurisprudence Publ. (in Russian).
Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. М.: Юриспруденция, 2004. 552 с.
- Smykalin, A.S. (2017) Foreign industrial concessions in the USSR in the 1920–1930s. (historical and legal aspect). *Business, management and law*. (3–4), 107–112. (in Russian).
Смыкалин А.С. Иностраннные промышленные концессии в СССР в 1920–1930-е гг. (историко-юридический аспект) // *Бизнес, менеджмент и право*. 2017. № 3–4. С. 107–112.
- Sosna, S.A. (2002) *Concession agreements: Theory and practice*. Moscow, Nestor Academic Publishers. (in Russian).
Сосна С.А. Концессионные соглашения: Теория и практика. М.: Нестор Академик Паблишерз, 2002. 251 с.
- Troshina, T.I. (2023) Foreign concessions in the Arkhangelsk province during the NEP period: the relationship between the population, local authorities and concessionaires. *Bulletin of Vologda State University. Series Historical and Philologi*. (in Russian).
Трошина Т. И. Иностраннные концессии в Архангельской губернии в период нэпа: взаимоотношение населения, местных властей и концессионеров // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2023. № 1(28). С. 39–43.
- Yudina, T.V. & Bulatov, V.V. (2013) Features of the process of transfer (return) of concessions to the state using the example of the “Lena Goldfields” concession. *Vlast*. (9), 161–164. (in Russian).
Юдина Т.В., Булатов В.В. Особенности процесса перехода (возврата) концессий к государству на примере концессии «Лена Гольдфильдс» // *Власть*. 2013. № 9. С. 161–164.
- Zagorul’ko, M.M. & Parfenov, A.E. (2006) Mixed timber concession enterprises in the north of European Russia during the NEP period. *Izvestia VSTU*. 5(22), 181–188. (in Russian).
Загорулько М.М., Парфенов А.Е. Смешанные лесные концессионные предприятия на севере европейской России в период НЭПа // *Известия ВолгГТУ*. 2006. № 5(22). С. 181–188.

Сведения об авторах:

Минчук Олег Викторович – младший научный сотрудник отдела планирования и сопровождения научных исследований, старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной безопасности Высшей школы экономики, управления и права, САФУ имени М.В. Ломоносова; 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 54, корп. 1

ORCID ID: 0000-0002-4813-7191; SPIN-код: 1746-0222

e-mail: o.minchuk@narfu.ru

Заозерский Даниил Сергеевич – научный сотрудник лаборатории биоресурсов и этнографии, ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН; 163020, Российская Федерация, г. Архангельск, Никольский пр., д. 20

ORCID ID: 0000-0002-0290-4551; SPIN-код: 6226-7967

e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru

Никифоров Алексей Сергеевич – ведущий эксперт Института стратегического развития Арктики САФУ имени М.В. Ломоносова, ассистент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка); 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

ORCID ID: 0000-0002-0636-3510; SPIN-код: 6942-4255

e-mail: a.nikiforov@narfu.ru

About the authors:

Oleg V. Minchuk – Junior Researcher of the Department of Planning and Support of Scientific Research, Senior Lecturer of the Department of Social Work and Social Security of the Higher School of Economics, Management and Law of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosova; 54, bldg. 1 Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-4813-7191; SPIN-code: 1746-0222

e-mail: o.minchuk@narfu.ru

Daniil S. Zaozerskiy – Researcher of the Laboratory of Bioresources and Ethnography, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (FECIAR UrB RAS); 20 Nikolsky lane, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0290-4551; SPIN-code: 6226-7967

e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru

Aleksey S. Nikiforov – Leading expert of the Institute for Strategic Development of the Arctic of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosova; Assistant at the Department of General History of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosova, senior lecturer of the Department of Political Sciences, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka); 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-0636-3510; SPIN-code: 6942-4255

e-mail: a.nikiforov@narfu.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-345-359>
EDN: JPUIFQ

Научная статья / Research Article

Основные механизмы имплементации кодексов корпоративной этики в деятельность транснациональных корпораций

А.С. Касаткина , А.А. Улугназаров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация
 akasatkina@hse.ru

Аннотация. Наличие у той или иной транснациональной корпорации кодексов корпоративной этики говорит о сформировавшемся общемировом стандарте этики ведения бизнеса, который является «визитной карточкой» конкретной корпорации, неким способом саморегуляции, ведущим к усилению корпоративной идентичности компании. «Репутационная составляющая» кодексов корпоративной этики заключается в демонстрации прозрачности той или иной корпорации на рынке соответствующей индустрии, что в свою очередь, способствует формированию определенного уровня доверия к компании со стороны внешних участников. Авторами рассматриваются фундаментальные вопросы, связанные с определением правовой природы кодексов корпоративной этики, через призму основных механизмов и способов имплементации кодексов в повседневную бизнес-деятельность корпораций, в частности, рассматриваются следующие вопросы: место и роль кодексов в системе локально-нормативных актов; соблюдение кодексов сотрудниками в рамках трудовой дисциплины; понуждение контрагентов при исполнении договорных обязательств следовать не только условиям контракта, но и нормам кодекса; а также кодексы корпоративной этики в качестве элемента комплаенс-системы. Последовательно решая поставленные задачи, авторы делают акцент на ключевых проблемах и тенденциях в области принятия, применения и соблюдения кодексов корпоративной этики корпорациями. В работе критически проанализирована роль кодексов корпоративной этики в регулировании трудовых и договорных правоотношений с участием корпораций, а также в рамках функционирования комплаенс-системы. Методологию исследования составили методы формальной логики, сравнительно-правовой, диалектический и системно-структурный методы.

Ключевые слова: кодексы корпоративной этики, нормы морали, деловые практики, транснациональные корпорации, трудовые правоотношения, договорные правоотношения, комплаенс-система

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Касаткина А.С.* – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; *Улугназаров А.А.* – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Благодарности. В научной работе использованы результаты проекта «Этические инструменты в механизме правотворчества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

© Касаткина А.С., Улугназаров А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 24 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Касаткина А.С., Улугназаров А.А. Основные механизмы имплементации кодексов корпоративной этики в деятельность транснациональных корпораций // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 345–359. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-345-359>

The main mechanisms for the implementation of codes of corporate ethics in the activities of multinational corporations

Aleksandra S. Kasatkina , Azizbek A. Ulugnazarov

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 akasatkina@hse.ru

Abstract. The corporate code of ethics of a transnational corporation establishes a global standard for business ethics, serving as a corporation’s “calling card” and a self-regulatory mechanism that enhances the corporate identity. The reputational aspect of corporate codes of ethics aims to demonstrate the transparency of the corporation in the relevant industry market, thereby fostering a certain level of trust from external stakeholders. This article addresses fundamental issues concerning the legal nature of corporate codes ethics. It analyses the main mechanisms and methods of implementing these codes in the daily business activities of corporations. Specifically, the following issues are examined: the position and role of codes within the framework of local regulatory acts, employees’ adherence to codes within the scope of labor discipline, incentivizing counterparties to adhere not only to contract terms but also to the code norms and incorporation of corporate codes of ethic into the compliance system. Throughout the exploration of these topics, the authors address the key challenges and trends in the adoption, application and adherence to corporate codes of ethics by corporations. The paper provides critical analysis of the role of corporate codes of ethics in regulating labor and contractual relations involving corporations, as well as within the compliance system. The research methodology is based on formal logic, comparative legal, dialectical, and system-structural methods.

Key words: corporate codes of ethics, norms of morality, business practices, multinational corporations, labor relations, contractual relations, compliance system

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors’ contribution: Kasatkina A.S. – data collection and processing, data analysis, text writing; Ulugnazarov A.A. – data collection and processing, data analysis, text writing.

Acknowledgements. The authors acknowledge the results of the project Ethical Mechanisms in the Lawmaking Process, conducted as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, which are reflected in this work.

Received: 24th April 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Kasatkina, A.S., Ulugnazarov, A.A. (2024) The main mechanisms for the implementation of codes of corporate ethics in the activities of multinational corporations. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 345–359. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-345-359>

Введение

Конец двадцатого века и начало двадцать первого внесли в бизнес-процессы компаний такой новый элемент, как этику. Нельзя сказать, что данный институт стал открытием, поскольку в той или иной форме он существовал уже на протяжении

многих веков¹. Однако в новой эпохе этика была встроена в повседневную предпринимательскую деятельность компаний иными методами и способами, которые отвечали современным тенденциям развития общества. Несмотря на классическое понимание этики как в рамках правовой науки, так и в рамках философии и социологии, мы можем наблюдать что данный институт меняется коренным образом и перенимает некоторые признаки права (Bulygin, 2009; Novgorodtsev, 1995; Smirnova & Kononov, 2021; Vix, 2009; Haidt & Bjorklund, 2008). Прежде всего следует заметить, что этика обрела определенные формы и закрепление в виде кодексов корпоративной этики (далее – кодексы корпоративной этики; этические кодексы; этические кодексы корпораций). Однако требования времени привели к тому, что этические кодексы стали не просто неким символом и некими целями, которым следует корпорация в своей работе, они стали обязательны для соблюдения. То есть компании стали использовать этические кодексы как дополнительную систему правил помимо нормативно-правовых актов, для осуществления своей деятельности. Этические кодексы можно назвать синтезом права и этики, поскольку они обладают признаками обоих рассматриваемых институтов.

Обозначенные выше факторы привели к тому, что компании и в особенности транснациональные корпорации стали сталкиваться с правовыми проблемами по внедрению и использованию этических кодексов в их повседневной бизнес-деятельности². Среди них можно выделить следующие основные тенденции имплементации этических кодексов в деятельности транснациональных корпораций: место и роль этических кодексов в системе локально-нормативных актов; соблюдение этических кодексов сотрудниками в рамках трудовой дисциплины; понуждение контрагентов при исполнении договорных обязательств следовать не только условиям контракта, но и нормам этического кодекса; а также этические кодексы в качестве элемента комплаенс-системы. Поскольку анализ этических кодексов является междисциплинарным исследованием, невозможно изучать данный институт в рамках

---

¹ Следует проводить различия между понятиями «кодекс корпоративной этики» от «кодексов профессиональной этики» (на примере функционирования конкретной индустрии). В последнее время много говорят о профессиональной этике в сфере здравоохранения, рекламе и маркетинге, автопромышленности, сфере розничной торговли – о принятии нормативных актов, содержащих этические стандарты (нравственно-этические нормы, регулирующие профессиональную деятельность указанной индустрии). Такие нормативные акты именуется следующим образом: «кодекс профессиональной этики», «этический кодекс», «кодекс чести», «декларация этических норм», «хартия профессиональных принципов» и т.п. Более подробно см.: (Berezhkova, 2012:62–64; Burkova, 2009:43–46; Glaz & Shamaeva, 2022:14–25; Malinovsky, 2008:39–44; Morozova, 2003:4–8; Finogentova & Polozkov, 2013:15–21; Yarkov, 2000:14–17).

В историческом ракурсе, в качестве примера существования универсальных моральных кодексов, можно привести своды религиозных правил (в частности, десять заповедей Ветхого Завета). Одним из первых «профессиональных этических кодексов» стала клятва Гиппократа (профессиональный этический кодекс врачей). Особый пик распространения «профессиональных этических кодексов» в Европе принято относить к периоду возникновения ремесленных цехов в XI–XII вв. Более подробно см.: (Kirillova, 1969; Levitsky, 1960; Polyansky, 1952; Stoklitskaya-Tereshkovich, 1960; Stoklitskaya-Tereshkovich, 1936; Stoklitskaya-Tereshkovich, 1951).

² В частности, практикуется создание Кодексов этик и принципов, которым должны соответствовать контрагенты и партнеры транснациональных корпораций. В качестве примера имплементации такого инструментария можно привести деятельность корпораций Adidas и Siemens. Тексты Кодексов этик и принципов, которым должны соответствовать контрагенты и партнеры международных корпораций доступны на официальных сайтах компаний: Siemens Group Code of Conduct for Suppliers and Third Party Intermediaries. Режим доступа: https://portal.siemens.com/documents/4362010/5038001/CoC_Brochure_en.pdf/18042728-abc9-033d-c373-ca74fe3e4002. (дата обращения: 01.02.2023); Adidas Code of Conduct for Suppliers. Режим доступа: <https://respect.international/adidas-code-of-conduct-for-suppliers-workplace-standards/> (дата обращения: 01.02.2023).

лишь одной области науки. Тем не менее в данной работе основной упор сделан на изучение этических кодексов именно в рамках правового поля исследования.

Соотношение этики и права

С момента зарождения права и становления государства многие теоретики и практики пытались найти некий баланс между правовым регулированием и механизмами его обеспечения через призму фактора справедливости в его содержании. Ввиду этого, рассматривая вопрос о соотношении этики и права необходимо отдельно остановиться на вопросе о соотношении права с другими социальными регуляторами, прежде всего с моралью, поскольку на сегодняшний день, мы нередко сталкиваемся с ситуациями, когда право не работает потому, что оно не соответствует неким устоявшимся морально-нравственным установкам общества. Существует огромное количество рассуждений как со стороны философов, так и со стороны правоведов о соотношении морали с правом, которые акцентируют внимание на их взаимосвязи. Так, П.И. Новгородцев, говорит о том, что: «там, где право отказывается давать какие-либо предписания, со своими велениями выступает нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением» (Novgorodtsev, 1995:103). В.С. Соловьев писал о том, что «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» (Soloviev, 1988:450–452). О. Смирнова и А. Кононов говорят о том, что «чрезмерное акцентирование внимания на особенностях формы правовой и моральной регуляции, нивелирование значения их содержания влечет за собой одностороннее понимание названных феноменов» (Smirnova & Kononov, 2021:65).

Таким образом, говоря о соотношении рассматриваемых институтов, необходимо констатировать тот факт, что безусловно, право и мораль имеют различную природу и генезис и не могут отождествляться друг с другом. Однако явно неоправданным является изоляция этих социальных явлений друг от друга. Поскольку, регулирующая система правопорядка опирается не только на нормативно-правовые акты и судебную практику, а также устоявшиеся обычаи в деловой практике³. Ссылаясь на обозначенные тезисы, мы можем отметить две системы правил для изучения: созданные путем анализа правовой сферы⁴ и созданные путем анализа этики⁵.

На основании вышеизложенного мы можем констатировать тот факт, что обществу для благоприятного и безопасного существования нужно опираться на этику и право одновременно, во взаимосвязи. Данные системы обладают разным инструментарием для поддержания порядка, хотя у них есть и достаточное количество одинаковых качеств. Но в тоже время, каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Анализируя все вышеуказанные тезисы, мы можем сделать вывод, что правовая и этическая системы имеют общие корни на уровне первоначальных понятий⁶.

³ Более подробно о соотношении права и морали, права и этики – см.: (Bogdanova, 2016:3–5; Lang, 2021:172–180; Lukyanova, 2004; Kamm, 2006:48–78; Singer, 2005:346–349).

⁴ Данные правила имеют корни из разноуровневых нормативно-правовых актов.

⁵ Данная система относится к установкам, которые имеют общепринятый характер и их можно встретить в культурных и религиозных взглядах людей. К примеру, таковыми нормами морали являются честность, разумность, добропорядочность и справедливость.

⁶ Более подробно о теоретических подходах соотношения права и морали см.: (Vinogradov & Larichev, 2022:8–11). Как справедливо отмечают авторы, безусловно, право и мораль, имеют различную природу

Правовая природа этического кодекса

На сегодняшний день вопрос о правовой природе кодексов корпоративной этики остается довольно открытым и дискуссионным для российской юридической и деловой практики. Потенциал рассматриваемого инструмента регулирования не полностью раскрыт. В частности, данный факт обусловлен довольно широкой сферой применения данного инструментария, для регулирования целого круга общественных отношений, среди которых можно выделить следующие: трудовые и договорные; защита прав человека; требования по соблюдению местного законодательства; стандарты качества товаров и услуг; охрана окружающей среды; вопросы комплаенса и др.

Современные реалии говорят нам о том, что круг объектов регулирования этических кодексов охватывает огромный массив всевозможных отношений в деятельности транснациональных корпораций. В 2004 г. в одном из фундаментальных исследований М. Каптейна было проанализировано более 200 крупнейших компаний мира. Согласно проведенному исследованию более половины корпораций имели кодексы корпоративной этики со следующим содержательным контентом: в 67 % кодексах корпоративной этики содержались стандарты качества товаров и услуг; в 57% содержались требования по соблюдению местного законодательства; в 56 % содержали требования по охране окружающей среды; кроме того, во многих кодексах содержались требования к прозрачности – 55 %, честности – 50 % и справедливости – 45 %, ведения дел корпорации. Ряд кодексов содержал положения об основных корпоративных ценностях: командной работе (43%), этическом поведении среди работников (запрет дискриминации (44 %)), ментального насилия (43 %). Многие кодексы содержали нормы о конфликте интересов (52 %), коррупции (46 %) и мошенничестве (45 %). В 52 % кодексов предусмотрены процедурные положения по осуществлению контроля за соблюдением законодательных и этических норм (Kartein, 2013:16).

Как правило, этические кодексы содержат в себе некие ценности, принципы, моральные стандарты, а также правила поведения, которые выступают в качестве руководства к принятию решений, ведению переговоров и других форм деятельности корпораций, основанных на уважении прав всех участников. В науке разработано множество различных классификаций и подходов по выделению тех или иных групп этических кодексов (Davoine & Nakhle, 2012:417). В целях настоящего исследования мы рассмотрим следующий подход к классификации этических кодексов корпораций:

корпоративные (этические кодексы, отвечающие за предпринимательское управление внутри страны; этические кодексы, отвечающие за взаимоотношения в транснациональных корпорациях)⁷;

профессиональные.

и генезис и не могут отождествляться как единое целое. Однако явно неконструктивной является искусственная изоляция этих социальных явлений, которая не соотносится с единой основой и общностью тех целей, которым подчинено их существование.

⁷ Ряд исследователей разделяют кодексы этики и кодексы поведения. По их мнению, кодексы поведения направлены исключительно на регулирование внутренних отношений корпорации, тогда как этические кодексы регулируют только внешние отношения компании. Однако, анализ практики говорит о том, что корпорации не всегда придерживаются такого подхода для описания круга отношений, которые будут регулироваться в кодексе. Более подробно см.: (Zakaria, Garanca & Sobehi, 2012:230).

Следует проводить различия между понятиями «кодекс корпоративной этики» от «кодексов профессиональной этики» (на примере функционирования конкретной индустрии)⁸.

В последние годы идет много разговоров о профессиональной этике с сфере здравоохранения, рекламы, автопромышленности, о принятии нормативных актов, содержащих этические стандарты (нравственно-этические нормы, регулирующие профессиональную деятельность). Р. Льюис придерживался мнения, что с каждым днем зависимость конкуренции компании от мнения потребителя стала приобретать все большую и большую силу (Lewis, 1999). С целью балансировки созависимых условий корпорации все чаще и чаще стали прибегать к созданию этических кодексов, которые показывают потребителю о их схожести с моралью. Это и послужило основным толчком к тому, что этика начала вбирать в себя черты права, а сам этический кодекс начал создаваться по пандектной системе⁹.

Структурно этические кодексы корпораций можно разделить на две части: «общую» и «специальную». В частности, такие корпорации, как «Уралсиб Жизнь»¹⁰, GlaxoSmithKline¹¹ и др. придерживаются именно данной системы структурирования этических кодексов¹². Как правило, в «общую часть» кодексов включаются основные идеи и принципы деятельности корпораций, а далее описываются сами стандарты поведения сотрудников. Корпоративный этический кодекс корпорации, имеющий транснациональный охват, в большинстве случаев составляется именно по пандектной системе, поэтому их структура часто однотипична. Конечно, могут быть прописаны разные ценности в зависимости от деятельности корпорации, но система и структура кодексов остается неизменной.

Говоря об анализе российского опыта имплементации этических кодексов корпораций в повседневную бизнес-деятельность, видится, что отправной точкой должно выступать трудовое законодательство, поскольку именно данная отрасль права занимается вопросами взаимоотношений среди сотрудников компании. К сожалению, на сегодняшний день, мы не сможем найти в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ)¹³ и в иных локально-нормативных актах, такие определения как: «этический кодекс» и «кодекс делового поведения». Кроме того, в ТК РФ нет соответствующих статей и пунктов, связанных с нарушением нормативных правил по деловому поведению, если это не относится к трудовым обязанностям сотрудников.

В сравнении, в США написание корпоративного и трудового законодательства производится путем анализа судебных прецедентов, законов федерального

⁸ Можно встретить следующие формулировки: «кодекс профессиональной этики», «этический кодекс», «кодекс чести», «декларация этических норм», «хартия профессиональных принципов» и т.п. Более подробно см.: (Burkova, 2009:43–46; Malinovsky, 2008:39–44; Morozova, 2003:4–8; Finogentova & Polozkov, 2013:15–21; Yarkov, 2000:14–17; Davis, 2003:54).

⁹ Пандектная система – один из способов систематизации норм, сложившийся в мировой практике, заключающийся в том, что нормы делятся на общую и особенную части. Более подробно о пандектной системе изложения норм, см.: (Pimenova, 2020).

¹⁰ Кодекс корпоративной этики АО «УРАЛСИБ Жизнь». Режим доступа: <https://uralsib-life.ru/kompaniya/korpr-etika> (дата обращения: 01.02.2023).

¹¹ Кодекс поведения GlaxoSmithKline. Режим доступа: <https://www.gsk.com/media/2879/russian-code-of-conduct.pdf>. (дата обращения: 01.02.2023).

¹² Более подробно о содержании этических кодексов транснациональных корпораций см.: (Kasatkina & Ruderman, 2022:131-139).

¹³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

характера и законов штата. В каждом штате действует свой Трудовой кодекс (далее – ТК), единый ТК для всей страны отсутствует. Но в системе права США есть документ, под названием «*handbook guide*» (Руководство). В нем описывается режим работы сотрудников, порядок выплат зарплаты и их сроки, премии, стажировки для каждой из профессий, перевод на другую специальность, обучение и повышение по должности, оценивание работы сотрудников и этика компании. Каждый из работников в обязательном порядке должен ознакомиться и расписаться в данном документе, показывая, что он согласен с данными правилами¹⁴.

Таким образом, говоря о правовой природе этических кодексов корпораций, следует говорить о том, что, прежде всего они являются «мягким» инструментом регулирования. Наличие такого «мягкого» инструмента управления индустрии говорит о приверженности бизнеса нормам добросовестного ведения дел. За последние годы во многих зарубежных странах этот широко распространенный инструмент корпоративного управления получил соответствующий резонанс и в российской деловой практике. На данном этапе становления и развития этики ведения бизнеса, мы наблюдаем активную тенденцию по систематизации и унификации данной проблемы на уровне ряда авторитетнейших международных корпораций различных индустрий, поскольку чтобы правила этики ведения бизнеса были имплементированы в повседневную жизнь предпринимателей, необходимо учитывать и специфику самого бизнеса, специфику рынка соответствующей индустрии.

Проблемы применения этических кодексов в рамках трудовых отношений

Как было отмечено ранее, говоря об анализе российского опыта имплементации этических кодексов корпораций в повседневную бизнес-деятельность, видится, что отправной точкой в анализе правовой природы этического кодекса должно выступать именно трудовое законодательство. Одним из центральных вопросов в трудовых отношениях между работником и работодателем выступает вопрос о механизме привлечения к дисциплинарной ответственности членов корпорации при игнорировании и несоблюдении норм локальных нормативных актов, в числе которых могут выступать и кодексы корпоративной этики¹⁵. Анализ российской судебной практики, также придерживается схожего подхода по отношению к месту и роли этического кодекса, если он является локально-нормативным актом корпорации, то все прописанные в нем правила обязательны для соблюдения его сотрудниками¹⁶.

¹⁴ Брославский Л. Трудовое право США: особенности защиты прав работников // Адвокатская газета. 2021. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/trudovoe-pravo-ssha-osobennosti-zashchity-prav-rabotnikov>. (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁵ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 сентября 2016 г. № 14-2/В-888 «О применении работодателем дисциплинарных взысканий при неисполнении или ненадлежащем исполнении работником своих обязанностей». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71402296/>. (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁶ Апелляционное определение судебной коллегией по гражданским делам Ростовского областного суда от 21 января 2016 г. по делу № 33-832/2016 // СПС «Гарант»; Апелляционное определение судебной коллегией по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 28 января 2014 г. по делу № 33-270/2014 // СПС «Гарант»; Определение Московского городского суда от 25 ноября 2016 г. № 4г-12644/16 // СПС «Гарант»; Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 17 сентября 2014 г. по делу № 33-5647/2014 // СПС «Гарант»; Решение № 2-1329/2016 2-1329/2016-М-1307/2016 М-1307/2016 от 30 ноября 2016 г. по делу № 2-1329/2016 // СПС «Гарант».

В сравнении с Россией в США ситуация, связанная с увольнением сотрудника за нарушение этического кодекса, обстоит иначе. Если в Российской Федерации увольнение в результате нарушения норм этического кодекса является скорее исключением, чем правилом, то в странах США данная практика носит более жесткий характер. Так, в 2020 году в США и странах Западной Европы произошел ряд резонансных скандалов и увольнений, связанных с публичными высказываниями сотрудников компании. Общественное давление в таких случаях было чрезмерно сильным, что могло повлечь большие репутационные риски для компании в случае неувольнения сотрудника за его высказывания. Например, компания Red Bull сменило руководство бизнеса на фоне разногласий в компании относительно движения Black Lives Matters¹⁷.

Необходимо отдельно отметить, что именно на примере таких резонансных дел следует особое внимание уделять вопросу толкования норм кодексов этики транснациональных корпораций, которые вырабатывают и выстраивают соответствующую практику применения. В силу того, что нормы этики зачастую крайне широки для толкования, то с первого взгляда затруднительно понять в каких случаях и за какие действия будут нарушаться соответствующие нормы этического кодекса. Таким образом, это нарушает принцип единообразия применения норм этического кодекса, что приводит к проблеме, при которой корпорациям необходимо более тщательнее прописывать подобные ситуации, а также проводить соответствующие тренинги для сотрудников корпораций и выпускать различные визуально оформленные наборы правил поведения. Целесообразность и необходимость таких действий заключается в точном определении справедливости увольнения сотрудника за нарушение норм этического кодекса той или иной корпорации. В силу общеизвестного юридического принципа «незнание закона не освобождает от ответственности», сотрудники корпораций должны нести соответствующую ответственность в случаях нарушения норм кодексов этики, однако при отсутствии четкого толкования применения той или иной нормы кодекса ситуация должна трактоваться в пользу сотрудника.

Отдельного внимания заслуживает анализ понятия «репутационная составляющая» кодекса (публичное представление транспарентности компании), включающее в себя следующие ключевые бизнес-процессы корпорации: политика отношения организации к клиентам, поставщикам, подрядчикам и другим лицам. Именно «репутационная составляющая» кодекса формирует доверие к компании у вышестоящих лиц и общественности в целом. Таким образом, наличие кодекса корпоративной этики в той или иной корпорации оказывает соответствующий положительный эффект на имидж компании в целом, деятельность которой опирается на определенные стандарты и принципы этики ведения бизнеса на рынке той или иной индустрии. В силу прозрачности деятельности корпораций снижаются риски нарушения тех или иных норм кодексов этики, в следствии чего мы наблюдаем тенденцию, что этические кодексы все чаще выступают в качестве общепризнанного стандарта ведения бизнеса как на национальном, так и на международном уровнях.

Разработка, внедрение и соблюдение этических кодексов

На сегодняшний день четко прослеживается тенденция имплементации этических кодексов в деятельности практически всех корпораций, которые

¹⁷ Red Bull сменила руководство бизнеса в США из-за реакции на Black Lives. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4417358>. (дата обращения: 01.02.2023).

позиционируют их наличие как обязательный инструмент для исполнения и применения. Более того, как было отмечено ранее, транснациональные корпорации занимаются разработкой мировых этических стандартов на примере работы соответствующих индустрий¹⁸.

К определенному моменту наличие этического кодекса в корпорации стало существенным критерием для того, чтобы комплаенс система компании являлась полноценной. Такой вывод был сделан исходя из того, что некоторые транснациональные акты, в частности Закон о коррупции за рубежом (федеральный закон Соединенных Штатов Америки о борьбе с коррупцией в международной деятельности)¹⁹ и Закон Великобритании о взяточничестве²⁰ содержат положения, позволяющие снизить размер штрафа. Для более подробного понимания стоит обратиться к кейсу АО «Вымпелком», согласно которому изначально назначенный штраф был примерно равен 1,5 миллиарда долларов, но позднее был изменен на меньший объем – 850 миллионов долларов. Решение относительно изменения штрафа было принято в связи с тем, что компания пообещала соблюдать условия, в которые входило создание собственной комплаенс-системы, которая будет включать этический кодекс корпорации²¹.

Говоря об основных этапах разработки и внедрения этических кодексов в корпорациях, следует выделить следующие основные этапы: диагностика; формулирование целей программы создания; разработка концепции; обсуждение и корректировка; внедрение.

Диагностика. На данном этапе разработки и внедрения этических кодексов в корпорациях, производится детальный анализ конфликтов интересов сторон в прошлом, которые могли не соответствовать и не следовать основным принципам и стандартам этики ведения бизнеса в данной корпорации.

Формулирование целей программы создания. Нахождение и согласование ключевых отправных точек этики ведения бизнеса конкретной корпорации, требующих официального форматирования, в силу которых возможно прогнозирование замедленных бизнес-процессов деятельности корпорации, в том числе недопонимание ее определенных сфер.

Разработка концепции. Данный этап предполагает выстраивание руководством корпорации идеальной модели сотрудника, его деятельности, поведения. Не менее важным является проработка аспектов поведения сотрудников корпорации в критических ситуациях, таких как конфликт с другими сотрудниками, а также его методы выхода из подобных ситуаций. Подобное приводит к тому, что руководители уже

¹⁸ В частности, в области маркетинга и рекламы – кодекс Международной торговой палаты (далее – МТП) по рекламе и маркетинговым коммуникациям. Маркетинговый кодекс МТП направлен на защиту потребителей, четко излагая «что можно и чего нельзя делать» в отношении ответственного маркетинга, чтобы обеспечить законные, честные, порядочные и правдивые коммуникации и практики внутри своей индустрии. Кодекс устанавливает стандарты этического поведения, которым должны следовать все участники рынка, будь то маркетологи или рекламодатели, специалисты по рекламе или рекламные агентства или средства массовой информации. С текстом Кодекса рекламы и маркетинговых коммуникаций МТП можно ознакомиться на официальном сайте. Режим доступа: http://www.iccwbo.ru/upload/medialibrary/Marketing%20_code_2018.pdf. (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁹ The Foreign Corrupt Practices Act (FCPA). Режим доступа: <https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-91/STATUTE-91-Pg1494.pdf>. (дата обращения: 01.02.2023).

²⁰ United Kingdom Bribery Act (УКБА). Режим доступа: <https://www.justice.gov.uk/downloads/legislation/bribery-act-2010-guidance.pdf>. (дата обращения: 01.02.2023).

²¹ Более подробно см.: Режим доступа: <https://www.justice.gov/opa/pr/mobile-telesystems-pjsc-and-its-uzbek-subsidiary-enter-resolutions-850-million-department>. (дата обращения: 01.02.2023).

способны самостоятельно предположить вероятное соблюдение кодекса (Reznik, Chernikovskaya & Chemezov, 2013).

После того как руководящие позиции сложат свои представления о кодексе, работа над ним переходит к отделу по человеческим ресурсам. Они должны составить структуру и постараться проработать представления о кодексе не только от руководящих должностей, но и от регулярных сотрудников всех уровней должностей. Для выполнения данной задачи необходимо обнаружить проблемы, возникающие в повседневной деятельности компании на профессионально-этической почве. Следующим шагом становится выявление решения для данных конфликтов, а также обсуждение возможных паттернов поведения сотрудников и их соотнесение с критерием правильности. Таким образом, становится возможным обнаружение некоторых негласных договоренностей внутри компании, сформировавшихся до проведенного анализа. При разработке этического кодекса необходимо быть уверенными в проработанности каждого направления, требующего контроля со стороны кодекса и компании соответственно, даже если это касается внешнего вида сотрудников или нормативных правил коммуникации с конкурентами (Gilley, Robertson & Mazur, 2010:31–37).

Обсуждение и корректировка. Теперь кодекс переходит к сотрудникам компании, которые должны будут обсудить составленный документ и дать объективную обратную связь, которая будет учтена руководством. Далее кодекс возвращается для корректировки согласно полученной критике от сотрудников.

Внедрение. Данный этап состоит из нескольких элементов: ознакомление сотрудников с доработанным вариантом кодекса и его дальнейшее продвижение в массы; этап обучения сотрудников по правилам пользования кодексом, а также возможность для сотрудников задать вопросы касательно кодекса для лучшего понимания; анализ поведения сотрудников об исполнении принятого ими кодекса; реакция сотрудников и руководителей на нарушения установленных кодексом норм (Reznik, Chernikovskaya & Chemezov, 2013).

Кодекс окончательно принимается главой корпорации. Подобный акт свидетельствует о безусловном исполнении установленных правил даже самой верхушкой организации, так как, начав с себя, глава корпорации может регулировать поведение своих подчиненных. После принятия кодекса любая информация, требующая внесения в сам кодекс, будет оформлена как соответствующее приложение к нему (Evchenko, 2010).

Проблемы применения этических кодексов в рамках договорных правоотношений

Для определения места и роли этических кодексов в правоотношениях с контрагентами следует обратиться к договорному праву. В контексте настоящего исследования, анализируя практику применения этических кодексов в рамках договорных правоотношений, следует обратиться к базовым принципам договорного права: первый принцип – договоры требуют своего соблюдения; второй – свобода договора. Первый принцип говорит об отношении участников договора к своему типу взаимодействия, сформировавшегося у них как итог некой предпринимательской деятельности. Как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, это, в своем роде, выражается в том, что контрагенты, вошедшие в договорные отношения, обязаны исполнять исходящие из договора обязательства. Помимо этого, они вправе требовать тоже самое

от остальных участников правоотношений, сформировавшихся в ходе существования данного договора (Karapetov, 2009:100–133). Таким образом, мы наблюдаем следующую ситуацию, что, если обе стороны, заключившие договор, включают соответствующий пункт о том, что при исполнении обязательств сторонам следует следовать нормам этического кодекса одного из контрагентов или, если каждый из контрагентов будет стремиться соблюдать собственный этический кодекс, то данный пункт будет соблюдаться в обязательном порядке. Описанный принцип кроме непосредственного влияния на отношения самих участников договора, также имеет некоторый вес среди государственных органов. То есть, в случае отказа от исполнения или нарушения какого-либо из пунктов договора, принятие решения относительно нарушившей стороны возлагается на суд (Kötz & Flessner, 1998:7–9).

Второй принцип, гласящий о правиле свободе договора, имеет не менее высокую важность. Поскольку благодаря этому принципу стороны, участвующие в договоре способны свободно выражать свои позиции, и если какая-либо из сторон договора считает необходимым соблюдение этических стандартов не только от собственного лица, но и стремится взаимодействовать со сторонами, которые имеют такой же взгляд относительно этических стандартов, то первые могут осуществить свое стремление с помощью прописывания данного пункта в договоре или неопределенного множества пунктов о соблюдении этического кодекса (Karapetov, 2009:100–133).

Свобода договора существует и является актуальной как в системе общего права, так и в системе романо-германского права (Reimann, 1990:848–849). Исходя из того, что мы предполагаем, что пункт или пункты о необходимости соблюдения этических норм при исполнении обязательств по договору возможен, то, следовательно, он становится обязательным к исполнению. Отсюда появляется главная проблема, обсуждаемая в данном разделе – как безошибочно определить, был ли нарушен этот пункт договора или нет. Для упрощения можно заявить, что зафиксировать случай нарушения остальных условий договора осуществляется более простым образом. Приводя пример можно упомянуть ситуацию купли-продажи товара или услуги по договору. Здесь довольно просто сделать вывод о факте нарушения данного пункта: если оплата поступила, значит договор не был нарушен; при обратной ситуации – договор был нарушен. Также в качестве примера можно привести процесс поставки товара: если товар был получен, то условие договора было соблюдено. Однако нельзя забывать об этическом кодексе, ведь при соблюдении условий контракта все еще можно нарушить этические нормы. Данные вопрос все же остается еще острым и дискуссионным и по сей день.

Заключение

Подытоживая изложенное выше, стоит отметить, что на сегодняшний день, кодексы корпоративной этики корпораций представляют собой некий ретранслятор текущего состояния взаимоотношений между обществом, бизнесом и государством на рынках различных индустрий. По своей сути этические кодексы транснациональных корпораций стали неким синтезом между этикой и правом: с одной стороны, этические кодексы являются закрепленным воплощением этических норм; с другой стороны, корпорации стали все чаще использовать данный инструмент в качестве локального нормативного акта, что привело к тому, что по своей сути инструмент мягкого права де факто становится инструментом жесткого права. В результате всех вышеописанных в исследовании факторов возможно выдвинуть гипотезу о том, что

в этических кодексах все меньше остается от этики и, по сути, данный институт становится именно правовым инструментарием.

Этические кодексы корпораций – это новый шаг в дальнейшем развитии и систематизации корпоративного законодательства. Анализ кодексов корпоративной этики различных индустрий, говорит о довольно высоком уровне юридической техники, которые все чаще и чаще имплементируются в деятельность различных корпораций, показывая соответствие таких актов нормам и принципам международного права, а главное – являются исключительно инклюзивными в силу простоты восприятия. Таким образом, можно и следует говорить о том, что в силу широко распространения и применения норм кодексов этики в сфере различных индустрий они выступают в качестве устойчивых стандартов этики ведения бизнеса. В частности, практикуется создание Кодексов этик и принципов, которым должны соответствовать контрагенты и партнеры транснациональных корпораций. В качестве примера имплементации такого инструментария можно привести деятельность корпораций Adidas и Siemens. Согласно положениям указанных кодексов компании требуют от всех лиц, которые вовлечены в цепочку производства продукции, строгого соблюдения экологических стандартов или запрет на использование нелегального детского труда.

Современными российскими юристами важность этических принципов и стандартов в деятельности корпораций совершенно недооценена. Ведь именно посредством кодексов корпоративной этики происходит непосредственное воздействие на такие объекты партнерских отношений, как устойчивость бизнес-отношений и добросовестность ведения дел. Заключенный договор между сторонами еще не говорит нам об исполнении обязательств между сторонами, ведь именно через этические кодексы корпораций происходит воздействие на тех или иных субъектов правоотношений там и тогда, когда последние, имея возможность формально обойти положения закона или договора все-таки предпочитают действовать добросовестно.

References / Список литературы

- Berezhkova, N.F. (2012) The role of ethical norms in the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Administrative law and process*. (8), 62–64. (in Russian).
Бережкова Н.Ф. Роль этических норм в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // *Административное право и процесс*. 2012. № 8. С. 62–64.
- Bix, B. (2009) On philosophy in American law: analytical legal philosophy. In: Mootz, F. (ed.). *On philosophy in American law*. Cambridge, University Press. pp. 99–105.
- Bogdanova, E.S. (2016) Correlation of norms of law and morality. *Legal sciences: problems and prospects: Materials of the IV International Scientific Conference*. Kazan? Buk Publ. (in Russian).
Богданова Е.С. Соотношение норм права и нравственности // *Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф.* Казань: Бук, 2016. 294 с.
- Bulygin, E.V. (2009) Alexi's thesis on the necessary connection between law and morality. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. (2), 3–41. (in Russian).
Булыгин Е.В. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // *Российский ежегодник теории права*. 2009. № 2. С. 3–41.
- Burkova, A. (2009) Ethical standards of behavior in the banking sector: England, Sweden, Russia. *Banking Law*. (1), 43–46. (in Russian).
Буркова А. Этические нормы поведения в банковском секторе: Англия, Швеция, Россия // *Банковское право*. 2009. № 1. С. 43–46.
- Davis, M. (2003) What can we learn by looking for the first code of professional ethics? *Theoretical medicine and bioethics*. (23), 433–454. <https://doi.org/10.1023/b:meta.0000006831.28435.38>

- Davoine, E. & Nakhle, S. (2012) Transferring codes of conduct within a multinational firm: The case of Lebanon. *Academy of Management Proceedings*. 2012(1), 10891. <https://doi.org/10.5465/ambpp.2012.10891abstract>
- Finogentova, O.E. & Polozkov, E.V. (2013) System of ethical codes in modern Russia. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. (9), 15–21. (in Russian).
Финогентова О.Е., Полозков Е.В. Система этических кодексов в современной России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 15–21.
- Gilley, K.M., Robertson, C.J. & Mazur, T.C. (2010) The bottom-line benefits of ethics code commitment. *Business Horizons*. 53(1), 31–37. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.08.005>
- Glaz, R.A. & Shamaeva, E.F. (2022) Development of a universal model of the code of professional ethics for organizations in the field of Internet marketing. *Bulletin of the University*. (2), 14–25. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-2-14-25> (in Russian).
Глаз Р.А., Шамаева Е.Ф. Разработка универсальной модели кодекса профессиональной этики для организаций в сфере интернет-маркетинга // Вестник университета. 2022. № 2. С. 14–25. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-2-14-25>
- Haidt, J. & Bjorklund, F. (2008) Social intuitionists answer six questions about moral psychology. In: Sinnott-Armstrong, W. (ed.). *Moral psychology*. Vol. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity. Cambridge, MIT Press. pp. 181–217.
- Evchenko, O.S. (2010) Corporate Code as a tool of moral and ethical regulation. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. (4), 37–46. (in Russian).
Евченко О.С. Корпоративный кодекс как инструмент нравственно-этического регулирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 37–46.
- Kamm, F.M. (2006) *Intricate Ethics: Rights, Responsibilities, and Permissible Harm*. New York, US, Oxford University Press USA.
- Kaptein, M. (2013) Business Codes of Multinational Firms: What Do They Say?. In: Michalos, A. & Poff, D. (eds.). *Citation Classics from the Journal of Business Ethics. Advances in Business Ethics Research*. Vol 2. Springer, Dordrecht. pp 525–547. https://doi.org/10.1007/978-94-007-4126-3_27
- Kasatkina, A.S. & Ruderman, I.F. (2022) Codes of Corporate Ethics of multinational companies: Comparative legal analysis. *Russian Law Journal*. (5(146)), 131–139. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_131 (in Russian).
Касаткина А.С., Рудерман И.Ф. Кодексы корпоративной этики транснациональных компаний: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2022. № 5(146). С. 131–139. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_131
- Karapetov, A.G. (2009) Freedom of contract and the limits of imperative norms of civil law. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. (11), 100–133. (in Russian).
Карпетов А.Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 100–133.
- Kirilova, A.A. (1969) Apprenticeship in trade and craft guilds of English cities of the XIV–XV centuries. In: *Middle Ages: collection*. (32), Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. pp. 183–193. (in Russian).
Кириллова А.А. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV–XV вв. // Средние Века: сборник. М.: АН СССР 1969. Вып. 32. С. 183–193.
- Kötz, H. & Flessner, A. (1998) *European Contract Law*. Oxford, Clarendon Press.
- Lang, P.P. (2021) Correlation and interaction of law and morality in the regulation of public relations. *Issues of Russian and international law*. 11(2), 172–180. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.71.85.023> (in Russian).
Ланг П.П. Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2. С. 172–180. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.71.85.023>

- Levitsky, Y.A. (1960) *Cities and urban craft in England in the X–XII centuries*. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 304 с.
- Lukyanova, N.G. (2004) *Morality and law as normative and value regulators of human behavior: socio-philosophical analysis. Dis. of Candidate of Philosophical Sciences*. Ryatigorsk. (in Russian).
Лукьянова Н.Г. Нравственность и право как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2004. 197 с.
- Lewis, R.D. (1999) *Business cultures in international business. From collision to mutual understanding*. Transl. from English Nestik, T.A. Moscow: Delo Publ. (in Russian).
Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. Т.А. Нестика. М.: Дело, 1999. 439 с.
- Malinovsky, A.A. (2008) Code of Professional Ethics: concept and legal significance. *Journal of Russian Law*. (4), 39–44. (in Russian).
Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39–44.
- Morozova, O.G. (2003) The Code of professional ethics of a lawyer. *Lawyer's practice*. (1), 4–8. (in Russian).
Морозова О.Г. Кодекс профессиональной этики адвоката // Адвокатская практика. 2003. № 1. С. 4–8.
- Novgorodtsev, P.I. (1995) Law and morality. *Pravovedenie*. (6), 103–113. (in Russian).
Новгородцев П.И. Право и нравственность. Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113.
- Pimenova, P.D. (2020) Institutional and pandect principle of presentation of norms of civil law. *Colloquium-journal*. 8(60), 168–170. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11569> (in Russian).
Пименова П.Д. Институционный и пандектный принцип изложения норм гражданского права // Colloquium-journal. 2020. № 8(60). С. 168–170. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11569>
- Polyansky, F.Y. (1952) *Essays on the socio-economic policy of workshops in the cities of Western Europe of the XIII–XV centuries*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 275 с.
- Reznik, S.D., Chernikovskaya, M.V. & Chemezov, I.S. (2013) *Change management: textbook*. Penza, PGUAS Publ. (in Russian).
Управление изменениями: учебник / С.Д. Резник, М.В. Черниковская, И.С. Чемезов. Пенза: ПГУАС, 2013. 384 с.
- Reimann, M. (1990) Nineteenth Century German Legal Science. *Boston College Law Review*. 31(4), 837–897.
- Singer, P. (2005) Ethics and Intuitions. *The Journal of Ethics*. 9(3–4), 331–352. <https://doi.org/10.1007/s10892-005-3508-y>
- Smirnova, O.V. & Kononov, A.A. (2021) Differentiation of law and morality in legal positivism: socio-philosophical aspect. *Humanitarian Vector*. 16(15), 59–68. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-59-68> (in Russian).
Смирнова О.В., Кононов А.А. Разграничение права и морали в правовом позитивизме: социально-философский аспект // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 15. С. 59–68. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-59-68>
- Soloviev, V.S. (1988) Justification of the Good. In: *Essays*. Moscow, Mysl Publ. (in Russian).
Соловьев В.С. Оправдание добра. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. 899 с.
- Stoklitskaya-Tereshkovich, V.V. (1960) *The main problems of the history of the medieval city of the X–XV centuries*. In 2 vols. Moscow, Sotsekgiz Publ. (in Russian).
Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Соцэргиз, 1960. 349 с.

- Stoklitskaya-Tereshkovich, V.V. (1936) *Essays on the social history of the German city in the XIV–XV centuries*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 343 с.
- Stoklitskaya-Tereshkovich, V.V. (1951) The problem of the diversity of the medieval workshop in the West and in Russia. *The Middle Ages*. (III), 74–102. (in Russian).
Стоклицкая-Терешкович В.В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // Средние века. 1951. Вып. III. С. 74–102.
- Vinogradov, V.A. & Larichev, A.A. (2022) The index of ethics of law as an applied tool for assessing the relationship between law and morality. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (5), 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.4.23> (in Russian).
Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.4.23>
- Yarkov, V.V. (2000) Professional ethics in the activities of notaries. *Bulletin of notary practice*. (3), 14–17. (in Russian).
Ярков В.В. Профессиональная этика в деятельности нотариусов // Бюллетень нотариальной практики. 2000. № 3. С. 14–17.
- Zakaria, M., Garanča, Z., & Sobeih, A. (2012) Cultural and legal challenges in implementing code of conduct in supply chain management of mobile phone industries: Sony Ericsson case study. *Social Responsibility Journal*. 8(2), 227–241. <https://doi.org/10.1108/17471111211234851>

Сведения об авторах:

Касаткина Александра Сергеевна – кандидат юридических наук, заместитель декана по учебной работе, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0003-4215-2419; SPIN-код: 2331-9238

e-mail: akasatkina@hse.ru

Улугназаров Азизбек Аъзамович – консультант аудиторско-консалтинговой фирмы Кэпт; 129110, Российская Федерация, г. Москва, Олимпийский пр-кт, д. 16 стр. 5

e-mail: ulugnazarovaziz@gmail.com

About the authors:

Aleksandra S. Kasatkina – Candidate of Legal Sciences, Deputy Dean for Academic Affairs, Associate Professor of Business Law Department, Faculty of Law, Higher School of Economics; 3, Bolshoy Trekhsvyatitsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4215-2419; SPIN-code: 2331-9238

e-mail: akasatkina@hse.ru

Azizbek A. Ulugnazarov – Consultant of the Kept audit and consulting firm, Knowledge, Performance, Excellence and Technology; 16 Olympic prospect, Moscow, 109028, Russian Federation

e-mail: ulugnazarovaziz@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-360-377>
EDN: JTNRVL

Научная статья / Research Article

Социальные исследования Эмиля Дюркгейма в контексте правозащитной деятельности

П.А. Кучеренко, Ф.К. Назаршоев ✉

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
✉ 1142220440@rudn.ru

Аннотация. Проведен анализ базовых категорий теории Эмиля Дюркгейма, на предложенной им методологии социальных исследований и на феномене правозащитной деятельности. В частности, исследуются такие категории, как «социальный факт», «солидарность», «коллективное сознание», «аномия». Рассмотренные категории анализируются в контексте правозащитной деятельности. Отличительной чертой исследования является междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать результаты социологических исследований в юриспруденцию. Проанализирован ряд работ французского социолога и философа Эмиля Дюркгейма, релевантных работ иных философов, а также труды современных российских ученых-юристов в рассматриваемом контексте. В связи с востребованностью в российской и мировой юридической науке работ по правозащитной тематике авторы приходят к выводу, что комплексное понимание природы отдельных прав, правонарушений способствует более качественной, глубокой, системной их защите не только в «реакционном» смысле, но и позволяет реализовать превентивную функцию правозащитной деятельности. В этой связи полученные социолого-юридические знания представляются актуальными, востребованными и могут быть использованы в дальнейших доктринальных разработках.

Ключевые слова: феномен правозащиты, методология социальных исследований, коллективное сознание, социальные факты, солидарность, аномия, категории социологии Дюркгейма

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Кучеренко П.А.* – научное руководство, обобщение полученных результатов, анализ данных, заключение; *Назаршоев Ф.К.* – концепция, сбор и научный анализ материалов, теоретическое обоснование, написание текста.

Поступила в редакцию: 05 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Кучеренко П.А., Назаршоев Ф.К. Социальные исследования Эмиля Дюркгейма в контексте правозащитной деятельности // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 360–377. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-360-377>

© Кучеренко П.А., Назаршоев Ф.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Emile Durkheim's social research in the context of human rights activism

Petr A. Kucherenko, Firuzsho K. Nazarshoev✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉1142220440@rudn.ru

Abstract. This article provides an analysis of the fundamental categories of Emile Durkheim's theory within the framework of his methodology for social research and the phenomenon of human rights activism. It examines categories such as "social fact", "solidarity", "collective consciousness", and "anomie" in the context of human rights activities. A distinctive feature of the article is its interdisciplinary approach, integrating sociological research results into the field of jurisprudence. The article explores a range of works by the French sociologist and philosopher Emile Durkheim, as well as relevant works by other philosophers, along with the contribution of contemporary Russian legal scholars within the aforementioned context. Given the growing demand for works on human rights issues in both Russian and global legal science, the authors conclude that a comprehensive understanding of the nature of individual rights and legal violations facilitates their more effective, profound, and systematic protection, not only in a reactionary sense, but also by enabling a preventive function in human rights activism. In this regard, the acquired sociological and legal knowledge seems pertinent, sought after, and can be utilized in subsequent doctrinal developments.

Key words: human rights phenomenon, methodology of social research, collective consciousness, social facts, solidarity, anomie, Durkheim's categories of sociology

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Kucherenko P.A.* – scientific supervision, generalization of the results obtained, data analysis, conclusion; *Nazarshoev F.K.* – concept formation, collection and scientific analysis of materials, theoretical substantiation; text writing.

Received: 05th April 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Kucherenko, P.A., Nazarshoev, F.K. (2024) Emile Durkheim's social research in the context of human rights activism. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 360–377. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-360-377>

Светлой памяти Петра Александровича Кучеренко...

Введение

Первым социологом, представившим попытки нейтрализации, казалось бы, непримиримых исследовательских позиций Дюркгейма и Вебера, был Толкотт Парсонс (1902–1979), родоначальник американской социологии. Результаты его экспериментов оказались неоднозначными.

Во-первых, Парсонс гораздо больше очарован Вебером, нежели чем Дюркгеймом. Во-вторых, в предысторию создания теории социального действия Парсонса следует включить много разноплановых авторов, например, итальянского экономиста с «социологическим уклоном» Вильфредо Парето (1848–1923), британского математика и философа Альфреда Норта Уайтхеда (1861–1947), а также французского специалиста по британскому утилитаризму и британской политической истории Эли Галеви (1870–1937). Этих, бесспорно, интересных мыслителей трудно совместить с заявленной темой исследования. На этом основании представляется целесообразным воздержаться от анализа «синтетического опыта» Парсонса.

Возвращаясь непосредственно к Дюркгейму, видится необходимым главным образом сосредоточить анализ (1) на базовых категориях его теории, (2) на предложенной им методологии социальных исследований и (3) на феномене правозащитной деятельности в контексте указанной категории и методологии. Базовыми категориями социологии Дюркгейма являются понятия «социальные факты» (*les faits sociaux*), «солидарность» (*la solidarité*), «коллективное сознание» (*conscience collective*), и «аномия» (*l'anomie*).

В настоящей работе они будут рассмотрены по порядку в сочетании правовыми подходами в целом и природой правозащитной деятельности в частности.

Социальные факты как самостоятельная категория социологии Дюркгейма

Понятие «социальные факты» является центральной категорией социологии Дюркгейма и особенно его методологии изучения т.н. социальной реальности. Как отмечают ведущие российские социологи, «по Дюркгейму, предмет социологии – социальные факты, составляющие систему социальной действительности» (Volkov, Dobrenkov, Nechipurenko & Popov, 2004:25). Социальную теорию Дюркгейма можно назвать систематической, так как любой другой термин в его социологии можно анализировать сквозь призму концепции социальных фактов. Более того, взаимосвязь между любыми понятиями его теории также можно устанавливать через понятие «социальный факт».

Дюркгейм дважды специально анализировал специфику социальных фактов – сначала в монографии «О разделении общественного труда» (Durkheim, 1893), затем в работе под названием «Правила социологического метода» (Durkheim, 1919). В первой из них он утверждает, что социальные факты «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» (Durkheim, 1990:413).

В монографии «Правила социологического метода» Дюркгейм возвращается к дефиниции социального факта и утверждает, что как общее понятие категорию «социальный факт» невозможно определить «изнутри общества» (*à l'intérieur de la société*). Дело в том, что спецификой социального факта является его «внешнее положение по отношению к индивидуальным сознаниям» (*son extériorité par rapport aux consciences individuelles*). Другой имманентной характеристикой социального факта выступает «его принудительное воздействие (*l'action coercitive*) на эти сами индивидуальные сознания» (Durkheim, 1919:5).

Как видим, оба определения (и в монографии «О разделении общественного труда», и в «Правилах социологического метода») практически идентичны. В обеих дефинициях присутствует одновременно мистическая и магическая коннотация. У критиков концепции социальных фактов по Дюркгейму сразу же возникли два взаимосвязанных вопроса: «Кто или что наделяет социальные факты принудительной силой (т.н. контрмистический аргумент)? Кто или что и каким образом навязывает эти факты конкретным людям (т.н. контрмагический аргумент)? Эти вопросы до сих пор определяют дискуссии по поводу актуальности, а также эвристичности социологии Дюркгейма.

Представляется, Дюркгейм нашел ответ на эти вопросы во второй фазе своего творчества, а именно после своего «религиозного поворота». На склоне своей научной карьеры Дюркгейм пришел к осознанию, или даже «озарению», что генетическим источником и исходным фундаментом социальной природы человека является

т.н. примитивная религия. Примером такой религии Дюркгейм считал систему верований австралийских аборигенов.

По Дюркгейму примитивная, или «чистая» религия, которая еще не «растворилась» в партикулярной догматике, или авторитетных комментариях религиоведов по поводу религии, является источником всего социального. Более того, все базовые понятия неизбежно восходят к религиозному сознанию (Durkheim, 1912). Получается, что любой социальный факт раскрывает свое знание только посредством «возврата к социальным истокам человека», т. е., по Дюркгейму, к примитивной, или той-темной религии.

Существенным постулатом социологии является то, что человеческая институция не может быть основана на заблуждении или обмане, иначе она не смогла бы удержаться (*elle n'aurait pu durer*). Если бы она не базировалась на природе вещей, она бы встретила сопротивление, с которым бы не смогла справиться (Durkheim, 1912:3).

Как бы то ни было, Дюркгейму изначально важно было доказать, что не всякий факт, возникающий в социальной среде, имеет социальный подтекст. Например, трапеза брахмана не является социальным фактом, поскольку, по канонам индуизма, потребляемая брахманом еда должна быть сокрытой от возможного «осквернительного» взгляда со стороны «неприкасаемого». Но когда двое или трое «неприкасаемых» разделяют между собой еду, то это является социальным фактом. Следовательно, социальный факт несводим к чисто биологическому факту.

С другой стороны, социальный факт не является и чисто психологическим. Смутное ощущение аспиранта, что тезисы, выдвинутые на защиту, недостаточно аргументированы и поэтому требуют более тщательной проработки, не является социальным фактом. Однако обсуждение данного обстоятельства с научным руководителем – это уже социальный факт.

Согласно теории Дюркгейма социальный факт всегда проявляет себя вовне, т. е. требует экстернализации, или встречи с чем-то или кем-то внешним (Steiner, 2005:29–30). Вместе с тем в «Правилах социологического метода» Дюркгейм добавляет к своей содержательной дефиниции «неосторожную» метафору, а именно: предлагает рассматривать социальные факты в качестве «как бы вещей». Эта метаформа стала предметом дискуссий.

В предисловии к переизданию «Правил социологического метода» в 1919 г. Дюркгейм пытается легитимировать свой метафорический подход к анализу социальных фактов. Мыслитель проводит подчеркнуто методологическое различие между вещью и идеей. Первая воспринимается нами как что-то внешнее, а вторая – как нечто внутреннее. Другими словами, то, что в принципе лежит вне нашего внутреннего мира, в той или иной степени остается вне нашего контроля в отличие, скажем, от наших чувств, мыслей, волеизъявлений (Durkheim, 1919:X–XI).

Социальные вещи по способу своего воздействия подобны вещам и предметам физического мира. Так, водитель в трезвом уме и твердой памяти не может дать «команду» придорожному камню превратиться в стог сена в тот момент, когда его машину стало заносить на вираже. Аналогичным образом тюремный священник, только что принявший исповедь осужденного на казнь, не может впоследствии ни проявить инициативу и выступить в роли палача, чтобы подменить ушедшего на пенсию инквизитора, ни ответить (при наличии) на соответствующую просьбу начальника тюрьмы. Ясно, что феномен исповеди и феномен исполнения наказания – это два несовместимых социальных факта. Они столь же упрямы, как и вещи

физического мира: и теми, и другими отдельные индивиды или даже группы не могут «командовать».

Термин «социальный факт» в социологии Дюркгейма представляет собой «термин-зонтик» (англ.: *«umbrella term»*) или «собирательное понятие» (нем. *«Sammelbegriff»*). Теоретически можно выделить, как минимум, пять видов социальных фактов:

1. Социальный факт как феномен, т. е. определенное явление социальной жизни (совместная трапеза грузчиков магазина во время обеденного перерыва);

2. Социальный факт как нормы (правила, в т. ч., приличия и этики, предполагающие, к примеру, вежливый обмен рукопожатиями при встрече);

3. Социальный факт как ценность (альтруизм, солидарность, дружба, доброе соседство и проч. Понятия, которые влияют на качество социального взаимодействия и социальной защищенности);

4. Социальный факт как институция¹ (семья, договор и проч. общественные институты, без которых невозможно существование системы, структуры, социальных связей);

5. Социальный факт как квази-вещи (к примеру, деньги, документарные ценные бумаги и иные предметы доктринальных имущественных категорий, социальная значимость которых может быть обратно пропорциональной их физической «осязаемости»: отсутствие денег чувствуется гораздо сильнее, чем их присутствие).

Границы между этими видами социальных фактов практически невидимы. Более того, один и тот же социальный факт в зависимости от контекста и ситуации может быть трактован в широком смысле и, соответственно, одновременно охарактеризован сразу в рамках нескольких категорий. Так, социальный факт под названием «договор» можно представить в пределах терминологий и принципов всех пяти видов: как феномен договор проявляет себя в переговорном процессе в рамках преддоговорных отношений тех или иных будущих контрагентов; как социальная норма договор требует от контрагентов учета интересов другой стороны договора; как социальная ценность договор является фундаментом устойчивых социальных связей; как институция – необходимый элемент социальной системы, совокупности взаимосвязанных институтов семьи, денег, предпринимательства и проч. Наконец, в документальной, письменной форме договор являет собой квази-вещь. Подобным пятивалентным социальным фактом являются деньги.

Понимание природы социальных фактов имеет важнейшее значение для права в целом и правозащитной деятельности в частности. Современные исследователи опираются на социальные факты для определения характера соответствующих правоотношений, выработки подходов к их правовому регулированию. Это касается различных сфер общественной жизни. О важности такой категории, как социальные факты, применительно к праву говорят подобного рода точки зрения: «Именно правило признания (его принятие членами сообщества в качестве стандарта поведения и оценки) выступает тем социальным фактом, который обеспечивает различение правового и неправового и конституирует правовую систему, ее единство и целостность» (Kasatkin, 2022).

¹ Социальную институцию, например, семью, не следует смешивать с институтом права, например, с институтом завещания в рамках наследственного права. Социальная институция первична по отношению к любому юридическому институту и в принципе может функционировать вне и без официального права.

Отдельного анализа заслуживает вопрос о соотношениях понятий «социальный факт» и «юридический факт», о чем также упоминается в доктринальных источниках (Chegovadze, 2023). Очевидно, что это касается различного рода правоотношений.

Например, применительно к экологическим правоотношениям, говоря о плано-вом характере развития экологического законодательства, исследователи обращают внимание на то, что право, среди прочего, опирается и исходит из социальных фак-тов, традиций, обычаев, культурного и исторического кода населения (Shpakovsky & Zhavoronkova, 2023).

Нередко о социальных фактах говорится в контексте медицинских правоотно-шений, причем с различных точек зрения. Например, социальные факты весьма спе-цифического характера анализируются применительно к репродуктивным правам человека: «...При наличии тяжелых неизлечимых репродуктивных или генетических заболеваний реализовать деторождение естественными способами невозможно, и потенциальным родителям требуются дополнительные «социальные факты» – позитивные обязанности, которые имеются у государства при наличии политического и общественного консенсуса или движения в сторону такого консенсуса...» (Posadkova, 2022).

Исследователи в качестве социальных фактов рассматривают также врачебную ошибку, которая может быть обусловлена не только и не столько клиническими заблуждениями, сколько причинами другого и совершенно различного характера, та-кими как отсутствие системного подхода в постановке диагноза или избыточная ле-карственная терапия (Stepina & Stepin, 2022).

Таким образом, комплексное понимание такого феномена, как социальный факт, имеет большое значение для права в целом и правозащиты в частности. В этом контексте теорию социальных фактов Дюркгейма можно рассматривать как специ-альный случай реификации идей. Если совместить теорию социальных фактов Дюркгейма и современную концепцию реификации идей, то надо различать позитивную, или интегративную реификацию в духе Дюркгейма, с одной стороны, и негативную, или деструктивную реификацию, например, в духе марксовской теории отчуждения, с другой. Сопоставление концепции позитивной реификации, восходящей к Дюркгейму, и концепцию негативной реификации, восходящей к Марксу, в контексте правозащиты представляется весьма своевременным и актуальным. Пра-возащитник должен чутко улавливать все проявления «реификационного мышле-ния» участников конфликта. Механизм правозащиты активируется лишь при нали-чии реального конфликта интересов, то правозащитник, задействованный в разреше-нии этого конфликта, должен, в первую очередь, фиксировать и нейтрализовывать феномены негативной реификации в духе марксистской концепции отчуждения.

Соответствующее соотношение более наглядно можно проанализировать также в контексте таких категорий социологии Дюркгейма, как солидарность и коллектив-ное сознание.

Солидарность как самостоятельная категория социологии Дюркгейма

Займованный Дюркгеймом из французского юридического языка латинский термин «солидарность» в дословном переводе означает «сплоченность». Латинское прилагательное «solidus» имеет три основных значения: (1) «благородный, настоя-щий»², (2) «твердый, непоколебимый» и (3) «целый, целостный». Французские

² Русифицированный термин «солидный» по смыслу тяготеет именно к данному значению «solidus».

юристы заимствовали этот термин в его третьем значении и, прежде всего, стали применять в формуле «in solidum debere»³.

В некотором смысле Дюркгейм социологизировал изначально юридическое прилагательное «солидарный» (solidaire) в идеологических целях. Термин «солидарность» представляет собой ответ «интегративного» социолога на вызов родоначальников «социологии конфликта» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, а именно ответ на их знаменитый лозунг – «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!».

Во французском издании «Манифеста коммунистической партии» о «солидарности» в ее буквальном смысле говорится дважды, но в одном и том же контексте, а именно столкновения между разными классами – рабочим и буржуа. Здесь дополнительную важность приобретает такая категория, как «солидарность» (Marx, 1985:13).

Как видим, для Карла Маркса понятие «солидарность» носит классовый характер, поэтому в строгом смысле, как он полагает, можно говорить только о пролетарской солидарности. Технически такую солидарность можно было бы рассматривать как частный случай горизонтальной солидарности, т. е. солидарности между субъектами, равными по статусу. Однако, Маркс не допускает иной горизонтальной солидарности, кроме пролетарской.

В марксистской перспективе «буржуазная солидарность» – это либо солидарный заговор некоторых буржуа против других «капиталистов», как внутренних, так и зарубежных, против ремесленников, крестьян и, прежде всего, против пролетариев. Или же «буржуазная солидарность» – это солидарное предательство правящей капиталистической олигархией так называемых национальных интересов с целью сохранить свои партикулярные интересы эксплуататоров против всех (внутренних) эксплуатируемых.

Классический пример такого предательства, по мнению Маркса, иллюстрирует поведение «кровавого карлика» Луи Адольфа Тьера (1797–1877), имевшего огромный политический опыт начиная с 1830 года. 17 февраля 1871 года Тьер был избран Национальным собранием Франции в качестве «главы исполнительной власти» и договорился с Отто Бисмарком о совместном (кровавом) подавлении Парижской Коммуны. До сих пор французские левые рассматривают Тьера как предателя своей родины, а правые благосклонно оценивают его вклад в преодоление опасного национального кризиса и восстановление буржуазного порядка (Ignatchenko, 2018:180).

В интегративной перспективе Дюркгейма марксистское понимание «солидарности» страдает, как минимум, тремя дефектами. Первый дефект является формальным, так как Маркс не допускает мысли о вертикальной солидарности, т.е. «трансклассовой» солидарности между капиталистами и пролетариями. Таким образом, иных вариантов кроме горизонтальной солидарности между пролетариями Маркс не признавал.

Второй дефект, по мысли Дюркгейма, заключается в том, что пролетарская солидарность в принципе «заряжена» на конфликт, что, впрочем, вполне естественно для автора теории классовой борьбы. Третий дефект, по Дюркгейму, скорее, представляет собой «слепое пятно» в оптике марксизма: дело в том, что Маркс не допускает возможность вертикальной солидарности между представителями различных социальных статусов, например, между профессором и его ассистентом, или даже между генералом и его денщиком.

³ Лат. досл. «быть должным за все», или – в терминах обязательственного права – нести солидарную ответственность своим имуществом (за всех остальных товарищей по бизнесу).

Позиция Дюркгейма относительно природы «солидарности» представляется более весомой. В современном понимании «солидарность» – это взаимное чувство сплоченности между двумя или более лицами, которые, вопреки их различиям, оценивают свои интересы и цели как совместные, но, фиксируя неравное их ущемление, признают, что более ущемленный носитель чувства солидарности имеет право на помощь со стороны менее ущемленного.

При этом в чувстве солидарности важен реверсивный момент взаимности. Реверсивность, или взаимность солидарности как социального поведения, заключается в том, что ныне помогающий (активный солидарист) в будущем сам может оказаться в ситуации нуждающегося в помощи (пассивного солидариста). Тогда прежний пассивный солидарист по возможности превращается в активного солидариста для своего «контрагента». Таким образом, в контексте социальной динамики солидарность представляет собой в тенденции незавершаемый процесс встречных солидарных актов (Sprondel, 2003:305–306).

Оставляя за скобками солидарность как функцию классовой борьбы, а именно как, прежде всего, оружие пролетариата против буржуазии (Marx, 1895:13), вполне можно найти общий социальный контекст для обоих типов солидарности – горизонтальной и вертикальной. В качестве контекста возьмем гипотетические примеры из сферы образования. Так, горизонтальная социальная солидарность между соседями студенческого общежития может проявиться в том, что один студент предоставил другому свой старый компьютер, когда у бенефициара солидарного акта (пассивного солидариста) сломался его собственный компьютер.

В качестве примера вертикальной социальной солидарности можно рассматривать предоставление профессором своей библиотеки в распоряжение своему аспиранту. В указанной констелляции (пользование редкими книгами) аспирант еще не скоро сможет приобрести статус потенциального активного солидариста. Соответственно, и профессор в рамках «библиотечной темы» не сможет стать потенциальным пассивным солидаристом. Однако ничто не мешает профессору попросить данного аспиранта о (в принципе ответной) любезности в рамках другой (соразмерной) констелляции: оформление презентации профессорского доклада для грядущей конференции.

Идеологическая и когнитивная победа «солидаризма», по Дюркгейму, во многом объясняется тем, что Дюркгейм в отличие от Маркса разработал стройную теорию солидарности. Она изложена в его монографии «О разделении общественного труда». Предпосылкой теории солидарности является фундаментальная проблема. Ее Дюркгейм формулирует следующим образом: «Как случилось, что, становясь все более автономным, индивид все теснее зависит от общества? Как он может одновременно становится все более персональным и все более солидарным? Ведь нельзя оспорить, что два этих процесса, как бы ни казались они противоречивыми, развиваются параллельно» (Durkheim, 1893:IX).

В методологическом плане теория солидарности интересна тем, что линия аргументации Дюркгейма базируется на синтезе исторического и логического методов. Этот же прием он использует и для конструирования своей теории социальных фактов (см. ниже).

Исторический метод Дюркгейм везде применяет в форме эволюционного подхода, характерного для системы социальных наук XIX века. Общим контекстом социальной эволюции, по Дюркгейму, является феномен общественного разделения труда. Но данный феномен интересен для Дюркгейма не сам по себе, а как функция

чего-то другого. В терминах Гегеля речь идет о социальном инобытии общественного разделения труда. Это инобытие Дюркгейм фиксирует в терминах социальной солидарности.

Таким образом, исторический метод, применяемый Дюркгеймом к изучению вопроса об общественном разделении труда, формально или процессуально первичен, но только в смысле «первого приближения» к подлинной теме монографии, т.е. к теме солидарности.

Как сказано выше, исторический метод для Дюркгейма фактически совпадает с эволюционным подходом к вопросу о том, как общественное разделение труда возникает и какие этапы оно проходит.

Эволюционный подход в ходе исследования неизбежно преодолевает исторический метод (в его узком смысле), так как понятие «эволюция» включает в себя идею цели. Стало быть, на определенном этапе исследователь-эволюционист неизбежно «спаривает» исторический метод с телеологическим подходом, т.е. с вопросом о конечной цели эволюции исследуемого феномена. В этом, кстати, заключается «ахиллесова пята» любого эволюциониста, так как он сталкивается с апорией, или несовместимостью идеи исторического процесса и тем, что Френсис Фукуяма определил как «конец истории» (Fukuyama, 1992).

Дюркгейм попытался остроумно нейтрализовать указанную методологическую ловушку тем, что вмонтировал в эволюционный подход логический метод, который по определению не привязан ни к конкретному пространству, ни к какой-либо исторической хронологии. Эволюция общественного разделения труда неизбежно предполагает исторический подход, но в итоге такой подход неизбежно привел бы исследователя к «тезису Фукуямы».

Изменив в ходе исследования основную научную парадигму, эволюционист может предотвратить подобное развитие событий. Однако стоит отметить, что при этом ученый позиционирует себя уже не как историк, основное внимание которого сосредоточено не на исторических фактах и событиях, а на смежных процессах и логическом анализе абстрактных понятий.

Подобную метаморфозу исследовательской установки в принципе можно назвать методологической дискретностью (прерывистостью), или методологической эклектикой, или даже методологическим «предательством». Однако такие эпитеты, на мой взгляд, неприменимы к методологии Дюркгейма. Его методологическая последовательность проявляется в том, что любой фрагмент, предложенной им «истории заявленного вопроса», можно рассматривать в ракурсе логического, а именно индуктивного метода, т.е. постепенного восхождения от частных явлений к некоторым (промежуточным) обобщениям.

Более того, любой этап изложения материала, явно привязанный к историческому методу, неявно привязан к базовой исследовательской гипотезе Дюркгейма о том, что историческую эволюцию общественного разделения труда перекрывает, переподчиняет себе логическая задача дефиниции и классификации феномена социальной солидарности. Поскольку в принципе логическую интерпретацию социальной солидарности Дюркгейм как бы «растворяет» в сквозном для всего исследования эволюционном подходе, можно говорить о синтетическом историко-логическом методе, характерном для творческой манеры Дюркгейма. Данный подход выдвигает гипотезу о том, что разделение общественного труда есть некая социальная функция, которая, помимо прочего, зависит от степени и характера социальной солидарности, уже латентно предполагает неизбежное применение дедукции, т.е. низхождения от общего к частному. Что касается темы общественного разделения труда, то несмотря

на то, что она подлежит обработке историческим методом, последний всегда можно переинтерпретировать и рассматривать как индуктивный, т. е. логический метод.

В итоге общий план содержания монографии «Об общественном разделении труда» подчиняется логическому, а не историческому формату. Данное обстоятельство можно выразить формулой: «механическая солидарность – общественное разделение труда – органическая солидарность» (Durkheim, 1990:417). Данное сопоставление трех абстрактных понятий также включает в себе эволюционистскую интерпретацию: все человеческое взаимодействие с самого начала формировалось на принципе механической солидарности. В период капиталистической эпохи бурного разделения общественного труда процессы взаимодействия трансформировались. В результате в настоящее время предстали в форме, охарактеризованной Дюркгеймом как органическая солидарность, которая эффективнее развивает и укрепляет, как связи между индивидами (по горизонтали), так и между индивидами и «обществом» (по вертикали).

В этой связи стоит отметить, без солидарности в той или иной форме невозможно само возникновение социальных групп, не говоря уже об их функциональной эффективности. Это обстоятельство очевидно уже на примере семьи как элементарной формы существования, в том числе и в экстремальных условиях выживания. С одной стороны, приведенный аргумент опровергается известным «феноменом Робинзона». Однако для Дюркгейма данный пример не подпадает даже ни под одну известную категорию, поскольку тема социальной солидарности по Дюркгейму не знает исключений из правил.

Таким образом, уместно поставить вопрос о соотношении социальной солидарности с тем, что Дюркгейм называет социальными фактами, общеизвестными понятиями, которые он представляет в первую очередь в качестве «вещей», или, точнее, «как бы вещей», или о неких «*rebus sui generis*»⁴. В этом смысле стоит предположить, что Дюркгейм предлагает рассматривать социальную солидарность посредством слов, являющимися собой номинативные знаки.

Иными словами, понятие «социальной солидарности» можно трактовать как слово-индекс, определяющее совокупность «фактов социальной солидарности», располагающееся вне самого факта, в том числе социального, в отличие от феномена самоубийства (Durkheim, 1897). Согласно теории Дюркгейма социальную солидарность можно определить только косвенно, через призму форм «коллективного сознания».

Напрашивается сопоставление категории коллективного сознания с природой государства. Если рассматривать природу государства на стыке социологии и права (что представляется не только обоснованным, но и необходимым), стоит обратить внимание на концепцию П. Бурдьё, по которому государство «есть результат объективации социальных представлений о нем, которые получают выражение во властных институтах. Эти институты выступают порождением коллективного сознания, но, возникнув, ограничивают деятельность человека в ее социально-политических, а иногда и иных проявлениях» (Aznaugolova & Pashentsev: 2023).

В свою очередь, категория «коллективное сознание» является важнейшей с точки зрения природы государства, взаимодействия человека и государства. Последнее крайне актуально для правозащитной деятельности, которая тесно связана (причем довольно специфически) с взаимодействием государства и индивида,

⁴ Лат. «вещи в своем роде», т.е. не подпадающие под «род» обычных вещей.

государства и социальных (или иных) групп. В юридической науке отмечается проблема так называемой «реакционной» правозащиты, когда «правозащитная деятельность происходит по большей части по принципу реагирования на нарушения конкретных прав человека», и поднимается вопрос о необходимости дальнейших глубоких правовых исследований в области правозащиты (Chechelnitsky, 2023). Разделяя указанную точку зрения, следует добавить также, что такие исследования должны быть комплексными, учитывающими не только правовую, но и социальную, политическую, экономическую составляющие правозащитной деятельности.

Рассматривая социальную солидарность в свете правозащитной деятельности, стоит отдельно упомянуть, что по Дюркгейму «человеческие коллективы живут и выживают вовсе не благодаря социальным конфликтам, а благодаря структурам социальной солидарности» (Kucherenko, 2011).

Такие подходы позволяют раскрыть новые тенденции в правозащитной деятельности. В частности, если раньше в фокусе внимания правозащитников находился исключительно или хотя бы преимущественно человек, то последние исследования подчеркивают важность и коллективных субъектов, коллективных носителей прав в контексте правозащитной деятельности (Lunev, 2023). О соотношении индивидуальных и коллективных прав в корпоративной деятельности, об их природе в правовой доктрине ведется активная дискуссия (Gear, 2010; Isiksel, 2019; Kulick, 2021).

В этой связи актуальным в рамках настоящей работы видится исследование коллективного сознания в качестве самостоятельной категории социологии Дюркгейма.

Коллективное сознание как самостоятельная категория социологии Дюркгейма

Термин «сознание» имеет длительную предысторию, тесно связанную с таким понятием, как «мышление», или «разум». В подобном ракурсе «сознание» является сквозной темой любой философской традиции. Однако вопрос о том, может ли сознание быть «коллективным», уместен в контексте социальной философии, но при этом выходит за рамки исследования.

Во Франции первопроходцем этой темы в некотором смысле можно считать Жан-Жака Руссо, которому в рамках более общей теории нации принадлежит разработка концепции «общей воли» (*la volonté générale*). Руссо отграничивал «общую волю» от «воли всех» (*la volonté de tous*). Воля «всех французов» как сумма индивидуальных волей разнородна, противоречива и поэтому не позволяет себя «обобщить», напротив, любое решение депутатов Конвента согласно Руссо следует толковать как некое единое волеизъявление, т. е. как «волю нации», или даже «волю Франции».

Таким образом, «общая воля» предстает как особая (метафизическая) реальность, довлеющая над индивидуальным волеизъявлением любого отдельного француза.

Позднее Габриэль Тард попытался перевернуть руссоистскую парадигму социальной жизни и восстановить методологический приоритет индивида над коллективом: «В обществе все схожести социального происхождения – это прямой или косвенный продукт различных форм подражания: подражания обычаю, моде, послушанию, указанию ... и т.п.» (Tarde, 1903:14).

Доказывая универсальность «законов подражания» для всей «живой материи», Тард предвосхитил зарождение того, что мы теперь называем «социальной психологией». Одним из ее родоначальников во Франции является Гюстав Лебон, который

поставил актуальный на сегодняшний день вопрос о том, может ли некий коллектив, состоящий из индивидов, обладать собственной «душой», несводимой к индивидуальной психике элементов данного коллектива.

Принципиальной характеристикой XIX века Лебон считал то обстоятельство, что неосознанное поведение толпы как таковой подавляет рациональную активность индивидов (Le Bon, 1985:1). При этом одна толпа в одних условиях может быть «криминогенной». Другая толпа в других условиях, напротив, может оказаться «альтруистической». Соответственно, индивиды с хорошей наследственностью и воспитанием в первой толпе будут во власти ее криминогенной «души». Напротив, носители плохой наследственности и дефектной социализации вопреки своей воле станут инструментами похвального поведения «альтруистической толпы».

В своей концепции коллективного сознания Дюркгейм попытался переосмыслить и в чем-то синтезировать, и руссоистскую концепцию общей воли, и идею Тарда об универсальном законе подражания, определяющим «механизм» всего живого, и мысль Лебона об эмоциональной автономии коллективов. Для Дюркгейма «коллективное сознание» – это, прежде всего, организованная (структурированная) совокупность верований и чувств, разделяемых членами данного коллектива.

Таким образом, коллективное сознание – это хранилище общих ценностей данного коллектива. Здесь во многом заключается оригинальность рассматриваемой концепции Дюркгейма. Строго говоря, «общая воля» для Руссо не столько ценность, сколько инструмент «самовыражения» нации. Правда, общая воля по Руссо светится «отраженным светом» таких ценностей, как свобода, народовластие и т. п. Однако самостоятельной ценностью она не является.

Аналогично для Тарда закон подражания является объективным механизмом самовоспроизводства всего живого. Объективный закон – это данность, нравится она кому или нет, это никак не влияет на саму функцию механизма имитации. Ценностный аспект частично присутствует лишь в «психологии толпы» Лебона, но только в контексте возможного альтруистического, но не криминогенного поведения того или иного коллектива.

Инструментальный, или функциональный характер коллективного сознания по Дюркгейму заключается в том, что оно проявляет себя в социализации индивидов. Она функционирует посредством определенного набора правил и процедур. Именно посредством социализации индивиды приучаются к социально ориентированному поведению. Иными словами, социальные нормы того коллектива, в котором живут индивиды, заставляют их стараться соблюдать эти нормы под страхом нежелательных социальных санкций.

Одновременно ценностный и функциональный характер коллективного сознания, по Дюркгейму, заключается в том, что коллективное сознание рельефнее всего проявляет себя в национальном правовом порядке: через правовое сознание оно предстает, с одной стороны, манифестацией, формой существования, а с другой – инструментом социальной солидарности. Соответственно, Дюркгейм утверждает, что именно «право (порядок – П.К. и. Ф.Н.) воспроизводит основные формы социальной солидарности» (Durkheim, 1983:71). При этом Дюркгейм четко разграничивает репрессивное право и реститутивное право. В контексте органической солидарности (как *modus vivendi*⁵ так называемых развитых стран) репрессивное право в его понимании также отождествляется и с национальным уголовным правом, одновременно реститутивное право соотносится с гражданским.

⁵ Лат. досл. «образ жизни»

Интересно, что коллективное сознание нации сосредоточено именно в репрессивном правопорядке, поскольку уголовное право касается всех. Реститутивное же право адресовано «специальным группам», например предпринимателям. Оно касается не всех и поэтому не является выражением коллективного сознания в строгом смысле. В условиях механической солидарности коллективное сознание является монолитным и «равномерным». Общество на стадии механической солидарности по Дюркгейму не знает ни специализации задач, ни, соответственно, специализации индивидов.

Напротив, общества на стадии органической солидарности имеют дифференцированную структуру. Внутри «органического» коллектива индивиды все более и более концентрируются на выполнении специальных задач. Соответственно, индивиды получают шанс все к большей автономии по отношению к коллективному, т.е. репрессивному сознанию. Все большее значение, как внутри таких «органических» групп, так и между индивидами из разных «органических» объединений, приобретает не репрессивное, а реститутивное мышление. На смену монолитному императивному диктату приходит плюрализм контрактов и прочих соглашений (Steiner, 2005:19–20).

Именно в таком ключе следует рассматривать защиту специфических коллективных прав, таких как вышеизложенные корпоративные права. В рассматриваемом контексте не так важно, как правоведа соотносят индивидуальные и коллективные права. В ранее изложенном примере о природе корпоративных прав таковые можно рассматривать как специальные корпоративные права индивида, а можно – как права компании (и как соответствующая проекция – как коллективные права отдельной группы индивидов). В большей степени это имеет значение с правовой точки зрения. Здесь субъектам, уполномоченным разрешать соответствующие вопросы (законодатель, правоприменитель), следует учитывать особенности правовой системы конкретного государства, сложившуюся законодательную и правоприменительную практику и прочие аспекты.

Однако с точки зрения правозащиты такого подхода будет недостаточно. Здесь как раз должен включаться «социологический аспект», и соответствующие права требуют защиты как в рамках правового поля и сложившихся подходов, так и с точки зрения понимания природы реститутивного мышления в рассматриваемом аспекте. Если принять за основу изложенную выше позицию о потребности юридического и не только сообщества в дальнейших углубленных исследований относительно правозащитной деятельности, в основе таких исследований должно лежать комплексное понимание таковой.

Аномия как самостоятельная категория социологии Дюркгейма

Как было представлено выше, Дюркгейм является систематиком в том смысле, что любую категорию его социологии можно интерпретировать как «социальный факт». Вместе с тем введенный Дюркгеймом в научный оборот термин «аномия» в единении с понятием «солидарность» можно рассматривать в качестве своего рода «ответа Дюркгейма» на вызовы марксизма.

Здесь речь идет о соотношении дюркгеймского термина «аномия» и марксистского термина «отчуждение». Оба термина возникли как реакция на вызовы модернизации, т.е. бурного развития европейского капитализма в начале XIX в. Согласно марксистской теории, термин «отчуждение» имеет подчеркнута соци-

ально-экономический подтекст: отчужденный человек – это не просто индивид, отдаленный от своей человеческой природы, а потерявший свою сущность предмет, товар, затерявшийся среди прочих подобных вещей.

Это касается не только пролетариев, которые торгуют своей рабочей силой и тем самым отчуждают от себя свою жизненную энергию, навыки и даже талант. Отчуждение в теории Маркса унифицирует также и капиталистов, которые растворяют свою человечность в единственной функции капитализма, а именно в функции самовозрастания капитала.

«Аномия» у Дюркгейма включает в себе социально-юридический смысл. Теоретик понимает и трактует данное понятие почти дословно как «беззаконие», однако вкладывает в него не столько идею анархии, сколько идею дефицита, или сбоя регулятивной функции самовоспроизводства человеческих сообществ. «Во всех подобных (аномальных) случаях, если разделение труда не обеспечивает солидарность, это означает, что отношения органов (социального взаимодействия) не были регламентированы; это означает, что они находятся в состоянии аномии» (Durkheim, 1893:412). К этому определению Дюркгейм делает важную ремарку: «Поскольку со временем изначально спонтанные отношения между социальными функциями приобретают определенную форму корпуса правил, можно а priori утверждать, что состояние аномии невозможно везде там, где солидарные органы находятся в достаточно тесном и пролонгированном контакте» (Durkheim, 1893:412).

В своей работе «Самоубийство» Дюркгейм расширил значение термина «аномия», добавив к идее социальной регуляции идею индивидуальной и групповой интеграции (Durkheim, 1897:304). В процессе исследования аномии в указанных трудах Дюркгейм пришел к мысли, что термин неоднозначен, несет в себе в некотором смысле «специальные» значения: В узком смысле под аномией понимается совокупное обозначение дефектов социальной регуляции, в широком – поведенческое отклонение от моральных и социальных регуляторов, отсылающее к индивидуальным патологиям.

Таким образом, понятие «аномия» можно рассматривать как явление, провоцирующее взаимодействие между теорией интеграции индивидов и теорией социальной регуляции. Проблема заключается в том, что Дюркгейм гораздо лучше разработал теорию интеграции, чем теорию регуляции. Соответственно, возникают некоторые сложности с реконструкцией систематических или даже логических явлений между относительным избытием элементов в теории интеграции и относительной скудостью элементов теории регуляции как следствие ее досадной фрагментарности.

Согласно Дюркгейму группа индивидов считается интегрированной, если ее члены (1) обладают общим сознанием, разделяют одни и те же чувства, верования и социальные практики, (2) регулярно взаимодействуют друг с другом и (3) преследуют общие цели (Besnard, 2005:164). Чем слабее эти характеристики, тем сильнее проявляется индивидуальная социальная аномалия в ее крайней форме, а именно в качестве самоубийства (Durkheim, 1897:222).

По мнению Дюркгейма, вакуум социальной регламентации, характерный как для социально-экономического кризиса, так и для бурного социально-экономического роста, проявляется в форме аномического самоубийства, когда люди теряют этико-социальную ориентацию. Аномическому самоубийству Дюркгейм противопоставляет фаталистическое самоубийство. Его причиной, напротив, является чрезмерная регламентация. В качестве примере такого вида самоубийства Дюркгейм приводит многочисленные самоубийства рабов (Durkheim, 1897:311). Здесь стоит обратить внимание, что теоретик полагал, что именно дефекты индивидуальной интеграции

лежат в основе такого явления как самоубийство. Тем самым, он признавал бессилие социальной регламентации в условиях капиталистического общества, а также был солидарен с теорией марксизма о том, будущее человечества зависит от реализации идеалов социализма (Steiner, 2005:9).

Заключение

Теория социальных фактов допускает радикальное прочтение, которое «превращает» их в мистическую и магическую силу, неподвластную и непонятную людям. Отсюда тезис Дюркгейма о том, что социальные факты – это «как бы вещи», столь же «упрямые», как и физические объекты внешнего мира, таит в себе коннотацию реификации. Эта коннотация означает, что люди воспринимают, созданные ими идеи и метафоры как нечто внешнее по отношению к себе и в принципе «нераспорядимое». Реифицированные идеи начинают господствовать над своими создателями. В принципе тема реификации социальных идей созвучна марксистской теме отчуждения человека от своей природы.

Теорию социальных фактов Дюркгейма можно рассматривать как специальный случай реификации идей, однако необходимо сделать существенную оговорку: современный термин «реификация» имеет негативный, критический подтекст, при этом «реификация» как идеологическое понятие тесно связано с лингвистикой, точнее, с грамматикой. Так, по форме в грамматическом и, по существу, в идеологическом смысле под реификацией принято понимать (1) субстантивирование прилагательных и (2) образование отглагольных существительных. В первом случае, например, из прилагательного «дерзкий» получаем существительное «дерзость». Во втором случае, скажем, из глагола «просвещать» получаем существительное «просвещение». Как таковые подобные грамматические метаморфозы безобидны, если они не превращаются в реификации, т. е. в идеологические орудия социального контроля и политической власти.

Если совместить теорию социальных фактов Дюркгейма и современную концепцию реификации идей, то надо различать позитивную, или интегративную реификацию в духе Дюркгейма, с одной стороны и негативную, или деструктивную реификацию, например, в духе марксистской теории отчуждения, с другой. Теория социальных фактов Дюркгейма базируется на более фундаментальной концепции социальной солидарности. О какой бы солидарности ни говорил Дюркгейм – механической или же органической – он всегда имеет в виду конструктивное социальное взаимодействие как следствие общественного разделения труда. В этом смысле само слово «солидарность» в качестве субстантивированного прилагательного можно рассматривать как пример полезной реификации. По контрасту в рамках марксистской теории базиса и надстройки любая реификация представляет собой надстроечный элемент, т.е. является идеологемой, «работающей» на интересы правящего класса, который контролирует экономический «базис» общества. При таком подходе любая реификация в конечном счете оказывается орудием идеологического господства.

Интересно сопоставить концепцию позитивной реификации, восходящей к Дюркгейму, и концепцию негативной реификации, восходящей к Марксу, в контексте правозащиты. Как ни парадоксально, идея правозащиты как таковая, скорее, совместима с позитивной реификацией в духе Дюркгейма. Другими словами, правозащита как социальная институция направлена на восстановление функций социальной солидарности в данном конкретном случае. Однако, поскольку механизм

правозащиты активируется лишь при наличии реального конфликта интересов, то правозащитник, задействованный в разрешении этого конфликта, должен, в первую очередь, фиксировать и нейтрализовывать феномены негативной реификации в духе марксистской концепции отчуждения.

Правозащитник должен чутко улавливать все проявления «реификационного мышления» участников конфликта. Такие фразы, как «дружбы между нами никогда не было и не будет», ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Автор этой фразы, скорее всего, неосознанно исходит из того, что дружба как таковая в принципе существует. Ему же не повезло, так как «дружба не поселилась в их коттеджном кооперативе». Если дружба – это «упрямая вещь» и не желает с нами иметь дело, то для реификационного мышления нет логических препятствий сделать следующее допущение: «в отсутствие дружбы в нашем кооперативе поселилась ненависть: она овладела моим соседом, и я вынужден отвечать на акты его ненависти аналогично и соразмерно». Как видим, мышление посредством реификаций весьма опасно. В приведенном примере сетования по поводу отсутствия позитивной реификации под названием «дружба» легко допускают появление негативной реификации как инкарнацию «ненависти». В указанном выше примере задача правозащитника заключается в том, чтобы заложить в головы участников конфликта следующую мысль: одним из вероятных «триггеров» конфликта могло оказаться реификационное мышление одной из сторон. Разумеется, такое мышление может быть и встречным. Как бы то ни было, правозащитнику надо постараться вернуть участникам конфликта чувство личной автономии и личного достоинства: нет дружбы как таковой, как и нет ненависти как «упрямой вещи». Есть лишь люди, которые совершают либо солидарные, либо недружественные акты. И самое главное, что во власти самих людей выбирать для себя либо дружественную социальную ориентацию на других, либо минимизировать в своем поведении позитивную социальную ориентацию. В последнем случае не надо удивляться тому, что «из нашего кооператива ушла дружба, и пришла ненависть». Другие жители, если они не обременены реификационным мышлением, в отношениях между собой вполне смогут обходиться без реификационной мистики и магии.

В контексте правозащиты также представляет интерес толкование договора в контексте теории социальных фактов Дюркгейма. Например, такой социальный факт, как «договор», открыт для толкования в терминах всех пяти видов, и выступает в качестве феномена, социальной нормы, социальной ценности, институции и квази-вещи.

В юридической науке распространена точка зрения о востребованности исследований о природе правозащитной деятельности. Важно подчеркнуть, что наиболее востребованными являются комплексные исследования, которые учитывают не только организационную и правовую составляющие такой деятельности, но и, в частности, социологические аспекты. Комплексное понимание природы отдельных прав, правонарушений способствует более качественной, глубокой, системной их защите не только в «реакционном» смысле, но и позволяет реализовать превентивную функцию правозащитной деятельности.

References / Список литературы

- Aznagulova, G.M. & Pashentsev, D.A. (2023) Issues of the theory of state in modern legal doctrine. *Journal of Russian Law*. 27(10), 5–15. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.111> (in Russian).
Азнагулова Г.М., Пащенко Д.А. Вопросы теории государства в современной юридической доктрине // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 5–15.

- Volkov, Yu.G., Dobrenkov, V.I., Nechipurenko, V.N. & Popov, A.V. (2004) *Sociology*. Moscow, Gardariki Publ. (in Russian).
Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. М.: Гардарики. 2004. 512 с.
- Besnard, Ph. (1993) Anomie and fatalism in Durkheim's theory of regulation. In: Stephen P. Turner (ed.). *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*. Routledge. pp. 169-190.
- Chechel'nitsky, I.V. (2023) Human rights activities classification. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 18(7), 27–41. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.027-041> (in Russian).
Чечельницкий И.В. Классификация видов правозащитной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7. С. 27–41. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.027-041>
- Chegovadze, L.A. (2023) About the subject of civil law regulation. *Civilist*. (2), 31–38. (in Russian).
Чеговадзе Л.А. О предмете гражданско-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 2. С. 31–38.
- Durkheim, E. (1893) *De la division du travail social. Etude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Paris, Felix Alcan.
- Durkheim, E. (1897) *Le suicide: étude de sociologie*. Paris, Felix Alcan.
- Durkheim, E. (1919) *Les Règles de la méthode sociologique*. Septième édition. Paris, Felix Alcan.
- Durkheim, E. (1990) *On the division of social labor. Method of sociology*. Translation from French and after. by L.B. Hoffman. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
- Durkheim, E. (1912) *Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie*. Paris, Felix Alcan.
- Fukuyama, Fr. (1992) *The End of History and the Last Man*. N.Y., Free Press.
- Grear, A. (2010) Corporate Human Rights?. In: *Redirecting Human Rights. Global Ethics Series*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/9780230274631_3. pp. 23–39.
- Ignatchenko, I.V. (2018) Adolphe Thiers – the executioner of the commune of Paris, or “savior” of France? Evolution of assessments of the French liberal politician of XIXth century. *Free thought*. 5(1671), 173–184. (in Russian).
Игнатченко И.В. Адольф Тьер – палач Парижской коммуны или «спаситель» Франции? Эволюция оценок французского либерального политика XIX века // Свободная мысль. 2018. № 5 (1671). С. 173–184.
- Isiksel, T. (2019) Corporate Human Rights Claims under the ECHR. *The Georgetown Journal of Law & Public Policy*. (17), 979–1005.
- Kasatkin, S.N. (2022) Thesis of Judicial Discretion in the Debate between R. Dworkin and Positivists: Arguments of the ‘Later’ H. Hart. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. (57), 372–398. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-372-398> (in Russian).
Касаткин С.Н. Тезис судейского усмотрения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 372–398. Doi: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398
- Kucherenko, P.A. (2011) *Representative and executive power: the problem of correlation in a modern state (comparative legal research)*. Diss. of Doctor of Legal Sciences. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia. (in Russian).
Кучеренко П.А. Представительная и исполнительная власть: проблема соотношения в современном государстве (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов. 2011. 167 с.
- Kulick, A. (2021) Corporate Human Rights? *The European Journal of International Law*. 32(2), 537–569. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab040>
- Le Bon, G. (1895) *Psychologie des foules*. Paris, Felix Alcan.
- Lunev, A.A. (2023) Fundamental rights of corporations in the international human rights system. *Russian Juridical Journal*. 4(151), 32–41. https://doi.org/10.34076/20713797_2023_4_32 (in Russian).

Лунёв А.А. Основные права юридических лиц в международной правозащитной системе // Российский юридический журнал. 2023. № 4(151). С. 32–41. https://doi.org/10.34076/20713797_2023_4_32

Marx, K. (1895) *Manifeste du parti communiste* [1848]. Bibebook.

Posadkova, M. (2022) The future has arrived: the constitutional nature of a right of access to reproductive and genetic technologies. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6(151), 72–94. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-6-72-94> (in Russian).

Посадкова М. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6(151). С. 72–94. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-6-72-94>

Shpakovsky, Yu.G. & Zhavoronkova, N.G. (2023) Environmental Lawmaking as Part of Social Planning. *Actual Problems of Russian Law*. 18(6), 142–157. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.142-157> (in Russian).

Шпаковский Ю.Г., Жаворонкова Н.Г. Экологическое законотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 142–157. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.142-157>

Sprondel, W.M. (2003) *Solidarität*. Grunbegriffe der Soziologie. Hrsg. von B. Schäfers. 8-te Aufl. Opladen: Leske+Budrich.

Steiner, Ph. (2005) *La sociologie de Durkheim* [1994]. Paris, Edition La Découverte.

Stepina, N.A. & Stepin, A.B. (2022) Medical malpractice: issues of theory and practice. *Medical Law*. № 4. pp. 52–56. (in Russian).

Степина Н.А., Степин А.Б. Случай врачебной ошибки: вопросы теории и практики // Медицинское право. 2022. № 4. С. 52–56.

Tarde, G. (1903) *The Laws of Imitation* [1890]. Translated by E.C. Parsons. N.Y., Henry Holt and Company.

Сведения об авторах:

Кучеренко Петр Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Назаршоев Фирузшо Курбонбекович – аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности юридического, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

e-mail: 1142220440@rudn.ru

About the authors:

Petr A. Kucherenko – Doctor of Legal Sciences, head of the Department of the Judiciary, Civil Society and Law Enforcement, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Firuzsho K. Nazarshoev – of the Department of the Judiciary, Civil Society and Law Enforcement, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

e-mail: 1142220440@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>
EDN: JWKALB

Научная статья / Research Article

Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты

М.Р. Ромашова¹, В.Ю. Панченко^{2,3,4,5,6}

¹Северо-Западный институт управления (филиал РАНХиГС), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва, Российская Федерация

³Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

⁴Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

⁵Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация

⁶Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

7029807@mail.ru

Аннотация. В контексте конституционного права России проблема трактовки Конституции традиционно сводилась к различным взглядам на нее как на писанный документ с особым политико-правовым статусом. В разные периоды отечественной истории Конституция воспринималась по-разному, что отражалось в разных пониманиях соотношения Конституции и государства, Конституции и законодательства, Конституции и прав человека. Одной из важных аспектов для трактовки Конституции являлось взаимодействие между Конституцией и конституционализмом, а также государственным и конституционным правом. В рамках данной проблематики объектом выступает феномен конституционного правопонимания, рассматриваемый как теоретико-праксиологическая конструкция, которая объединяет научные взгляды и эмпирические представления, отражающие формальные и содержательные особенности Конституции и конституционного права на разных этапах развития правовой системы России. В статье исследуется проблема правопонимания и законопонимания в отечественной правовой традиции, понимание Конституции в контексте циклического политогенеза, а также проблема конституционного правопонимания в контексте концепции «живой» Конституции.

Ключевые слова: Конституция, правопонимание, циклический политогенез, концепция «живой» Конституции, история российской государственности, конституционное правопонимание, закон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 08 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Ромашова М.Р., Панченко В.Ю. Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 378–389. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>

**Constitutional legal understanding:
historical, theoretical and sectoral aspects**

Maria R. Romashova¹ , **Vladislav Yu. Panchenko**^{2,3,4,5,6}

¹Northwestern Institute of Management (RANEPA branch), Saint Petersburg, Russian Federation

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

³Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

⁴Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

⁵Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation

⁶Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

7029807@mail.ru

Abstract. In the context of the constitutional law of Russia, the problem of interpreting the Constitution has traditionally been reduced to different views on it as a written document with a special political and legal status. In different periods of Russian history, the Constitution was perceived differently, which was reflected in different understandings of the relationship between the Constitution and the state, the Constitution and legislation, the constitution and human rights. One of the important aspects for the interpretation of the constitution was the interaction between the Constitution and constitutionalism, as well as state and constitutional law. Within the framework of this problem, the object is the phenomenon of constitutional legal understanding, considered as a theoretical and praxiological construction that combines scientific views and empirical ideas reflecting the formal and substantive features of the Constitution and constitutional law at different stages of the development of the legal system of Russia. The article explores the problem of legal understanding and law understanding in the domestic legal tradition, the understanding of the Constitution in the context of cyclical politogenesis, as well as the problem of constitutional law understanding in the context of the concept of a «living» Constitution.

Key words: Constitution, legal understanding, cyclical political and legal genesis, the concept of a «living» constitution, the history of Russian statehood, constitutional legal understanding, law

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Undivided co-authorship.

Received: 08th November 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Romashova, M.R., Panchenko, V.Yu. (2024) Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 378–389. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389>

Введение

Типология и методология правопонимания традиционно исследуются в рамках теоретико-исторической правовой науки, при этом отраслевая и прикладная юриспруденция в большинстве случаев опираются на нормативистскую концепцию, в соответствии с которой «действующим» правом являются только те нормы,

которые обличены в установленные (признанные) действующим законодательством юридические формы.

Для конституционного права России проблема конституционного правопонимания традиционно сводилась к совокупности взглядов на Конституцию как на писанный документ с особым политико-правовым статусом. На различных этапах отечественной государственной истории конституция воспринималась по-разному, соответственно изменялись взгляды на соотношение Конституции и государства, Конституции и законодательства, Конституции и прав человека. Не менее значимой для конституционного правопонимания являлась проблема взаимосвязи Конституции и конституционализма, а также государственного и конституционного права. «В этой связи вполне логичным может выглядеть понимание Конституции не только в качестве Основного Закона государства, но и как нормативной основы, политико-правового ядра высшей формы правового сознания, имея при этом в виду понимание самой конституции не только в ее формально юридическом, но и в мировоззренческом, политико-идеологическом выражении» (Bondar, 2013).

В качестве объекта исследования в рамках обозначенной заявленной темой проблематики предлагается феномен конституционного правопонимания, как теоретико-праксиологической конструкции, объединяющей научные взгляды и эмпирические представления отражающие формальные и содержательные особенности конституции и конституционного права на определенных этапах государственно-правового развития России.

В качестве базового метода рассмотрения конституционного правопонимания предлагается метод циклического право- и политогенеза, в соответствии с которым историческая динамика российской государственно-правовой системы представляет совокупность замкнутых дискретных (разорванных) циклов (монархического, советского республиканского, президентского республиканского), характеризующихся особым отношением к форме государственного правления и территориального устройства, а также к пониманию права вообще и государственного/конституционного права в частности (Romashov, (eds.), 2021a; Romashov, 2020). При этом, имея принципиальные формально-содержательные отличия друг от друга, государственно-правовые циклы российской истории сходны в одном, все они выстроены по принципу персонификации иерархической системы публичной власти, в которой определяющее значение имеет властное волеизъявление конкретного физического лица – человека занимающего высшее положение в аппарате государственной власти и воспринимаемого «ближним и дальним» окружением в качестве «хозяина земли русской» (Kartashov & Akopov, 2005).

Проблема правопонимания и законопонимания в отечественной правовой традиции

Прежде всего следует определиться с пониманием права и закона как объектов научного познания. Представляется, что названные феномены наполняются различным смысловым содержанием в зависимости от национальной правовой системы, в рамках которой они задействованы.

Для англо-саксонской правовой системы «law» и «right» – это разные понятия, называемые разными словами.

Термин «law» переводимый на русский язык как «закон», представляет название права в объективном не зависимом от субъективного волеизъявления смысле. Следовательно, конструкцию «natural law» следует переводить не как «естественное право», а как «естественный/натуральный закон», а «common law» не как «общее право», а как «объединенный закон». В первом случае независимость law от государства определяется его естественной природой. Natural law возникает не по воле государства представленного совокупностью действующих от его имени людей – равноуровневых государственных чиновников, а в результате объективных природных (божественных) процессов, предполагающих появление у человека с момента его рождения таких неотчуждаемых от индивидуальной личности прав как жизнь, свобода, равенство, достоинство, собственность (в ее трудовом понимании). В свою очередь common law представляет собой собирательное понятие – комплекс формальных источников позитивного права (равноуровневых в плане «юридической силы» статутов, прецедентов, доктрин), на которые опирается правоприменитель в ходе своей регулятивной и охранительной деятельности.

Слово right используется для наименования субъективного права (right to work – право на труд, right to education – право на образование, right to property – право на собственность и др.). Таким образом применительно к английской юридино-лингвистической традиции слова law и right (закон и право), используются для наименования явлений, которым в русском языке наиболее соответствуют категории объективного и субъективного права (Tarasov, 2010).

Применительно к системе исламского права объективным законом, не зависящим в своем происхождении и применении как от воли конкретных людей, так государства в лице государственных органов, является Шариат – предначертанный Аллахом путь, позволяющий правоверному мусульманину жить в благополучии в этом мире и попасть в рай (аль-фирдаус) в посмертии. Шариат не просто нормативная система, это сама жизнь правоверного мусульманина в соответствии с волей Аллаха, своего рода «религиозный закон», в основу которого положено божественное откровение и предначертание (Kuliev, 2020). Право в таком понимании производно от шариата и не представляет собой самостоятельной нормативной конструкции. С учетом того, что жизненный путь любого мусульманина предопределен Аллахом, право, как совокупность материальных юридических форм, не может «творить» закон, а способно лишь интерпретировать воплощенную в Шариате волю всевышнего, не обладая возможностью «выхода за его рамки».

В русском языке слова право и закон используются для обозначения понятий как тождественных, так и различных по смыслу. Так, к примеру, английское слово law, в зависимости от субъективного восприятия может переводиться и как закон, и как право. Словом право, называется и системное явление («международное право», «современное российское право», «естественное право»), и отдельное субъективное право на что-либо (право на труд, право на отдых, право на собственность и др.). В свою очередь слово «закон» применяется и в абстрактно обобщенном контексте («незнание закона не освобождает от ответственности», «закон суров, но это закон», «уголовный закон» и др.), и как название вида нормативно-правовых актов Российской Федерации (федеральный конституционный закон, федеральный закон, закон субъекта). При этом нормативные правовые акты, принимаемые по предметам законодательного регулирования, могут не содержать в своем наименовании термина «закон», хотя по своей юридической силе таковыми являются (конституция,

устав, законодательный указ президента, кодекс). Отмеченная понятийная неопределенность обуславливает неутрачивающую дискуссию относительно соотношения права и закона. Проблемы определения первенства и главенства названных категорий, соотношения естественного права и государственного закона, международного права и национального законодательства, государственного права и прав человека и т.п. представляют собой предметные области, в которых конкретика юридических форм выражения права и юридическая техника правотворческой и правореализационной деятельности «размывается» философско-правовым абстрагированием, позволяющим достаточно «вольно» интерпретировать понятия «право» и «закон» в их русском юридико-лингвистическом восприятии.

Понимание конституции в контексте циклического политогенеза

Метод циклического политогенеза представляет собой направление научного познания государства как системы политической организации населения и механизма публичной политической власти. Являясь специфической формой социально-политической жизнедеятельности, любое государство в своей динамике, проходит этапы возникновения, становления, реформационного прогресса, контрреформационного регресса, стагнации, кризиса, трансформации (разрушения) (Romashov, 2021b).

В тысячелетней истории российской государственности (ст. 67.1 Конституции РФ) представляется целесообразным выделять три цикла политогенеза (монархический/имперский, советский республиканский, президентский республиканский) (Romashov, 2020). Названные циклы представляют собой локальные социально-культурные явления характеризующиеся различными формами правления, целями и ценностными приоритетами, государственными и правовыми механизмами.

Для Российской империи, а точнее, для ныне «популярного в высших кругах» самодержца Александра III, конституция – это «преступный и спешный шаг... фантастический проект... к счастью, отвергнутый Советом министров»¹. Государственное право, как возведенная в закон воля царствующего императора, отрицало конституцию полагая ее документом, идущим в разрез с системой «традиционных ценностей», получивших свое выражение в известной триаде графа Уварова: «Православие – Самодержавие – Народность» (Puin, 2018). Автор триады исходил из положения, в соответствии с которым «Россия – особое государство, отличное от Восточных и Западных стран. Ее специфика определяется не только «срединным» географическим местоположением, но и особенностью политических, экономических, религиозных, социальных и национальных черт, присущих народам Российской империи» (Puin, 2018). Кстати, сходную характеристику содержит Концепция внешней политики Российской Федерации (2023 г.), содержащая положение о том, что «Современное российское государство – Российская Федерация – самобытное государство-цивилизация, евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Отстаиваемая в Российской империи, равно как и в сегодняшней России приверженность к традиционным ценностям, положенным

¹ Евгений Жирнов. Весь этот фантастический проект был отвергнут // Коммерсантъ История. 13.02.2021. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4691499> (дата обращения: 12.09.2023).

в основу концепции национального (государственного) консерватизма², демонстрирует, персонифицированный субъективизм по отношению к формальной конституции. Для имперской России формальная (писаная) конституция – «антиценность» противоречащая государственной монархической традиции в то время, как для современной России, конституция вполне вписывается в культурно-историческую традицию, опирающуюся на правопреемство Союза ССР (ст. 67.1 Конституции РФ). При этом к правовой сущности конституции как документа закрепляющего основы государственного устройства (не независимо от формы государственного правления), принципы соотношения государства, общества, личности, механизмы организации и функционирования системы публичной политической власти, отмеченное выше отношение со стороны государственной власти (в лице отдельных ее представителей), особого значения не имеет. К примеру, примерно в тот же исторический период (вторая половина XIX в.), когда один российский монарх (Александр II), был настроен на принятие конституционного акта, а другой (Александр III) такую возможность категорически отвергал, писанные конституции были приняты в Османской/Оттоманской (1876 г.) и Германской (1871 г.) империях. Тем самым была продемонстрирована «совместимость» конституции как документа государственно-правового характера с любой формой правления, как республиканского, так и монархического.

Советская власть, провозгласив писанную конституцию «основным законом», воспринимала ее первоначально в качестве временной, рассчитанной на переходный период, предшествующий мировой пролетарской революции (Romashov, 2016). Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) закрепляла классовую структуру советского общества и узаконивала дискриминацию бывших эксплуататоров, подлежащих «беспощадному подавлению» (ст. 3) и которым «не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7).

Все последующие советские «общенародные» конституции можно с определенной долей условности дифференцировать на учредительные (Конституция СССР 1924 г., конституции союзных и автономных республик 1925 г.) и этапные (Конституции СССР 1936 и 1977 гг., конституции союзных и автономных республик 1937 и 1978 гг.). Основной целью первых, являлась легализация нового исторического государственного устройства (для СССР – союзное советское социалистическое государство, для советских и автономных республик – государство – республика в составе союзного государства). Этапные конституции были призваны закрепить пройденный этап социалистического строительства (Конституция 1936 г. – «Конституция победившего социализма», Конституция 1977 г. – «Конституция развитого социализма»). Стратегическое планирование государственного развития осуществлялось партийными программами КПСС (1903, 1918, 1961 гг.).

Для системы советского конституционализма была характерна неписанная, однако обязательная для всех субъектов советской федерации традиция, по которой в течение года следующего за годом принятия союзной конституции принимались конституции союзных и автономных республик, дублировавшие основные положения федеративного конституционного акта. Так, к примеру, закрепление в преамбуле

---

² См.: Галина Мисливская. Путин: Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов // Интернет-портал «Российской газеты». 21.10.2021. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-nash-konservativizm-eto-konservativizm-optimistov.html> (дата обращения: 10.09.2023).

Конституции СССР конструкции «советский народ», обусловило ее последующее включение в республиканские конституции с учетом их национальной специфики³.

Новейшую конституционную историю постсоветской Российской Федерации целесообразно делить на два этапа, традиционно «привязанные» к политическим персоналиям – Президентам РФ Б.Н. Ельцину (1991–1999 гг.) и В.В. Путину (2000–2008 гг.; 2012 г. – по наст. вр.). Период правления первого, может быть, с определенной условностью назван «либеральной вестернизацией», второго – «умеренным патриотическим консерватизмом». Если для команды Б.Н. Ельцина конституция являлась инструментом закрепления общечеловеческих (по сути своей западных) ценностей и принципов государственного устройства, посредством которых «новая» Россия должна была «возродиться, подняться с колен»⁴, то для Президента В.В. Путина конституционное законодательство рассматривалось и рассматривается в качестве средства упрочения традиционных ценностей, призванных устранить «исторический разрыв» между монархическим (дореволюционным), советским и постсоветским государством, тем самым выстроив единую историческую линию «Российской Федерации с ее тысячелетней историей» (ст. 67.1).

В современной России, в отличие от Союза ССР, отсутствует унифицированное название региональных конституционных актов. В субъектах-республиках действуют конституции, в других субъектах – уставы. Практически утратила правовую значимость традиция взаимосвязи федеративной и региональных конституций. Так, Конституция Республики Татарстан принята в 1992 г., практически за год до принятия Конституции РФ, Устав Санкт-Петербурга в 1998 г., Конституция Чеченской Республики 2003 г. и т.д. Закрепление конструкции многонациональный народ Российской Федерации в преамбуле и ст. 3 Конституции РФ не получило своего логического продолжения в большинстве конституций национальных республик. В уже упомянутой ранее Конституции Республики Татарстан отмечается, что «Настоящая Конституция выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа». При этом о связи названных народов с многонациональным народом России ничего не говорится. То же самое можно сказать о Конституциях Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея и др.

В отличие от советских «этапных» конституций действующая Конституция России не имеет цели «фиксирования периода государственной истории» и воспринимается в качестве документа в своем регулятивно-охранительном значении, ориентированного как на современное состояние российской государственно-правовой системы, так и на ее будущее в обозримой перспективе.

Говоря о понимании конституции в современной России, также следует обратить внимание на общетеоретический контекст правопонимания, в котором разграничиваются юридический позитивизм, юснатурализм, социологический, исторический, психологический подходы. Понимание советской конституции, равно как и других советских законов, осуществлялось сугубо в рамках юридического позитивизма. Законодательство в целом и конституция в частности рассматривались как

³ В преамбуле Конституции РСФСР 1978 г. содержалось положение о «народе РСФСР, сознающим себя неотъемлемой частью всего советского народа», такие же положения с уточнением национальной принадлежности народа соответствующей республики, содержали остальные республиканские конституции.

⁴ См.: Ельцин Б.Н. Текст выступления Б.Н. Ельцина после принесения Президентской клятвы (10.07.1991 г.) (два варианта). 1991. Режим доступа: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9678/> (дата обращения: 12.09.2023).

продукты и инструменты государственной деятельности, подчиненные в своем функционировании государственной целесообразности.

В действующей конституции закрепляется дефиниция Российской Федерации как демократического правового государства, что означает «подчиненность» государства праву. Закрепляя статус конституции как нормативного правового акта высшей юридической силы и прямого действия (ч. 1 ст. 15), ее авторы тем самым стремились подчеркнуть, что конституционные нормы по своей значимости располагаются «выше» норм и принципов как государственного, так и международного права. Закрепление на конституционном уровне неотчуждаемости основных прав и свобод, принадлежащих человеку с момента рождения (ч. 2 ст. 17), а также признание этих прав и свобод непосредственно действующими, обуславливает интегративный плюрализм современного российского конституционного правопонимания, в котором достаточно гармонично сочетаются юридико-позитивистский и естественно-правовой типы правопонимания. Кроме того, можно говорить об историческом типе современного российского конституционного правопонимания, на основании положений ст. 67.1 определяющих Российскую Федерацию как государство с тысячелетней историей «сохраняющего память предков.., признающего исторически сложившееся государственное единство.., чтящего память защитников отечества.., обеспечивающего защиту исторической правды».

*Проблема конституционного правопонимания
в контексте концепции «живой» Конституции*

Концепция «живого» права традиционно рассматривается в контексте социологического типа правопонимания. По мнению одного из основоположников этого направления О. Эрлиха, право, в своем социально-юридическом бытии, по большей части независимо от государства и его аппарата принуждения. Правовые явления как латентно, так и официально (легально) присутствуют в социальных практиках, и как бы только и ожидают социологически «подкованного» юриста, который выделит их из общественных отношений, облечет в юридическую форму и внедрит в юридический механизм позитивного правотворчества и правореализации (Antonov, 2013). Получается, что для «живого» права «в его европейской интерпретации), законодательная форма представляет собой лишь «внешнюю оболочку», изменение (либо отсутствие) которой, не способно ни создать (уничтожить), ни существенным образом изменить объективную по отношению к субъектам (государственным должностным лицам, политическим корпорациям) правовую субстанцию. В качестве примера такого восприятия можно привести принцип непосредственного действия прав человека (ст. 18 Конституции РФ). Данный принцип на практике получил свое практическое воплощение в английской конституционной традиции, начало которой было положено в 1215 г., когда была принята «Великая хартия вольностей», ряд положений которой сохранили свою юридическую значимость («правовую жизнеспособность») вплоть до настоящего времени и, таким образом, в формальном плане являются практически «вневременными» и «надгосударственными» правовыми феноменами (Minakov, 2015).

В американской интерпретации формальное право, воплощенное в аутентичных неизменных текстах (к числу которых относится конституция), «оживает», тогда, когда эти тексты начинают интерпретировать юристы высшей квалификации – судьи

Верховного Суда США (Berlyavskij, 2014). По мнению В.И. Червонюка: «Именно практика Верховного Суда США проложила путь к конституционной герменевтике: таким образом Конституция перманентно обновляется, принимаемые Судом общие нормы (принципы) конституционного значения расширяют нормативное содержание Основного закона» (Chervonyuk, 2020). Таким образом, представление об американской конституции как о «живой», предполагает сочетание неизменного аутентичного текста «перворожденной» конституции, «живущей» в качестве «правового откровения Отцов-основателей» и интерпретационной деятельности судей Верховного Суда, адаптирующих «священное конституционное писание» к изменяющимся жизненным реалиям.

В современном российском конституционном правопонимании, «живое» конституционное право в целом и «живая» конституция в частности, воспринимаются иначе чем в западноевропейской и североамериканской традициях. Отмечается, что: «Исходя из теории живой конституции (Living Constitution), содержание конституции не является статичным феноменом, а постоянно развивается под влиянием социальных изменений в обществе» (Salikov, Libanova & Ostapovich, 2019). Председатель КС РФ профессор В.Д. Зорькин полагает, что: «Заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции»⁵. Заявленная в «Концепции внешней политики РФ» характеристика Российской Федерации в качестве «самобытного государства-цивилизации», позволяет говорить о национальной (собственно российской) версии концепции «живой конституции» на базе которой формируется современное российское конституционное мировоззрение⁶. В данной концепции «жизнь» Конституции означает как возможность обновления ее текстуальной части (применительно к главам 3–8), так и смысловую коррекцию (в том числе, глав 1, 2, 9) «духа» конституционных норм судьями Конституционного Суда Российской Федерации. При этом вплоть до настоящего времени остается не решенным вопрос о возможности и юридической технике внесения изменений в преамбулу и второй раздел («Заключительные и переходные положения») конституционного текста.

Понимание «живой» Конституции РФ как юридической формы национального конституционного права, изменяемой как посредством законотворческой (главы 3–8, изменяются в порядке, предусмотренном для федеральных конституционных законов), так и интерпретационной деятельности органов конституционной судебной власти, влечет необходимость преодоления неопределенности в плане теоретической проблемы соотношения нормативных правовых и интерпретационных актов (актов официального нормативного толкования) (Lazareva, 2010), в комплексе

⁵ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Жизнь партии. 17.10.2018. Режим доступа: <https://kprf-rd.ru/zhizn-partii/bukva-i-duh-konstitutsii> (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ Термин конституционное мировоззрение был предложен экс-судьей Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондарем, полагающим, что: «Конституционное мировоззрение представляет собой сложное явление социальной действительности отражающее не только правовые, но и политико-идеологические, эмоционально-волевые, психологические, национально-культурные начала, действие которых, с одной стороны, непосредственно проявляется в общественных отношениях, составляющих предмет конституционного права, а с другой, предопределяется общественной практикой, которая по существу и выступает основой появления, развития, столкновения и преобразования социальных ценностей, воплощающих в себе основные характеристики конституционного мировоззрения и имеющих тенденцию к нормативному формализованному выражению» (Bondar', 2013).

формирующих феномен «живой» Конституции. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в обозначенном смысловом контексте, подобно творческому переводу стихов с одного национального языка на другой, приобретает свойства фактического «конституционного соавторства», по сути своей являющегося самостоятельным видом конституционного право- и законотворчества.

Заключение

Проблемы соотношения и определения главенства понятий «право» и «закон» являются областями, где конкретика юридических форм выражения права и юридические методы формирования и реализации права сливаются философско-правовым абстрагированием, что позволяет весьма свободно интерпретировать данные понятия с точки зрения российского юрико-лингвистического восприятия.

Метод циклического правогенеза является направлением научного исследования государства как системы политической организации населения и механизма публичной политической власти. За тысячелетнюю историю российской государственности обосновано выделение трех циклов политогенеза: монархический/имперский, советский республиканский, президентский республиканский. Указанные циклы представляют собой социокультурные явления, отличающиеся разными формами правления, приоритетами и ценностями, государственными и правовыми механизмами.

Концепция «живого» права традиционно рассматривается в контексте социологического взгляда на право. «Живая» Конституция Российской Федерации представляет собой гибкую юридическую форму конституционного права, которая может быть изменена как посредством законодательства, так и через толкование и применение Конституционным Судом, что вызывает важные теоретические вопросы относительно соотношения нормативных актов и прецедентов, определяющих содержание и интерпретацию Конституции. Из вышеизложенного следует, что проблематика конституционного права России включает в себя сложные вопросы взаимоотношения права и закона, понимания и трактовки конституции.

References / Список литературы

- Antonov, M.V. (2013) Eugen Ehrlich: living law versus legal pluralism? *Pravovedenie*. 1(306), 157–181. (in Russian).
Антонов М.В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // *Правоведение*. 2013. № 1(306). С. 157–181.
- Berlyavskij, L.G. (2014) Theoretical origins of the concept of a “living constitution” in the USA. *State Power and Local Self-government*. (11), 61–64. (in Russian).
Берлявский Л.Г. Теоретические истоки концепции «живой конституции» в США // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 11. С. 61–64.
- Bondar, N.S. (2013) At the root of the doctrine of “live” (real) national constitutionalism. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 4(93), 42–47. (in Russian).
Бондарь Н.С. У истоков доктрины «живого» (реального) отечественного конституционализма // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 4(93). С. 42–47.
- Pyin, V.N. (2018) Triad of S.S. Uvarov «Orthodoxy – Autocracy – Narodnost». *Altayskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby*. (16), 33–35. (in Russian).
Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность» // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2018. № 16. С. 33-35.

- Kartashov, A.K. & Akopov, V.S. (2005) Who is the owner of the Russian land? *Journal of Russian Entrepreneurship*. 6(4), 8–12. (in Russian).
Карташов А.К., Акопов В.С. Кто хозяин земли русской? // Российское предпринимательство. 2005. Т. 6. № 4. С. 8–12.
- Kuliev, D.T. (2020) Sharia and Fiqh: Concept, Sources and Relation. *Islamovedenie*. 11(1), 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>. (in Russian).
Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 13–25. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-1-13-25>.
- Lazareva, V.A. (2010) On the question of the correlation of the act of official normative interpretation and the normative legal act. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2(12), 95–104. (in Russian).
Лазарева В.А. К вопросу о соотношении акта официального нормативного толкования и нормативно-правового акта // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2010. № 2(12). С. 95–104.
- Minakov, P.A. (2015) Magna Carta: Modern legal interpretation. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 3(41), 149–154. (in Russian).
Минаков П.А. Великая хартия вольностей: современное правовое прочтение // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3(41). С. 149–154.
- Romashov, R.A. (2016) The Constitution of the RSFSR of 1918 and its place in the system of sources of Soviet constitutionalism. *History of State and Law*. (22), 14–21. (in Russian).
Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма // История государства и права. 2016. № 22. С. 14–21.
- Romashov, R.A. (2020) *Politogenesis: Temple- Polis- State-State*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. (in Russian). (in Russian).
Ромашов Р.А. Политогенез: Храм-Полис-Государство-State. Санкт-Петербург, Алетея, 2020. 300 с.
- Romashov, R.A. (eds.). (2021a) *Legal genesis: Tradition, will, law*. Batova, O.S., Bryleva, E.A. & Vetyutnev, Yu.Yu. et al. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. (in Russian).
Правогенез: традиция, воля, закон / О.С. Батова, Е.А. Брылева, Ю.Ю. Ветютнев и др. / под ред. Ромашова Р.А. Санкт-Петербург, Алетея, 2021. 480 с.
- Romashov, R.A. (2021b) Importance in the context of cyclical politogenesis. *Current problems of state and law in the comparative legal aspect: collection of scientific articles*. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov, pp. 16–23. (in Russian).
Ромашов Р.А. Понятие государства в контексте циклического политогенеза // Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте: сборник научных статей. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 16–23.
- Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional control rulemaking in the context of the doctrine of the living constitution. *Tomsk State University Journal*. (440), 219–230. (in Russian).
Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–230.
- Tarasov, I.P. (2010) On the question of the correlation of subjective and objective in law. *European Social Science Journal*. (2), 5–11. (in Russian).
Тарасов И.П. К вопросу о соотношении субъективного и объективного в праве // Европейский журнал социальных наук. 2010. № 2. С. 5–11.
- Chervonyuk, V.I. (2020) Transformation of the idea of a “living constitution” in Russian constitutional practice. *Law and state: theory and practice*. 2(182), 124–128. (in Russian).
Червонюк В.И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2(182). С. 124–128.

Сведения об авторах:

Ромашова Мария Романовна – преподаватель-методист кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления (филиал РАНХиГС); 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43

ORCID ID: 0009-0003-0504-5822; SPIN-код: 7179-0556

e-mail: 7029807@mail.ru

Панченко Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; 117638, РФ, г. Москва, ул. Азовская, 2/1; главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79; профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38/1; главный научный сотрудник, Московский университет им. А.С. Грибоедова; 105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35/1; главный научный сотрудник научно-исследовательского института, ФСИН России; 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15а/1

ORCID ID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-код: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

About the authors:

Maria R. Romashova – Teacher-methodologist of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management, RANEPА branch; 57/43 Sredny ave. V.O., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0003-0504-5822; SPIN-code: 7179-0556

e-mail: 7029807@mail.ru

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Legal Sciences, head of the Department of Theory, History of State and Law of All-Russian State University of Justice; 2/1 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Chief Researcher of the Moscow University named after A.S. Griboyedov; 35/1 Novaya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Chief Researcher of the Siberian Federal University; 79 Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of Moscow State Linguistic University; 38/1 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation; Chief Researcher of Moscow University named after A.S. Griboyedov; 35/1 Novaya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 15a/1 Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-code: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕНЫЕ-ПРАВОВЕДЫ ФРОНТОВИКИ

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-390-406>
EDN: JWMSX

Научная статья / Research Article

Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечека

Н.А. Власенко

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
[✉nikolai_vlasenko@mail.ru](mailto:nikolai_vlasenko@mail.ru)

В.И. Нижечека по праву можно называть разработчиком концепций социального регулирования, роли права в этой системе, взаимосвязи права и нравственности, права и других социально-регулятивных феноменов. Его книги, научные статьи и по сей день являются фундаментом, отправным моментом в данной проблематике (Nizhechek, 1973a; Nizhechek, 1973b). Именно его работы послужили методологией, первоначальной вехой в изучении социально-регулятивных проблем правоведами советской и постсоветской эпох¹.

Представленный материал впервые освещает жизненный путь ученого-фронтовика и содержит анализ его известных трудов. Кроме того, автор делится и собственными впечатлениями от встреч и общений с В.И. Нижечекком.

Аннотация. Исследуется роль советского ученого-фронтовика В.И. Нижечека в разработке и становлении концепций социального регулирования, его значения в управлении делами общества, функций и потенциала права, соотношения и связи его с таким социальным регулятором как нравственность. В.И. Нижечек исходит из того, что правовое и социальное регулирование имеют общую природу, глубоко связаны, едины во многих практических проявлениях. Ученый приходит к выводу, что правовые регуляторы, по существу, – составная часть социальной регуляции в обществе, при этом автор не отрицает самостоятельной природы права. Особое внимание уделяется

¹ См., например: Kulazhnikov & Shepelev, 1985; Vaimakhanov, et al., 1995; Nersesyants, 1986; Golovkin, 2005; Tumurova, 2005; Nebratenko, 2011; Baranova, 2010; Kovalyova, 2015 и др.

© Власенко Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

нравственному регулированию, связи правовых норм и нравственных. Однако Нижечек в одинаковой мере исследует самые разные социальные регуляторы – корпоративные нормы, этические, религиозные и др. Исследователь не проводил различия между моралью и нравственностью. Между тем В.И. Нижечек считает, что в системе социальной регуляции доминирующая роль принадлежит морали, при этом автор указывает на так называемую «близость» морали и права. Автор проводит соответствующие параллели, подтверждая и доказывая системность социального регулирования. Кроме того, В.И. Нижечек анализирует и такой важный, и в прошлом и в настоящем, вопрос теории права как инструментарий правового регулирования. Автор рассматривает развитие правового регулирования под углом зрения расширения его объема и усиления роли в жизни советского общества. Делается вывод и об усложнении динамики правового регулирования. Приводится идея о тесной связи экономического и правового методов регулирования. Автор полагает, что не может быть никакого противоречия между указанными методами, ибо все экономические методы опосредуются нормами права. Материал предваряют личные воспоминания автора статьи о встречах и общении с В.И. Нижечеким, а также учеными, коллегами, окружавшими и работающими с ним.

Ключевые слова: социальное регулирование, правовое регулирование, нравственность, механизм правового регулирования, управление

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 28 октября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Власенко Н.А. Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечека // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 390–406. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-390-406>

Social and legal regulators. Conceptual developments by V.I. Nizhechek

Nikolai A. Vlasenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikolai_vlasenko@mail.ru

V.I. Nizhechek stands as a prominent figure in the realm of social regulation, credited with pioneering key concepts concerning the interplay of law within this system, as well as the intricate relationships between law and morality, and law and other socio-regulatory phenomena. His seminal books and scholarly articles continue to serve as the fundamental bedrock and pivotal starting point for the exploration of these complex issues (Nizhechek, 1973a; Nizhechek, 1973b). Notably, his works have not only laid the groundwork but also provided a methodology and essential initial reference for legal scholars throughout the Soviet and post-Soviet eras².

This material notably sheds light for the first time on the extraordinary life journey of this distinguished academic, offering an insightful analysis of his renowned works. Moreover, the author shares personal reflections stemming from direct encounters and exchanges with V.I. Nizhechek.

Abstract. The role of the Soviet scientist-activist V.I. Nizhechek in the development and establishment of social regulation concepts, and its importance in governing societal affairs, as well as functions and potential of law, and its relationship with morality as a social regulator are thoroughly

² Refer to: Kulazhnikov & Shepelev, 1985; Baimakhanov, et al., 1995; Nersesyants, 1986; Golovkin, 2005; Tumurova, 2005; Nebratenko, 2011; Baranova, 2010; Kovalyova, 2015.

explored. V.I. Nizhechek posits that legal and social regulations share a common nature, are deeply interconnected, and exhibit numerous practical manifestations of unity. While acknowledging the independent nature of law, the scientist concludes that legal norms essentially form a component of social regulation in society. Notably, the author emphasizes moral regulation, and the interplay between legal norms and morality, while examining various social regulators such as corporate norms, ethnics, religion, and others. V.I. Nizhechek does not differentiate between morality and ethics; however, he asserts that morality holds a dominant role in the system of social regulation, highlighting the so-called “proximity” of morality and law. Moreover, the author draws relevant parallels that substantiate the systematic nature of social regulation. V.I. Nizhechek delves into the crucial question of the theory of law as a tool of legal regulation in historical and contemporary contexts. He considers the evolution of legal regulation in terms of broadening its scope and reinforcing its role in Soviet society, ultimately concluding that legal regulation has become more complex. The concept of the intimate connection between economic and legal methods of regulation is presented; the author asserts that there may be no contradiction between these methods of regulation since all economic methods are mediated by legal norms. The material is prefaced by the author's personal recollections of meetings and conversations with V.I. Nizhechek, as well as with scholars, colleagues, who were associated with him.

Key words: social regulation, legal regulation, morality, mechanism of legal regulation, governance

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 28th October 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Vlasenko, N.A. (2024) Social and legal regulators. Conceptual developments by V.I. Nizhechek. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 390–406. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-390-406>

Биография и основные вехи трудовой деятельности. Нижечек Владимир Ильич (9 сентября 1921 г. – январь 2005 г.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Родился в г. Иркутске. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1950 г. окончил Иркутский филиал Всесоюзного юридического заочного института. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Организационно-массовая работа местных советов (правовые формы)». В 1975 г. в Свердловском юридическом институте защитил докторскую диссертацию на тему «Правовое регулирование в системе нормативного регулирования общественных отношений».

Трудовой стаж В.И. Нижечека 64 года. Его основные составляющие: с февраля 1964 г. по май 1978 г. работал заведующим кафедрой теории и истории государства и права Иркутского государственного университета; с июля 1993 г. по январь 2000 г. – директором Иркутского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ; с 2000 по 2005 г. – заведующим кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Сфера его научных интересов – теория государства и права; история государства и права; история политических и правовых учений; философия права; политология.

В.И. Нижечек подготовил и опубликовал более 60 научных работ, среди них 15 монографий и учебных пособий: «Советская демократия и рост творческой активности масс» (Иркутск, 1960), а также уже упоминавшиеся «Советское право в

системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений» (Иркутск, 1973); «Право и нравственность в социалистическом обществе» (Иркутск, 1973). В начале XXI века у автора выходят в свет «Очерки политологии» (М., 2001); «Философия права» (Иркутск, 2002) и др.

Имеет 9 государственных наград, большинство из которых получены в годы Великой Отечественной войны.

Личные впечатления. Мое знакомство с Владимиром Ильичем Нижечком можно разделить на два периода – студенчество (1973–1978 гг.) и работа при областной администрации в бытность директором Института регионального законодательства (1995–2001 гг.).

В начале студенческие воспоминания. Прежде скажу общее: считаю, что студенческие годы в части нашей профессиональной подготовленности и воспитания были достойными и счастливыми. Не хочу как-то поносить современное юридическое образование, к которому причастен сам, но у него отсутствует многое и, если не главное, – это «штучность» будущих специалистов, наставничество, где-то простите за фразу «домашность», т.е. какие-то в широком смысле комфортные для молодого человека условия. Современное юридическое образование — это конвейер, где студент чаще плохо знаком с преподавательским составом, а преподаватель, в свою очередь, не знает его, как и подавляющее большинство обучающихся. А если к этому добавить немалое количество преподавателей-почасовиков, которые часто работают по принципу – «влетел» в аудиторию, иногда с опозданием, «отпел», что мог и вылетел пораньше, чтобы успеть то же самое сделать в другом вузе. Им, как правило, не до лиц и эмоций студенческой массы, а также не до качества усвоенного учебного материала. В тот период такого не было – профессорско-преподавательские коллективы были небольшими и высококвалифицированными. Кандидатские и докторские диссертации готовились упорно и годами, жестко был поставлен контроль над повышением квалификации; монографии и учебные пособия выходили не абы как, а только если они отвечали соответствующим критериям. Словом, каждый преподаватель был человеком в своем деле неслучайным, высококлассным специалистом и его знали, ценили многие выпускники. И бывшие студенты какого-либо из факультетов иногда говорили: «А ты учился у такого-то?», «Да, – отвечал другой, – и ты его шутку на лекциях слышал? – Да»: Потом смех, какой-нибудь еще курьез. И это сближало специалистов, пришедших в разные годы в студенческую семью какого-либо вуза или факультета. Выпускники любят таких преподавателей, приглашают на свои вечера встреч, чтобы вспомнить студенчество, молодость вместе со стареющими педагогами. К сожалению, и эта культура, именно человеческая и профессиональная, уходит. Я проработал в нескольких вузах в разных городах России (Иркутск, Екатеринбург, Тюмень, Москва) и могу с уверенностью сказать, что нам повезло, мое поколение успело захватить и вырасти в условиях не парниковых, а пестования научного цветка.

Владимир Ильич был одним из таких наставников, седовласый, уверенный, крепкий, чуть с хитрецой в глазах и юмором. Таким запомнился мне, когда он пришел на пятый курс читать «Проблемы теории государства и права». Мы были повзрослевшими, четыре года учебы позади; стройотряды и сельхозработы нас многому научили. Научили и изучать людей, и внимательно следить за каждым движением, и умению общаться, и делиться знаниями. Он сразу взял в нашей аудитории, в хорошем смысле, власть, и не окриками и фразами об угрозе репрессий со стороны

деканата, а умением говорить и широтой знаний. То, что он прошел войну, служил в боевых военных частях, я узнал намного позже, когда мы вместе работали в Иркутске.

Лекции по проблемам теории государства и права В.И. Нижечек строил очень грамотно. Но оцениваю я это не только с позиций студента пятого курса, но и теперь, когда с этой областью науки прошла большая часть жизни. Дело в том, что я сохранил конспекты лекций. Надо сказать, что когда я работал молодым преподавателем, то обращался к ним: меня интересовало не только содержание, но и методика изложения материала. Сегодня я открываю пожелтевшую от времени тетрадь конспектов, с удовольствием читаю и понимаю, что лектор тщательно подходил к сложному материалу, продумывая каждую мысль и где-то каждую фразу. Хотя нам тогда казалось, что он читает как-то уж очень легко и непринужденно, как будто он все знает и время на подготовку ему не требуется. Только спустя годы, когда я сам пошел в аудиторию, понял – чтобы так читать, нужно не только хорошо владеть материалом, но и уметь его подать, а все это требует не только таланта, но и усердия. Безусловно, тема «право в системе социального регулирования» была, что называется его коньком. Но тогда я не знал, что, по сути, это его докторская диссертация. Интересными и совсем новыми для нас были его суждения о рекламе, нравственности и роли права, о нормах моды и роли права и др. Дело в том, что многие из этих вопросов только в последнее время стали исследоваться учеными (Головкин Р.Б., Баранова М.В. и др.). Тогда это казалось, безусловно, не только интересным, но каким-то чужим, не совсем вписывающимся в «социалистическое» понимание действительности.

Когда я пришел работать на кафедру теории и истории государства и права, В.И. Нижечек уже не работал в Университете. Так сложились обстоятельства, о чем я очень сожалел. А встретились мы с ним спустя много лет, где-то в середине 90-х гг. В то время он руководил Иркутским филиалом Российской правовой академии. А я работал директором Института регионального законодательства при Администрации Иркутской области; был молодым доктором наук и профессором по той же юридической специальности, что и Владимир Ильич. У нас завязалась, не побоюсь сказать, дружба; мы помогали друг другу — я был председателем ГЭК в его филиале, читал лекции, рецензировал его работы, например, его книгу «Очерки политологии». По некоторым вопросам тогда его новаторской работы мы спорили. В коллективе его уважали и любили. Мне особенно нравилось принимать государственные экзамены в субботние дни, так строился график сессии. Студенты после экзамена уходили и в здании оставались только члены государственной комиссии. Мы обсуждали итоги экзамена, часто спорили о качестве ответов, потом пили чай. В составе комиссии были интересные люди, много рассказывалось юридических «баек», вспоминали прошлое. Особенно интересно было слушать профессора Гаверова Г.С., к сожалению, ныне также покойного. Он обладал несомненным талантом рассказчика; кроме того, хорошо пел, играл на многих музыкальных инструментах. Помимо того, что он был признанным авторитетом в юридической науке, он был еще и писателем, и поэтом; дружил с Е. Евтушенко. В разных издательствах у него вышло немало интересных художественных книг — это повести, рассказы и стихи. До сих пор помню, как он читал:

Над Ваганьковским кладбищем стелется
В серых красках предутренний свет,
До сих пор мне, убей, но не верится,
Что Володи Высоцкого нет.

Художественный талант Г.С. Гаверова отмечала Литературная газета; эта публикация была посвящена его светлой памяти³.

Творческое наследие. В.И. Нижечек оставил достаточно богатое и разнообразное творческое наследие, его научная разносторонность поражает: государствоведческая тематика переплетается с очень сложными вопросами теории права. Причем многие общепрофессиональные проблемы, поставленные им в науке, требовали глубокого понимания, объемных и разносторонних знаний, например, социальное регулирование и право в современном обществе и др. Исследование этой тематики *предполагает* знания философии, этики, социологии и др. Автор где-то легко переходит в тот период времени к новым и достаточно сложным проблемам теории права – это социальнопсихологические аспекты правового регулирования, его механизм и др.

Отдельную книгу профессор Нижечек, как отмечалось, посвящает политологической тематике («Очерки политологии». Иркутск, 2001) и, как ее продолжение, в 2002 г. выходит книга «Философия права», которая, к сожалению, стала последней в жизни автора.

История государства Российского, ее перипетии ученому также были не чужды, о чем свидетельствует последняя научная статья В.И. Нижечека «Вопросы политического развития современного Российского государства» (Nizhechek, 2006). «Эксперимент, – отмечает Нижечек, – начатый в 1917 г., завершился в 1991 г. распадом государства, социалистического лагеря и коммунистического движения. Попытка преодоления идейного кризиса через отказ от традиционных ценностей оказалась безрезультатной» (Nizhechek, 2006:88). Относительно постсоветского государства автор справедливо отмечает следующее: «Вопрос о природе вновь возникшего государства представляется очень важным и в философском, и в государственно-правовом смысле. От его решения зависит трактовка целого ряда вопросов» (Nizhechek, 2006). Сам же автор полагает следующее: «Современная Россия выступает не только как преемница Советского Союза, но и как преемница Российской империи. Отсюда стремление к естественным границам, особой роли в Европе и мире, великодержавный синдром, усиливающийся еще и тем, что каждое из государств СНГ, будучи политически суверенным, экономически, демографически и в культурном плане во многом ориентировано на Россию» (Nizhechek, 2006:86).

Безусловно, экскурс по научным работам, в том числе научным статьям В.И. Нижечека, может быть долгим и требует системности. Мне представляется, что все-таки главный научный труд, можно сказать, песня ученого — это книга «Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений» (Иркутск, 1973). На замысле и отдельных фрагментах книги и хотелось бы остановиться автору этих строк.

Право и социальное регулирование. Заявленная тема, судя по названию монографии, видится В.И. Нижечеку достаточно широкой и объемной, что оправдано, ибо речь идет о системе социального регулирования, имеющей сложное многоуровневое строение. Кроме этого, связи и взаимозависимость, возникающие между правом и иными социальными регуляторами, многообразны и многоаспектны, порой трудно уловимы для исследователя. Автор отдает себе отчет в том, что «освещение вопросов, связанных с различными видами неправового нормативного регулирования, ведется лишь в плане их соотношения и взаимодействия с правовым регулированием»

³ Крутер М. Я. Вас всех любил. Лит. газета. 14 мая. 2011. № 23.

(Nizhechek, 1973a). Далее В.И. Нижечек отмечает, что стремится к четкому ограничению предмета исследования, которое носит системный и комплексный характер, ибо тема лежит на стыке общей теории права, социологии, этики и ряда других наук. «Работа, – подчеркивает ученый, – не претендует на полноту охвата всех вопросов, ибо каждая из раскрываемых в ней линий связи и взаимодействия между правовым и иным нормативным регулированием является предметом отдельного самостоятельного изучения» (Nizhechek, 1973a:6). Пишу это не только для того, чтобы подчеркнуть ответственность автора, но и, рекомендовать начинающим исследователям корректно выбирать тему научной работы, четко определяя ее предмет, что, несомненно, повысит ее результативность.

Управление – урегулированность общественных отношений – право. Перечитывая книгу Нижечека, понимаешь, что автор искал ключ, подход к рассмотрению проблемы. Нормы права и социальное регулирование имеют общую природу, глубоко связаны, едины во многих практических проявлениях, и здесь можно предложить не одно, а несколько направлений анализа их соотношения, взаимодействия и самостоятельности. Автор, на мой взгляд, остановился на более практическом и где-то «юридическом» подходе в исследовании, причем достаточно непросто: он привлек теорию управления современным обществом. Иначе говоря, ученый усматривал глубокую связь между управлением, необходимостью урегулированности общественных отношений и ролью правовых и иных неправовых регуляторов. С его точки зрения, именно такой взгляд позволяет видеть наиболее важные стороны связи и различия социальных регуляторов. В.И. Нижечек в своем подходе, безусловно, прав, ибо рассматривать данную проблему необходимо только с позиции *функциональности и прагматики*. Несомненно, за рамками исследования остались другие аспекты, например, общая природа социальных стандартов поведения, их значение и ценность и др. Но здесь осуждать автора невозможно, ибо он четко оговорил предмет исследования, подчеркивая при этом, что есть другие возможности изучения проблемы.

Но пойдем дальше и посмотрим, что получилось в результате; какими суждениями обогатилась юридическая наука.

После достаточно тщательного изучения теории управления (Nizhechek, 1973a:7–50), как это видно из содержания книги, В.И. Нижечек сделал вывод, что эффективное управление обществом требует «уяснения соотношения между управлением и регулированием общественных отношений, причем регулированием в самом широком плане, предполагающем использование всех, в том числе и правовых средств» (Nizhechek, 1973a:30). Далее исследуется, пожалуй, впервые в советской юридической науке проблема управляемости общества с позиции социальной регуляции и роли каждого из его компонентов, о чем пойдет речь ниже.

О социальных регуляторах. Подчеркнем, философские основания книги многообразны и достаточно глубоки, в частности, целый раздел посвящен социальным нормам. Безусловно, спустя 50 лет после того, как вышла монография, многие ее положения теперь широко известны и где-то стали азбучными. Многие, но далеко не все. Вот, например, мысли автора о природе социальных правил, их регулятивных особенностях. Юридическая наука исходит из того, что социальные нормы – общие правила поведения, разновидностью которых являются правовые. Об этом можно узнать практически из любого учебника по теории государства и права. Между тем, эту, с позволения сказать, «упрощенность» рассеивает В.И. Нижечек. Приведем ряд его высказываний.

Во-первых, автор отмечает, что положение о том, что социальные нормы – это правила поведения, требует уточнения (Nizhechek, 1973a:65), и поясняет: «У разных видов социальных норм всеобщность проявляется неодинаково, ибо они отличаются друг от друга по числу адресатов, по действию во времени и в пространстве, по степени обязательности» (Nizhechek, 1973a:66). Затем исследователь заключает, что всеобщность характеров предписаний, содержащихся в социальных нормах, относительна. При всем различии масштабов всеобщности, – отмечает ученый, – нормы обладают известной качественной определенностью. И вслед за этим делается вывод: «Несмотря на все различия по охвату регулируемых отношений, а, следовательно, и по масштабам всеобщности могут и должны быть определены единые критерии, лежащие в основе признания общего характера той или иной социальной нормы» (Nizhechek, 1973a:66). Далее для «измерения» уровня всеобщности социальных норм автор предлагает использовать критерии, выработанные в юриспруденции, с которыми нельзя не согласиться (Nizhechek, 1973a:66–67). Хотелось бы обратить внимание и на такую деталь как идея определенности социальной нормы. Представляется, что все социальные регуляторы, в том числе и правовые, на что мне пришлось обращать внимание (Vlasenko, 2013), обладают качеством определенности и способностью движения от неопределенности к определенности, что является необходимым свойством любого регулирования, в том числе и правового⁴.

Автор искренне считает, что «социальное регулирование зависит от господствующих в обществе экономических отношений, от классовой структуры и политического строя, от того, кем, с какой целью и при помощи каких средств осуществляется регулирование общественных отношений (Nizhechek, 1973a:34). Думаю, вряд ли это можно оспорить, так же, как и положение о том, что «социальное регулирование предстает перед нами как *объективная закономерность* общества на каждом этапе его развития (Nizhechek, 1973a:34) (*курсив мой*. – Н.В.). В качестве методологической основы выбран тезис о том, что «познание объективных законов развития социальной жизни дает человеку возможность осмысленно, с пониманием дела регулировать общественные отношения» (Nizhechek, 1973a:34). При этом ученый обосновывает свои положения об объективном характере социального регулирования идеями К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Речь идет о значении в общественном развитии экономического уклада, принципов разделения труда, роли конкуренции и др. Надо сказать, еще в недавнем прошлом, так называемом периоде постсоциализма, и в настоящее время многие авторы энергично отрицали и отрицают марксизм и его материализм. Однако, по моему убеждению, отрицание материалистической диалектики, увлеченность «новыми» методологическими подходами пока не принесли реальных научных результатов. Сегодня, к счастью, ситуация меняется: на смену пришло более спокойное отношение к материализму, в частности, в представлении его К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным⁵. При этом надо сказать, что труд В.И. Нижечека характеризует политическая сдержанность. В отличие от других, автор не бросается рьяно критиковать или, более того, «клеить» буржуазию «за все грехи». Он пишет, что буржуазия «также предпринимает попытки регулирования отношений, складывающихся в различных сферах общественной

⁴ Диаграмму движения от неопределенности к определенности как внутреннее качество регулирования в праве показывает М.В. Залоило. См.: (Zaloilo, 2011).

⁵ Наиболее последователен в части материалистического понимания общественного развития и роли права является В.М. Сырых. Подробнее о дебатах по этому вопросу см.: (Syrykh, 2011:21–126) и др.

жизни, что она не отказывается от целенаправленного воздействия на социально-экономические процессы» (Nizhechek, 1973a:35).

Интересно положение об объекте социального регулирования, которым, по мнению исследователя, являются «все *основные сферы жизни общества*» и «все складывающиеся там отношения» (Nizhechek, 1973a:42) (*курсив мой*. – Н.В.). Далее ученый пишет: «Сложнейшее переплетение различных процессов в этих сферах так или иначе регулируется, подчиняется определенному порядку. Разумеется, – *указываются далее*, – каждая из этих сфер обладает своими свойствами, которые и обуславливают особенности ее упорядочивания» (Nizhechek, 1973a:42). Границы общественных сфер социального регулирования, по мысли Нижечека, определяются не только объективными процессами, но и средствами регулирования, например, нравственными, административными и другими⁶.

Рассматривая вопросы закономерностей в механизме социального регулирования, его предмета и роли права, автор подходит к сложнейшей проблеме соотношения понятий «управление» и «регулирование», указывая, что при «ее решении следует избегать двух возможных крайностей – как отождествления данных понятий, так и их противопоставления». Далее ученый отмечает, что «обоснование вывода о том, что регулирование – лишь одно из выражений управления обществом, поможет найти ключ к совершенствованию механизма общественного регулирования в условиях социализма» (Nizhechek, 1973a:50). Оставим в покое социализм, ведь автор жил и творил в этот период времени, а вот постановка вопроса о связи «управления» и «регулирования», неидентичности этих понятий – заслуга ученого. Однако В.И. Нижечек на этом не останавливается и пытается осмыслить, в связи с анализируемыми понятиями, место и роль категории «руководство обществом». Понятно, что все это исследовалось в свете роли и функций КПСС. Между тем сама мысль о связи «регулирования», «управления» и «руководства» достаточно плодотворна, актуальна и в современный период. Например, автор полагал, что «руководство органически включает в себя деятельность по регулированию складывающихся в обществе отношений: невозможно осуществлять руководство обществом, не устанавливая определенные нормы, не организуя их исполнение и не охраняя их и др.» (Nizhechek, 1973a:55). Сегодня, когда мы пытаемся осмыслить качество руководства современным российским обществом, например, роль и место посланий Президента Российской Федерации, концепций развития отдельных сфер, программ и др. – многие положения автора актуальны и несомненно, имеют практическую ценность. Справедливости ради надо сказать, что не все выводы автора бесспорны, например, о том, что понятия «управление обществом» и «руководство обществом» в условиях социализма совпадают (Nizhechek, 1973a:54). Думаю, что даже в условиях социализма такое вряд ли может быть в силу того, что управление – процесс объективный, да и само понятие более емкое, а руководство – лишь его часть, но очень важная, системообразующая.

Автор смело вторгается в имеющую в то время место дискуссию о природе социальных норм, тщательно анализируя точки зрения философов и юристов-теоретиков по данной проблематике. К слову сказать, если судить по количеству литературных источников, появившихся в тот период времени по этой проблеме, то юристов, пожалуй, сказанное интересовало в большей мере, чем философов. Однако в настоящее время данная проблематика, к сожалению, исследуется слабо как

⁶ В настоящее время этой проблеме посвящена интересная книга «Границы правового регулирования» (Plyugina & Cherepanova (eds.), 2011).

философами, так и правоведами⁷. С большинством положений автора можно согласиться. Например, поддерживая точку зрения Н.Г. Александрова о том, что большинство норм нравственности и др. имеют характер дозволений и рекомендаций, он пишет, «что суждения о должном и возможном поведении далеко не всегда могут быть выражены в нормах в виде рациональных формул. В некоторых нормах эти суждения выступают часто как нечто самоочевидное, а также в качестве вкусов и предпочтений, психологических барьеров» (Nizhechek, 1973a:68). Трудно сказать или как-то измерить, каких норм и правил сегодня больше в сфере нравственности – запретов или дозволений, тем более что автор об этом говорил относительно социалистического общества. Ясно одно: эта грань очень зыбкая и подвижная. Нижечек подводит итог исследованию и констатирует, что «социальные нормы обусловлены достигнутой ступенью экономического, социально-политического и культурного развития общества, они отражают национальные и исторические особенности страны» (Nizhechek, 1973a:74).

Другие выводы Нижечека В.И. в связи с исследованием социальных правил также следует оценить и считать вкладом в развитие философских и правовых наук. Во многом они аккумулированы в определении социальной нормы «как обусловленном уровнем экономического, социально-политического и культурного развития общества и отражающем национальные и исторические особенности жизни страны общим правилом поведения людей, которое, будучи выраженным в виде принципа или в виде веления, предусматривает типичную ситуацию, встречающуюся в обществе и рассчитанную на неоднократное применение, и не имеет персонально указанных адресатов, являясь средством воздействия на волевое, социальное поведение индивида и тем самым обеспечивает регулирование общественных отношений» (Nizhechek, 1973a:75).

Конечно, в оценке социальных регуляторов исследователь не избежал, а если учесть период времени, и не мог – господствующего в том время социалистического подхода и соответствующих оценок. Однако, в отличие от других работ того времени, В.И. Нижечек скромно, например, в части оценки «шумевшей» идеи формирования «правил социалистического общежития». Он лишь отмечает, что «правила социалистического общежития» представляют собой принципиально новое понятие, отличающееся и по объему, и по содержанию от понятия социальной нормы социалистического общества. Последовательное возрастание их роли в нормативном регулировании социалистических общественных отношений – это закономерность развития общества в строительстве коммунизма (Nizhechek, 1973a:97).

Системный анализ в исследовании социальной регуляции. Понятно, что если автор анализирует право в системе социального регулирования, то использование системного подхода неизбежно. Тем более это был исторический период увлечения и, наверное, без преувеличения сказать, пик развития системных исследований в отечественной философии. В то время многие правоведа увлеклись работами философов-системников В.И. Свидерского, А.Н. Аверьянова, И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина, В.Г. Афанасьева, В.Н. Садовского и др. Применение системного подхода позволило автору сделать ряд важных выводов. Во-первых, ученый указал на роль нормативности в обществе, присущей разным общественным отношениям, и достаточно высоко оценил ее. Надо заметить, что в настоящее время современному

⁷ Сказанное не означает, что данная тематика в полном забвении. Достаточно интересна, например, работа Головкина Р.Б. и Кужекова А.Ю. Технология регулирования общественных отношений: право и нравы (Golovkina & Kuzheikova, 2009).

обществу качества нормативности явно не хватает, в том числе в правовом регулировании, например, во введении в правовую систему таких документов, как концепции, программы, прогнозы и другое, не может не влиять на уровень нормативности системы права в целом⁸. Во-вторых, автор характеризует структуру нормативной системы, т.е. место и функции ее компонентов, и в этой связи указывает: «Нормативная система – особое, реальное, относительно самостоятельное явление, связанное с функционированием классов, государства, общественных организаций» (Nizhechek, 1973a:124). И далее отмечает, что «ее можно рассматривать в качестве одной из подсистем общества, наряду с такими ее подсистемами, как политическая, социально-экономическая, социально-культурная и др.» (Nizhechek, 1973a:125). Итак, ученый, основываясь на системном методе, его требованиях, которые, кстати, им достаточно последовательно изложены, говорит, что нормативная система, в свою очередь – подсистема общества наряду с другими. И далее, все более углубляясь в проблематику, отмечает: «В свою очередь, нормативная система явление системное, многоструктурное, и подразделяется на ряд подсистем» (Nizhechek, 1973a:125) (курсив наш – Н.В.) и заключает: «поскольку нормативное регулирование осуществляется посредством как правовых, так и иных социальных норм, нормативную систему можно представить состоящей из ряда подсистем: нормативной правовой подсистемы, нормативной нравственной подсистемы, нормативной корпоративной подсистемы и др. Но каждая из этих подсистем включает в себя некоторые менее емкие системы, находящиеся в отношении их определенной субординации. Так, в нормативной правовой системе –отмечает автор, можно выделить подсистемы, построенные по отраслевому признаку: систему административно-правового регулирования, систему уголовно-правового регулирования, систему гражданско-правового регулирования и др. В корпоративной системе, указывает автор, можно выделить систему профсоюзного регулирования, кооперативного регулирования и т.п.» (Nizhechek, 1973a:127). Как видно, *системный метод* позволил автору достаточно четко представить нормативный массив как *систему*, проанализировать связи между ее *подсистемами*. В заключении В.И. Нижечек справедливо указывает, что «в *системе* социальных норм советского общества каждый вид норм имеет свое принадлежащее ему место, без которого он утратил бы свое свойственное ему своеобразие и не мог бы участвовать в общем механизме правового регулирования» (Nizhechek, 1973a:129).

Об особенностях правового регулирования. Период 70-х годов прошлого века характеризуется интенсивными «всплесками» исследований по ряду направлений. Одним из них явилось правовое регулирование, где к дискуссионным относились проблема соотношения правового и индивидуального правового регулирования, роли комплексов норм, т.е. их участия в достижении правового результата и т.д. Достаточно плодотворно в этом направлении трудились В.М. Горшенев, С.С. Алексеев, А.В. Мицкевич, В.В. Лазарев, Л.С. Явич и др.

Профессор Нижечек также высказывается по ряду достаточно дискуссионных вопросов. Безусловно, в тот период времени указанные проблемы были новыми и слабо исследованными. Кроме того, приходилось бесконечно оглядываться на идеологические установки. Но все же: вряд ли можно согласиться с оценкой автора роли в правовом регулировании, например, дефинитивных норм. В книге справедливо указывается, что в таких нормах «закрепляются те или иные принципы,

⁸ Подробнее: (Yurtaeva, 2012; Mamyasheva, 2023).

формулируются понятия и т.д. Эти нормы, подчеркивает автор, представляют собой неотъемлемый элемент любой отрасли права, каждого правового института и всего права в целом. Дефинитивные нормы оказывают *воздействие* (курсив наш. – Н.В.) на соответствующие общественные отношения через право, его отрасли и институты, а также самостоятельно, являясь их составной частью. Однако, акцентирует внимание Нижечек, следует полагать, что и в том, и в другом случае имеет место воздействие на социальные процессы, а не их регулирование. Специфика норм этого вида состоит в том, что они непосредственно не устанавливают юридических прав и обязанностей субъектов правового общения» (Nizhechek, 1973a:178). Между тем это вряд ли правильно. Дефинитивные нормы – составной элемент системы права, как и другие – регулятивные, охранительные и т.д. Отторгает и, видимо, «пугает» автора то, что они непосредственно не предоставляют субъективных прав и не налагают субъективных обязанностей, так как у них иная функция или, иначе говоря, специализация в правовом регулировании. Их основная задача – определение понятий, содержащихся в нормах права, с помощью которых объекты правового регулирования приобретают содержание и грани. Тем самым они также участвуют в механизме правового регулирования, тесно сливаясь с иными правовыми правилами. Таковы их функции, и поэтому относить их к механизмам правового воздействия, вряд ли оправданно⁹.

Спорен и вывод автора о том, что «единственным видом правовых норм, способным непосредственно осуществлять правовое регулирование, являются регулятивные нормы» (Nizhechek, 1973a:179). Автор не учитывает, что правовое регулирование невозможно только посредством регулятивных норм. В правовом регулировании все сложнее, и я попытался показать это на примере дефинитивных норм. Субъективными правами и обязанностями участников правоотношений наделяют и запретительные, и обязывающие нормы. Дело лишь в том, что это специфические, часто, общие обязанности, и соответственно порождающие, общие правоотношения. Более точен коллега В.И. Нижечек – С.С. Алексеев, который на этот счет писал, что такие правовые отношения можно отнести к «правоотношениям пассивного типа», ибо здесь «положительные действия совершаются управомоченным лицом (ему предоставлено право на положительные действия), а на обязанное лицо возлагаются обязанности пассивного содержания, т.е. воздерживаться от поведения известного рода (правоотношения собственности, многие конституционные правоотношения и др.)» (Alekseev, 1982:109).

О нравственных и правовых регуляторах. Следует отметить, что автор в одинаковой мере исследует самые разные социальные регуляторы, корпоративные нормы, этические, религиозные и др. И все же, особое внимание уделяется нравственным правилам¹⁰. «Нравственное регулирование, – отмечает исследователь наряду с правовым, выступает как одно из важнейших средств нормативного регулирования социалистических общественных отношений» (Nizhechek, 1973a:273). Изучение работ В.И. Нижечек говорит в пользу того, что он не проводил различия между моралью и нравственностью. Между тем современные исследования указывают на необходимость отличать нравственность и мораль как достаточно самостоятельные явления и регуляторы.

⁹ Подробнее о роли дефиниций в праве см.: (Vlasenko, 2009).

¹⁰ Помимо главы в книге «Советское право с системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений» (Nizhechek, 1973a) автор посвятил этой проблеме, как отмечалось, отдельную работу: «Право и нравственность в социалистическом обществе» (Nizhechek, 1973b).

Думается, что В.И. Нижечек совершенно верно оценивает доминирующую роль морали, считая, что именно она в первую очередь «регулирует деятельность людей благодаря наличию в ней широкого комплекса норм, позволяющего людям сознательно и добровольно ориентироваться в сложной сети общественных явлений» (Nizhechek, 1973a:274).

Далее автор указывает на «близость» анализируемых выше регуляторов, в частности, пишет: «Механизмы правового и нравственного регулирования во многом напоминают друг друга. Они – продолжает ученый – в одинаковой мере включают объективные и субъективные моменты: нормы как элементы правовой и нравственной нормативных систем, правовые и нравственные отношения, правовое и нравственное сознание и пр.» (Nizhechek, 1973a:285–286). Автор приводит эти параллели и дальше, подтверждая и доказывая свои положения о системности социального регулирования.

Не менее интересны рассуждения Нижечека о соотношении нравственных (моральных) и правовых регуляторов. Ученый в числе признаков, отличающих правовые нормы от норм морали, указывает на формальную определенность правовых норм, и вслед за другими авторами (С.С. Алексеев, А.С. Шабуров и др.) анализирует качество этого свойства, его реализацию в юридической практике. Здесь автор «натякается» на свойство права как неопределенность его предписаний. Дело в том, что правовое регулирование только с помощью этого признака, безусловно, важного и крайне необходимого как определенность, *невозможно*. Однако все «заурегулировать», т.е. сделать «определенным», нельзя: стремясь к этому, право лишается гибкости и эластичности, и здесь подключается такое свойство права и его норм, как неопределенность. Но в тот период времени о неопределенности как свойстве права речи не было, и тогда ученый находит выход: он подчеркивает роль морали и нравственности в случаях отсылки права к ним. Нормы морали и нравственности, несомненно, в определенных ситуациях конкретизируют право, делают правовое регулирование конкретным и точным. Движение от неопределенности к определенности в правовом регулировании тема достаточно самостоятельная и требует отдельного исследования»¹¹.

О механизме правового регулирования. В.И. Нижечек анализирует такой важнейший вопрос теории права, как инструментарий правового регулирования. Автор рассматривает развитие правового регулирования под углом зрения расширения его объема и усиления роли в жизни советского общества и, кроме того, обращает внимание на необходимость учета происходящих в нем качественных изменений.

В.И. Нижечек формулирует ряд важных выводов, имеющих актуальное значение и в современный период, в частности, он отмечает, что «в условиях экономической реформы роль правового регулирования хозяйственных отношений не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает» (Nizhechek, 1973a:197). «Немыслимо возбуждать материальную заинтересованность коллективов и отдельных работников, – продолжает автор, – без юридического закрепления за ними безусловных субъективных прав на определенное поощрение по заранее установленным и указанным нормам» (Nizhechek, 1973a). Далее подчеркивается тесная связь экономического и правового методов регулирования: «Нет и не может быть никакого противоречия между экономическими и правовыми методами, т.к. по существу все экономические методы опосредуются нормами права – административными, гражданскими, трудовыми и т.д.» (Nizhechek, 1973a:197).

¹¹ О неопределенности в праве, см.: (Vlasenko, 2013; Vlasenko, 2015).

Подводя определенный итог рассуждениям о связанности экономики и права, ученый заключает: «Не вызывает сомнений полная обоснованность вывода о том, что без регулятивной роли права нет возможности правильно организовать управление экономическими отношениями между различными предприятиями и отдельными отраслями экономики» (Nizhechek, 1973a:200).

Кроме сказанного, В.И. Нижечек отмечает, что решение задач, связанных с повышением эффективности общественного производства, требует совершенствования правового регулирования не только в сфере хозяйственной деятельности. Необходимо проведение целого комплекса мер правового характера, направленных на усиление организованности, дисциплины и порядка во всех сферах общественной жизни. Это, по мнению ученого, касается и правового регулирования технического прогресса: «Усложнение функций управления народным хозяйством в связи с развитием производительных сил, научно-техническим прогрессом, подмечает автор – вызывает необходимость правового регулирования в новых отраслях управленческой деятельности, в новых сферах производства» (Nizhechek, 1973a:201).

Интересны замечания ученого о главных тенденциях развития правового регулирования, к которым он относит комплексность и разносторонность. Справедлив и актуален на сегодняшний день вывод В.И. Нижечека об усложнении правового регулирования, которое не всегда оправданно с точки зрения высоких требований, предъявляемых к организации и управлению государственной, хозяйственной и культурной жизнью. В книге еще много интересных и актуальных идей; они требуют более детального осмысления, развития и применения в современном правоведении.

К числу последних работ В.И. Нижечека, как указывалось, относится его книга «Философия права» (Nizhechek, 2002). Представляется, появление этой работы в конце жизненного и творческого пути автора – закономерно. Автор прошел сложный жизненный путь, о чем свидетельствуют факты военной биографии, службы в послевоенные годы на Западной Украине и многое другое, о чем уже отмечалось. На мой взгляд, философская проблема права – удел ученых, имеющих не только опыт научно-исследовательской работы в сфере права, но и определенный жизненный багаж. Последнее обстоятельство, безусловно, можно назвать нравственной основой произведения, т.е. это весьма значимая сторона появления книги. Итак, нет сомнения, что данное произведение в определенной мере подводит итог и прожитого, и исследованного.

Во введении автор совершенно верно отмечает: «Принимая во внимание некоторые обобщенные характеристики философии права, нужно, вместе с тем, исходить из того, что данная дисциплина может строиться в двух науковедческих плоскостях и выступать только в одном из качеств: исконно-философской дисциплины, рассматривающей право под углом зрения определенной универсальной философской системы или историкофилософских разработок или в качестве интегрированной философскоправовой области знаний, когда на основе определенной суммы философских идей осуществляется научная проработка материала» (Nizhechek, 1973a:9–10). Таким образом, ученый совершенно верно определил место философии права, ее содержательной стороны в системе знаний, и, главное, в деле исследования и обобщения научных фактов. Дело в том, что современные авторы философских проблем права (философии права) нередко устремляются то в одну плоскость, т.е. пытаются обобщать и выявлять закономерности правового развития, в результате чего анализ правовой практики часто мало имеет отношение к сделанным обобщениям автора. Есть и другого плана исследования философских основ права – без

каких-либо претензий на выявление общих правовых закономерностей, что не позволяет с уверенностью говорить о том, что эта книга посвящена философии права. Профессор Нижечек учитывает сказанное, характеризуя философию права как «высшую духовную форму познания права, постижения и утверждения его смысла, ценности и значения в жизни людей». И далее добавляет, что «философия права изучает право в контексте исследования всеобщих закономерностей физического, социального и духовного мира, бытия и мышления. Философское познание права направлено на уяснение его смыслового содержания» (Nizhechek, 1973a:12-13).

Полагаю, что автор, хорошо выполняя свою работу, понимал уровень и роль обобщений в философии права. Книга является учебным пособием для студентов, призывая к осмыслению имеющихся у них юридических знаний о праве. В книге дан большой экскурс в историю правовых учений, осмысление марксистской доктрины права, ее роли в современном российском обществе, так называемого «пролетарского права» и др. Однако не менее половины работы посвящено современной проблематике права, право и политика, право и власть, право и цивилизация, право и свобода человека и др.

Книгу, безусловно, отличают самостоятельность и зрелость суждений, особенно, это проявляется при оценке роли советского права, марксистской доктрины и ее роли в развитии человечества. Автор не стремится «срочно отодвинуться» от марксизма, как-то очернить советское прошлое, принизить роль пролетарского и советского права. Спокойный и объективный анализ отличают и стиль, и выводы автора. Произведение, несомненно, полезно и для современных студентов и аспирантов юридических факультетов.

Вместо послесловия. Есть идея переиздания трудов известного ученого. И не только потому, что нельзя забывать своих учителей и наставников, но и ученых, чьи труды составляют весомый вклад в развитие юридической науки и на работах, которых воспитывались последующие поколения специалистов и ученых, достойно продолжающих нить исследований.

В.И. Нижечек оставил очень емкое творческое наследие, осмысление которого – специальная и сложная научно-познавательная работа. Безусловно, сделанная здесь попытка, пожалуй, первая – показать отдельные стороны его научного наследия, аккумулированные в его основном научном труде, посвященном праву в системе социального регулирования. Надеюсь, что данная публикация будет способствовать вниманию современных ученых, особенно молодых, к творческому наследию одного из видных представителей отечественной правовой науки, – фронтовику Владимиру Ильичу Нижечку.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1982) *General theory of law*. Course in 2 volu-s. Т. 2. Moscow, Yurid. Lit. Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
- Baranova, M.V. (2010) *Law and advertising (general theoretical aspect): diss. ... of Doctor of legal sciences*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): дисс. ... доктора юрид. наук. Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России. 2010. 739 с.
- Baimakhanov, M.T., Beisenova, A.U., Weisberg L.M. & Ibragimov, M.A., et al. (1995) *Interaction of legal consciousness with morality and morality in a transitional society*. Almaty, Zhetharfy Publ. (in Russian).

- Взаимодействие правового сознания с моралью и нравственностью в обществе переходного периода / Баймаханов М.Т., Бейсенова А.У., Вайсберг Л.М., Ибрагимов М.А. и др. Алматы: Жеті жарғы, 1995. 240 с.
- Golovkin, R.B. (2005) *Legal and moral regulation of private life: properties, sides and protection: monograph*. Baranov, V.M. (ed.). Vladimir, VSPU. (in Russian).
Головкин Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны и защита: монография / под общ. ред. В.М. Баранова. Владимир: ВГПУ, 2005. 396 с.
- Golovkina, R.B. & Kuzhekhova, A.Yu. (2009) *Technology of regulation of social relations: law and morals*. Vladimir, Vladimir Legal Institute of the Federal Penitentiary Service. (in Russian).
Головкина Р.Б., Кужехкова А.Ю. Технология регулирования общественных отношений: право и нравы. Владимир, Владимирский юридический ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2009. 223 с.
- Kovalyova, N.V. (2015) *Technical-legal regulation as instrument of industrial development: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Ковалёва Н.В. Техничко-юридическое регулирование как инструмент развития промышленности: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 77 с.
- Kulazhnikov, M.N. & Shepelev, V.I. (1985) *Law in the system of norms of developed socialism*. Rostov-on-Don, Rostov University Publishing House. (in Russian).
Кулажников М.Н., Шепелев В.И. Право в системе норм развитого социализма. Ростов-на-Дону, изд-во Ростовского ун-та, 1985. 144 с.
- Mamyasheva, D.R. (2023) *Acts of strategic planning: theoretical and legal research. Abstract of Diss. ... of Candidate of legal sciences*. Moscow. (in Russian).
Мамяшева Д.Р. Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 26 с.
- Nebratenko, G.G. (2011) *The customary legal system of a traditional society*. Moscow, University Book Publ. (in Russian).
Небрятенко Г.Г. Обычно-правовая система традиционного общества. Москва: Вузовская книга, 2011. 480 с.
- Nersesyants, V.S. (1986) *Pravo v sisteme sotsial'noi regulyatsii: (Istoriya i sovremennost')*. Moscow, Znanie Publ. (in Russian).
Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции: (История и современность). М.: Знание, 1986. 63 с.
- Nizhechek, V.I. (1973a) *Sovetskoe pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya spetsial'nykh obshchestvennykh otnoshenii*. Irkutsk, East Siberian book publishing house. (in Russian).
Нижечек В.И. Советское право в системе нормативного регулирования специальных общественных отношений. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 455 с.
- Nizhechek, V.I. (1973b) *Pravo i нравstvennost' v socialisticheskom obshchestve*. Irkutsk, (in Russian).
Нижечек В.И. Право и нравственность в социалистическом обществе. Иркутск, 1973. 92 с.
- Nizhechek, V.I. (2002) *Filosofiya prava*. Irkutsk; Moscow, Publishing house of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia. Federation. (in Russian).
Нижечек В.И. Философия права. Иркутск; М.: Изд-во Рос. правовой акад. М-ва юстиции Рос. Федерации, 2002. 174 с.
- Nizhechek, V.I. (2006) *Issues of political development of the modern Russian state. Vestnik eastern Siberia Institute of the Ministry of the interior of the Russian Federation*. (1), 2 (in Russian).
Нижечек В.И. Вопросы политического развития современного российского государства. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2006. № 1. С.
- Plyugina, I.V. & Cherepanova, E.V. (eds.). (2011) *Boundaries of legal regulation: scientific and practical manual*. Moscow, The Institute of Laws will compare. lawyer under the Government of the Russian Federation. (in Russian).

Границы правового регулирования: научно-практическое пособие / отв. ред.: Плюгина И.В., Черепанова Е.В. М.: Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2011. 184 с.

Syrykh, V.M. (2011) *Materialistic theory of law: Selected: collection of scientific works*. Moscow, RGUP Publ. (in Russian).

Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное: сборник научных трудов. М.: РГУП, 2011. 1260 с.

Tumurova, A.T. (2005) *Genesis of Buryat customary law*. Ulan-Ude, Buryat University Publishing House. (in Russian).

Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: изд-во Бурятского университета, 2005. 221 с.

Vlasenko, N.A. (2009) Judicial legal definitions: nature, functions, bases of division and types. *Journal of Russian Law*. (12), 58–67. (in Russian).

Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды. Журнал российского права. 2009. № 12. С. 58–67

Vlasenko, N.A. (2013) Uncertainty in law: Nature and forms. *Journal of Russian Law*. 2(194), 32–44. (in Russian).

Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы. Журнал российского права. 2013. № 2(194). С. 32–44.

Vlasenko, N.A. (2015) *Problems of legal uncertainty: a course of lectures*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 176 с.

Yurtaeva, E.A. (2012) Normativity of Legislation: Modern Modulations in the Russian Lawmaking. *Journal of Russian Law*. 11(191), 28–39. (in Russian).

Юртаева Е.А. Нормативность законодательства: современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права. 2012. № 11(191). С. 28–39.

Zaloilo, M.V. (2011) The concept and forms of concretization of legal norms: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).

Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Ин-т закон-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2011. 196 с.

Сведения об авторе:

Власенко Николай Александрович – доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства юридического института, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396, SPIN-код: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

About the author:

Nikolai A. Vlasenko – Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Professor of the Theory of Law and State Department, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396, SPIN-code: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-407-423>

EDN: JYHAXU

Научная статья / Research Article

Экологическая культура граждан России: конституционное закрепление и нормативное обеспечение ее формирования

С.И. Коданева

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

 kodanevas@gmail.com

Аннотация. Деградация окружающей среды, ухудшение экологии и изменение климата вызывают в последнее время все большую озабоченность и требуют реализации активной государственной экологической политики. Важным фактором такой политики является формирование экологической культуры граждан России, что нашло отражение в поправках к Конституции РФ, принятых в 2020 г. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки комплексных подходов к формированию правовых механизмов реализации п. е. 6. ст. 114 Конституции РФ, поскольку в настоящее время формирование экологической культуры сводится исключительно к школьному образованию и воспитанию. Целью исследования является определение содержания экологической культуры и выработка комплексных предложений по совершенствованию нормативной правовой базы с целью ее формирования не только у детей, но и у взрослого населения страны. Методология включает социолого-правовой метод, метод междисциплинарного анализа российской и зарубежной научной литературы, обобщения, систематизации, аналогии, а также метод правового моделирования. Результатом исследования является выделение трех элементов экологической культуры, каждый из которых требует самостоятельных подходов к правовому регулированию. Также автором сформулированы конкретные предложения по изменению законодательства РФ в целях реализации конституционного положения о формировании экологической культуры населения страны.

Ключевые слова: Конституция РФ, экологическая культура, традиционные духовные ценности, охрана окружающей среды, экологическое образование, патриотизм, культура потребления, организационная культура

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Коданева С.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 24 июля 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Коданева С.И. Экологическая культура граждан России: конституционное закрепление и нормативное обеспечение ее формирования // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. 407–423. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-407-423>

Ecological culture of Russian citizens: constitutional consolidation and regulatory support of its formation practice

Svetlana I. Kodaneva

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
kodanevas@gmail.com

Abstract. The increasing concern over environmental degradation, ecological deterioration and climate change underscores the imperative for the active state environmental policy. An essential aspect of such a policy is formation of environmental culture among Russian citizens, as reflected in the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020. The relevance of this article is underscored by the necessity to develop holistic approaches for the formation of legal mechanisms to implement paragraph e.6. of Article 114 of the Constitution effectively, as the current focus of environmental culture formation is predominantly limited to school education and upbringing. The study aims to delineate the contents of environmental culture and devise comprehensive recommendations to enhance the normative and regulatory framework to foster this culture not only among children, but also within the adult population of the country. The research methodology encompasses the sociological and legal methods, interdisciplinary analysis of Russian and foreign scientific literature, generalization, systematization, analogy, as well as the method of legal modelling. The study has identified three elements of environmental culture, each necessitating distinct approaches for its legal regulation. Furthermore, the author has formulated specific proposals for amending the legislation of the Russian Federation to actualize the constitutional provision concerning the cultivation of environmental culture of the country's population.

Key words: Constitution of the Russian Federation, ecological culture, traditional spiritual values, environmental protection, environmental education, patriotism, consumer culture, organizational culture

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th July 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Kodaneva, S.I. (2024) Ecological culture of Russian citizens: constitutional consolidation and regulatory support of its formation practice. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 407–423. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-407-423>

Введение

Экологическая проблематика в последние годы привлекает к себе все более пристальное внимание общественности, научного сообщества и политиков. Это обусловлено как глобальным изменением климата, так и локальными экологическими проблемами. Усиление неблагоприятных явлений и, как следствие, обеспокоенности

населения, общественных организаций, экспертного сообщества вопросами охраны окружающей среды стали стимулом для включения новых норм экологической направленности в Конституцию РФ в 2020 г. В силу процедурных особенностей изменения основного закона, которые не позволили внести поправки в 1 и 2 главы Конституции РФ, соответствующие положения были включены в статью 114, которая была дополнена пунктами е.5. и е.6. В соответствии с ними Правительство РФ осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным; а также создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Особое внимание следует обратить именно на норму пункта е.6, которая конституционализировала значение экологической культуры граждан как фактора обеспечения долгосрочного экологически устойчивого развития страны.

Следует отметить, что Россия – одно из первых государств, которое на конституционном уровне обозначило важность экологической культуры, а не просто закрепило право граждан на благоприятную окружающую среду или доступ к экологической информации, как большинство других конституций мира. Таким образом, в конституционной поправке нашли отражения научные исследования и политические дискуссии, которые ведутся на международном уровне с начала века. Так, в ст. 13 Конвенции ООН об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. подчеркивается важность интеграции культуры в политику устойчивого развития. В 2013 г. по итогам международной конференции ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию» была принята Ханчжоуская декларация, в которой содержался призыв сделать культуру ядром политики устойчивого развития. К 2015 г. европейским сообществом ученых, включающим около 100 исследователей из 25 европейских стран с участием представителей Израиля, Новой Зеландии и Австралии, при поддержке Европейской ассоциации Сотрудничество в области науки и техники была подготовлена книга «Культура в, для и как устойчивое развитие», которая стала этапным событием в обосновании взаимосвязи культуры и преэминентности (устойчивости) развития (Dziatkovskaya, 2020a:19).

В процессе работы над целями устойчивого развития ООН (ЦУР), которая началась в 2012 г. ряд экспертов предлагали закрепить отдельную цель в области культуры, однако, несмотря на положительный отклик со стороны Генеральной Ассамблеи ООН, которая опубликовала три резолюции о культуре и устойчивом развитии, культура так и не нашла отдельного закрепления в Повестке дня в области устойчивого развития ООН 2015 г. Тем не менее, как показано в (Zheng et al., 2021), экологическая культура прямо или косвенно влияет на достижение всех 17 ЦУР, а также 133 из 169 задач, сформулированных в Повестке (т.е. 79% всех задач устойчивого развития). Результаты проведенного ими статистического анализа также показывают, что культурные ценности объясняют до 26% различий в успехах по достижению ЦУР.

Следует отметить, что значимость экологической культуры для устойчивого развития России находит отражение в нормативных правовых актах на протяжении более чем двух десятилетий. Так, еще в принятом в 2002 г. Федеральном законе № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» формирование экологической культуры было закреплено в качестве одного из принципов охраны окружающей среды,

а основам формирования экологической культуры посвящена глава XIII этого закона. Затем, в 2012 г. Президентом РФ были утверждены Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г., а Правительством РФ – План действий по реализации указанных Основ (Распоряжение Правительства РФ от 18.12.12 г. № 2423-р).

При этом, во всех трех документах, также как и в Конституции РФ экологическая культура связывается с экологическим образованием и воспитанием, а в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» фактически подменяется ими. Видимо, этим можно объяснить то, что в Планах действий по реализации Основ ничего не говорится про формирование экологической культуры, экологическое воспитание сведено исключительно к познавательному туризму, а основное внимание уделено актуализации государственных образовательных стандартов.

Данный подход нашел отражение и в научной литературе по рассматриваемой тематике, где традиционно среди факторов формирования экологической культуры первое место отводится экологическому просвещению, а наибольшее количество публикаций посвящено вопросам интеграции экологического образования в школьные программы (как отдельного основного предмета, факультативного предмета, либо о придании экологической направленности всем школьным предметам); при этом эксперты признают, что на сегодняшний день интерес к программам экологического просвещения невелик, как и охват ими детей¹. Как отмечает Л.В. Бондарева, выдвигались инициативы о введении уроков экологии в школе, но эта идея не получила широкого одобрения, поэтому экологическое просвещение зависит от политики конкретного учебного заведения (Bondareva, 2022: 49).

Такой подход представляется принципиально неверным, поскольку носит разрозненный характер передачи детям отдельных знаний и разовых навыков (полученных в ходе единичных мероприятий), но не позволяет сформировать экологическую культуру человека. Кроме того, акцент на образовании детей полностью исключает из сферы государственной политики взрослое население страны, что также является ошибочным. Как верно отмечает Е.Ф. Громов, изначально дети усваивают экологические привычки ближайшего окружения, прежде всего родителей, затем, по мере расширения круга общения – способы хозяйствования социальных систем, в которые они со временем включаются. Так ребенок усваивает и уровень развития экологической культуры или ее предпосылок, который характерен для данного общества (Gromov, 2020:22).

Подтверждением неэффективности существующего подхода к формированию экологической культуры населения страны является тот факт, что в соответствии со Стратегией экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. N 176) к вызовам экологической безопасности отнесен низкий уровень экологической культуры населения. Однако дальше констатации в этом документе дело не идет и вновь фиксируется традиционный, т.е. сугубо образовательный подход.

---

¹ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы обеспечения экологической безопасности, развития экологического образования и экологической культуры в свете конституционных поправок 2020 года» (совместно с Комитетом Совета Федерации по аграрнопродовольственной политике и природопользованию и Комитетом Совета Федерации по науке, образованию и культуре) // Совет Федерации. 2 декабря 2021 г. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/xZVao2dfwVh8Fka5THaZEa7tku5McSt.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

Вместе с тем, задача по формированию экологической культуры является крайне сложной и многогранной, она не может быть сведена исключительно к вопросу включения знаний по экологии в образовательные стандарты.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием научной проработки комплексного нормативного обеспечения реализации п. е.б. ст. 114 Конституции РФ, а также важностью формирования экологической культуры жителей России как основы будущего экологически устойчивого развития страны.

Новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка комплексного анализа различных аспектов формирования экологической культуры, таких как общечеловеческая и функциональная культура (вопросы нормативного обеспечения разработки и внедрения новых образовательных стандартов подробно не рассматриваются в силу того что данный вопрос на сегодняшний день является наиболее проработанным в научной литературе), ставятся проблемные вопросы нормативного обеспечения реализации п. е.б. ст. 114 Конституции РФ и формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства в соответствующих сферах.

Экологическая культура – понятие, содержание и соотношение с правовой культурой

Для решения поставленной исследовательской задачи, прежде всего, следует обратиться к вопросу о том, что такое экологическая культура? Как показывает Е.Н. Дзятковская, формирование экологической культуры в современной России традиционно связывается с естественно-научными учебными предметами, являющимися источником знания о законах функционирования природы. Однако система ценностей, психологических установок, миропонимания, предлагаемого образа жизни, выражающих сущность экологической культуры, может быть воспринята массовым сознанием только, если она будет в резонансе с культурными кодами, в том числе общечеловеческими ценностями, базовыми архетипическими культурными концептами, культурными традициями и т. д. (Dzyatkovskaya, 2020b:8).

Иными словами, экологическая культура не может сводиться исключительно к набору естественно-научных знаний, которые даются в рамках общего образования, и информации о проблемах экологической безопасности и состоянии окружающей среды. Экологическая культура, прежде всего, является частью общечеловеческой культуры, позволяющей каждой отдельной личности адаптироваться к окружающему миру, социализоваться и находить свое место в нем.

Здесь следует отметить, что в научной литературе не существует единой общепринятой концепции «культуры», поскольку представители различных общественных наук рассматривают это явление по-разному, под разными углами зрения. В целях настоящего исследования, представляется обоснованным исходить из социального понимания культуры как совокупности социальных отношений, процессов, происходящих в обществе, общепринятых в обществе правовых и моральных норм. При этом культура может относиться как к обществу в целом, так и к отдельной личности, поскольку она является специфическим способом бытия и раскрывается через особенности поведения человека или группы людей, сознания человека, восприятия им окружающей действительности и отношения к ней, а также через деятельность и высказывания человека (Kharitonova, 2018).

Таким образом, именно конкретная социальная культура человека определяет то, каким образом он будет относиться к окружающему его миру, включая окружающую природную среду – бережно и уважительно или потребительски и хищнически.

Похожие выводы можно встретить и в зарубежной литературе, несмотря на ее более прикладной характер. Так, К. Борейн с соавторами доказывают, что одних знаний и мотиваций к охране окружающей среды и повышению эффективности недостаточно, необходима экологическая философия, культурное измерение, охватывающее систему взаимоотношений всех заинтересованных сторон, а также государственные институты и политику (Beaurain, et al., 2023: 3).

В зарубежной литературе можно найти несколько подходов к определению содержания экологической культуры. Так, по мнению В. Ассоратгун и С. Кантабутры, культура проявляется на трех уровнях: 1) базовых убеждений (существуют главным образом на бессознательном уровне, развиваясь с течением времени на основе жизненного опыта взаимоотношений в другими людьми и т.д.), 2) выраженных и осознанных убеждений, ценностей и норм поведения, 3) артефактов – нормативных документов, фиксирующих принятые убеждения и ценности. При этом артефакты могут соответствовать или не соответствовать провозглашенным или поддерживаемым ценностям. В первом случае они будут соблюдаться людьми, во втором – нет (Assoratgoon & Kantabutra, 2023:3).

Согласно (Zheng et al., 2021: 308), экологическую культуры составляют два элемента: конституирующий и функциональный. Первая часть относится к набору общих ценностей, убеждений и норм, с помощью которых люди воспринимают, интерпретируют или реагируют на действия и окружающую среду. Культура в этом смысле действует как посредник или барьер на пути развития. Обзор научной литературы, проведенный в (Chwialkowska, et al., 2020) показал, что в числе мотиваторов к экологически ответственному поведению на первом месте стоят мораль и культурные ценности.

Вторая составляющая представляет собой практическое воплощение культуры посредством экологически ответственного производства, потребления и участия человека в охране окружающей среды. Следует отметить, что большинство зарубежных исследований сконцентрированы на вопросах формирования именно этой составляющей экологической культуры, причем анализируются такие инструменты как «зеленый» маркетинг, формирование корпоративной экологической культуры, т.е. те аспекты, которые полностью отсутствуют в российской научной литературе, посвященной вопросам формирования экологической культуры.

Представляется, что хотя эти аспекты и являются прикладными, однако они крайне важны и упускать их из вида является ошибочным. Как верно отмечает О.А. Посталовская, экологические знания сами по себе не обеспечивают соответствующего отношения к природе, они зависят от сформированности системы умений и навыков взаимодействия с ней (Postalovskaya, 2022:39). Эту же взаимосвязь подтверждают и многие эмпирические исследования зарубежных авторов. Так, в исследованиях (Wang, 2019) и (Sharma, et al., 2021) эмпирически доказано, что не знания мотивируют к экологически ответственному поведению, а экологическая организационная культура, стимулирующая разработку и внедрение зеленых инноваций, мотивирует сотрудников компаний получать новые знания в области экологии. В (Gelderman, et al., 2021) и (Sharma, et al., 2023), анализирующих потребительское поведение, в том числе в отношениях B2B, доказано, что экологические знания сами по себе не являются предпосылкой для экологически устойчивого поведения, поскольку

существует «разрыв между экологичным отношением и поведением». Так, например, из 67% потребителей, которые сообщили о своей озабоченности состоянием окружающей среды, только 4% потребителей фактически приобрели экологически чистые продукты (Sharma, 2021:2080).

Таким образом, для того, чтобы экологическая культура стимулировала жителей России преобразовать их отношение к окружающей среде не только на уровне сознания, но и на уровне повседневных практик, она должна включать три элемента: 1) экологическую культуру как компонент общечеловеческой (социальной) культуры; 2) экологическая компетентность и знания; и 3) устойчивые привычки (а не просто навыки, которые дает сегодня система образования) экологически ответственного поведения, включающие культуру потребления, обращения с отходами, с природными объектами (не ломать деревья, не разводить костры, не мусорить в лесу и т.п.).

Как представляется, именно такая многоуровневая модель позволит преобразовать знания и внутренние моральные установки в практические действия. В этой связи, следует обратить внимание на взаимосвязь между «экологической» и «правовой» культурой, поскольку высокий уровень второй напрямую влияет на то, как человек исполняет свои обязанности и защищает свои права. Как и в случае с культурой, единой общепринятой концепции правовой культуры в научной литературе не существует. Представляется уместным использовать следующее определение: «правовая культура – это такое свойство личности, которое характеризуется уважительным отношением к праву, достаточным уровнем правовой информированности, обеспечивающей правомерность поведения» (Katkova & Mekka, 2022:351).

Соответственно, правовая культура, также как и экологическая культура означает, что каждый член общества обладает достаточно высоким уровнем духовно-нравственного развития, которое формирует в нем уважительное отношение к праву; необходимым объемом правовых знаний, а также способностью и готовностью реализовывать эти знания на практике. Таким образом, следует согласиться с А.П. Анисимовым в том, что эколого-правовая культура является составной частью родовой категории «экологическая культура», отображая ту часть взаимоотношений общества и природы, которая подпадает под действие норм права (Anisimov, 2018). При этом эколого-правовая культура предполагает наличие не просто знаний о состоянии природы или ее внутренних взаимосвязях, но и умений посредством правовых средств защищать природу от негативных антропогенных явлений (Ryzhenkov, 2022).

Это означает, что практическая реализация нового пункта е.6. ст. 114 Конституции РФ требует межотраслевого подхода, поскольку нормативное обеспечение формирования экологической культуры в перечисленных трех ее аспектах должно реализовываться через различные отрасли законодательства, а не только посредством законодательства об образовании. Однако в настоящее время в юридической научной литературе недостаточно проработан вопрос соответствия действующего российского законодательства данной норме Конституции РФ.

Нормативное регулирование развития общечеловеческой (социальной) экологической культуры

Как было показано выше, сведение экологической культуры исключительно к экологическому образованию и просвещению имеет существенные недостатки, делающие все меры по формированию экологической культуры в российском обществе неэффективными.

Прежде всего, связано это с тем, что с самого раннего возраста в сознании детей закладывается идея об антагонизме, противопоставлении человека и природы, на что обращают внимание педагоги. С одной стороны, из детей формируют «грамотных потребителей», которые должны покорять природу, а, с другой стороны, их призывают охранять природу, не давая при этом ответа, от кого ее нужно охранять. Вместе с тем, как подчеркивает Е.Г. Виноградова экологическое образование должно быть направлено, прежде всего, на гармонизацию системы взаимоотношений общества с природой (Vinogradova, 2020).

Е.В. Рябова также отмечает, что донесение экологических проблем через СМИ неэффективно, поскольку они теряются в массе других проблем, таких как санкции, войны, терроризм, преступность и бедность. Необходимо содействовать изданию не столько проблемной, сколько доброй литературы о природе, которая бы рождала доброе отношение ко всему живому (Ryabova, 2019:48–49). Она также отмечает острую нехватку подобной литературы, особенно в регионах страны.

Следует обратить внимание и на риски, отмеченные Е.Ф. Громовым. Во-первых, низкий уровень научной культуры и экологических знаний тех, кто распространяет экологическую информацию. Во-вторых, влияние на содержание распространяемой информации экономической и политической конъюнктуры, обуславливающей зачастую неполное, искаженное или одностороннее освещение многих экологических проблем (Gromov, 2020). Это чревато тем, что активные политические движения могут посредством манипулирования использовать озабоченность экологическими проблемами, сформированную в сознании людей, в собственных корыстных целях, вплоть до продвижения экстремистских идей, о чем пишет Ю. Маслова (Maslova, 2021).

Таким образом, знания об экологических проблемах должны сочетаться в духовной составляющей экологической культуры. Именно философская мысль аккумулирует ответы на глобальные вопросы человеческой жизни о смерти и бессмертии, об абсолютных нравственных ценностях и метафизическом устройстве мироздания, а также помогает в выборе стратегического пути устойчивого развития (Varakina, et al., 2020).

Вопрос философской, ценностной составляющей экологической культуры имеет и вполне практическое значение. Так, если обратиться к иностранным исследованиям по рассматриваемой тематике, то ученые из восточных стран эмпирически доказывают, что экологически устойчивые практики более эффективны в странах с коллективистской культурой, объясняя это тем, что люди, разделяющие коллективные ценности и долгосрочное видение, в большей степени готовы жертвовать своим комфортом и ограничивать свое потребление ради благополучия общества. Западные ученые, напротив, как правило, доказывают преимущества индивидуализма, который стимулирует граждан, озабоченных изменением климата и экологическими проблемами, объединяться в экологические движения и бороться за свои права².

Данное наблюдение подталкивает к выводу о том, что в странах, принадлежащих к разным цивилизациям и опирающихся на разные культурные традиции, экологическая культура тоже будет различной. Соответственно, государственная политика, направленная на формирование экологической культуры общества, также должна в этих странах различаться. Так, в западных индивидуалистических и технократических обществах, действительно, большую эффективность будут

² Данные опроса 1540 граждан США приведены в (Zheng, et al., 2021).

иметь просвещение относительно негативных последствий и рисков, вызываемых изменением климата и деградацией окружающей среды, а также маркетинговые приемы стимулирования к «зеленому» потребительству. В обществах, основанных на коллективистских (буддийских, индуистских, исламских традиционных ценностях) более эффективными мотиваторами будут осознание своей ответственности перед обществом и потомками.

В этой связи представляет интерес опыт Китая, отраженный в исследовании (Varakina, et al., 2020). Особенностью этой страны является то, что в ее истории присутствуют две культуры, имеющие прямо противоположные экологические последствия. Одна культура широко освещена в литературе и представлена в философии, поэзии и искусстве, но столь же реальна и другая культура – «горы, где вырублены леса, забиты ручьи, многолюдны города и политические интриги». «Средний» китаец не знал даосизма, а повседневная культура масс требовала мирской жизни, практических культов и потребительского утилитаризма, поэтому в процессе своего развития китайское общество нанесло значительный вред окружающей среде. Однако в настоящее время официальные власти этой страны реализуют активную политику по возвращению к философии конфуцианства, которая дает ответ на возникающие проблемы китайского общества. Принципиально важно, что эта политика реализуется в Пекине не параллельно с основными стратегическими задачами социально-экономического развития страны, а рассматривается как их неотъемлемая часть. Это подчеркивает неразрывное единство материальной и духовной культуры, тесное взаимодействие различных факторов духовной жизни, пристальное внимание ко всем сферам жизни общества, к ценностям экологического развития.

Похожим путем движется и Киргизская Республика, где в 2021 г. была принята Концепция духовно-нравственного развития и физического воспитания личности, согласно которой духовно-нравственные мотивы жизненного поведения доминируют над материальными интересами; бережное отношение к природе – вековая традиция народа и один из признаков нравственности человека; долг каждого поколения – рационально использовать и передать потомкам природные богатства, не нанося ущерба окружающей среде (Karabukaev, 2022:54).

Что касается России, то вопрос о механизмах формирования экологической культуры общества затрудняется тем, что традиционно характерной для русской цивилизации была общинная (т.е. коллективистская) культура, однако, начиная с конца 1980-х годов прошлого века в российское общество все глубже стала проникать индивидуалистическая культура Запада, которая заставляет российских граждан на всех уровнях, начиная с домохозяйств и заканчивая топ-менеджерами крупных компаний, отдавать приоритет экономическим выгодам, не заботясь об экологических последствиях. При этом российское общество пока не достигло такого уровня социально-экономического развития и такой степени деградации окружающей среды, когда вопросы экологии могут стать стимулом для активизации массовых общественных движений.

Из этого следует вывод, что формирование общей экологической культуры в российском обществе должно происходить в контексте реализации других поправок к Конституции РФ – о патриотическом воспитании, сохранении исторической памяти и традиционных (т.е. общинных, коллективистских) духовных ценностей, исторически составлявших основу русской цивилизации. При этом следует согласиться с Р. Стахель и С. Томачиковой в том, что экологическая культура несовместима с культурой потребления, которая активно популяризуется в общественном сознании,

начиная, практически с самого рождения, посредством СМИ и рекламы. Это право на «чрезмерное потребление» также включает «право на загрязнение окружающей среды» (Sřahel & Tomařřiková, 2021:698).

Следовательно, нормативное регулирование формирования экологической культуры населения страны должно реализовываться в контексте общей политики по сохранению духовно-нравственных ценностей, формированию культуры, ограничивающей производство и потребление, отказ от индивидуалистической культуры и возвращения к традиционным ценностям русского народа.

Как верно отмечают Ю.В. Васильчук и Н.Г. Яковлева, целью формирования правосознания современной молодежи должно стать воспитание человека-гражданина, любящего природу своего края, России, формирование экологической грамотности подрастающего поколения, бережного отношения к природе, как к среде обитания и выживания человека, умения сохранять и приумножать ее богатства (Vasilchuk & Yakovleva, 2021:106). Тем более, что принадлежность к родной земле исторически сохранялась в менталитете русского человека, поэтому оправданным было бы в рамках патриотического воспитания развивать краеведение, местные народные искусства и традиции, в том числе традиции бережного отношения к природе родного края (Ustyantseva, 2022:84).

При этом, если обращаться к традиционным духовным и культурным ценностям россиян, то здесь можно обнаружить такие значимые для формирования экологической культуры явления как уважительное отношение к родной земле (русская народная культура); стремление человека к единству с природой (русская народная культура, русский космизм); идея ответственности человека за природу; возвращение человеку его духовной глубины как важнейшего измерения личности; гармоничное развитие человека и природы, их равновеликость (русский космизм); единство природы, включающее человека (В.И. Вернадский); единство человека и природы как взаимосвязанных и взаимодействующих частей единого целого в биосфере (русский экологизм и космизм); обучение детей умению жить в согласии с природой (народная педагогика) (Tarbaeva, 2019:5).

Иными словами, воспитание экологической культуры подразумевает обращение к духовным и культурным традициям, которое должно происходить постепенно, по мере взросления человека. Так, понятным и увлекательным для детей может стать знакомство со старинными праздниками, традициями, фольклором, художественными промыслами. Затем, это должно быть знакомство с русской литературой, воспевающей красоту родной природы (М.М. Пришвин, В.В. Бианки, П.П. Бажов, И.С. Тургенев, В.О. Ключевской, который начинает свой «Курс русской истории» с анализа влияния природы на исторический процесс, и др.). Наконец, не может происходить полноценное формирование личности без обращения к русской философии, и, прежде всего, философии космизма (В.И. Вернадский, А.И. Чижевский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, К.Э. Циолковский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.).

Однако в документах стратегического планирования РФ прослеживается явный разрыв между духовным и патриотическим воспитанием и формированием экологической культуры. Так, если обратиться к недавно принятому Указу Президента РФ от 09.11.22 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», то в нем, хотя и закреплены критически важные для современного российского общества задачи по сохранению традиционных ценностей, исторической памяти, патриотизма,

защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, однако, отсутствует какое бы то ни было упоминание о воспитании любви к родному краю, родной природе, включению в образовательные программы учений русских философов. Аналогично, в Указе Президента РФ от 02.07.21 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» экологическая безопасность и рациональное природопользование и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти – это два самостоятельных раздела, никак между собой не связанных содержательно. Анализ перечня инициатив социально-экономического развития России до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-п) показывает, что вопросы экологического просвещения, образования и культуры не включены к единое образовательное пространство страны, а сама экология выделена в самостоятельное, не связанное с другими, направление социально-экономического развития, хотя экологическая составляющая должна быть интегрирована во все национальные проекты и инициативы.

Таким образом, представляется крайне важным пересмотреть данный подход, объединив в названных документах стратегического планирования задачу по формированию экологической культуры с задачами по патриотическому воспитанию молодежи, сохранению традиционных духовных ценностей, а также, использовать описанный выше опыт Китая, где возрождение духовных ценностей рассматривается как часть социально-экономической политики страны.

Правовые механизмы развития функциональной экологической культуры

Как было отмечено выше, основными методами экологического воспитания сегодня являются разовые мероприятия, которые не могут сформировать устойчивые привычки экологически ответственного поведения, особенно если оно не практикуется в повседневной бытовой жизни семьи.

Отчасти это связано с представлением о том, что задача по защите окружающей среды – это задача государства и отдельный человек ничего для этого сделать не может, отчасти с отсутствием информации, отчасти с укоренившимися привычками, которые трудно изменить. Так, например, проведенный в 2022 г. опрос Института экологии НИУ ВШЭ показал, что только 4,3% считают себя достаточно информированными в вопросе раздельного сбора отходов, хотя большинство опрошенных представляли Москву и Московскую область, где власти проводят наиболее активную политику по внедрению раздельного сбора отходов. Исполнительный директор ассоциации организаций, операторов и специалистов в сфере обращения с отходами «Чистая страна» Р. Губайдуллин отметил, что опрос проводился среди взрослого населения, в то время как основные усилия по экологическому просвещению направлены на школьников³. Кроме того, каждый субъект РФ реализует собственный подход как к раздельному сбору отходов, так и к экологическому просвещению по данному вопросу. Однако очевидно, что необходима общенациональная программа пропаганды экологически ответственного поведения, а также единые стандарты организации процесса раздельного сбора отходов.

Похожие примеры можно привести и по другим направлениям функциональной экологической культуры, для формирования которой необходим комплексный

³ Анна Васильева. Мусор разделит россиян // Коммерсантъ. 26.01.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5182597> (дата обращения: 20.07.2023).

подход, включающий такие инструменты как нормативные требования и повышение правовой культуры, социальная реклама, маркетинг, формирование экологической культуры как часть корпоративной культуры компаний и т.д.

Установление нормативных требований и повышение уровня правовой культуры, как представляется, являются действенными инструментами формирования экологической культуры для россиян. Как было отмечено выше, для общества с преобладанием коллективистских ценностей нормативные закрепленные экологических требований, а также решения официально признанных организаций более эффективны, чем индивидуальные инициативы. Например, повсеместное внедрение приборов учета воды стимулировало большинство граждан к более экономному расходованию этого ресурса. В сочетании с высоким уровнем правовой грамотности и правовой культуры населения четкая и прозрачная нормативная база будет стимулировать граждан избегать экологически-опасных практик, а также активнее отстаивать свои права в данной области.

Социальная реклама является способом распространения информации о возможностях экологически ответственного поведения и его значении для улучшения экологической ситуации в родном городе, районе, селе и т.д.

Как показывают исследования, экологический маркетинг эффективен в сочетании с компаниями, направленными на информирование потребителей о важности экологически ответственного потребления. Основными инструментами экологического маркетинга является экологическая маркировка товаров, апеллирование к экологическим убеждениям и ценностям потребителей в рекламе продуктов, указание на их инновационность (см., например, Guanghai, et al., 2019; Sharma, et al., 2023). Причем данный инструмент может быть использован и в сфере B2B, однако при условии, что государство будет стимулировать компании отдавать приоритет закупке экологически чистых товаров (Gelderman, et al., 2021). Так, в (Sharma, 2021) показано, что в Китае многие компании стали внедрять экологически чистые методы управления цепочками поставок после того, как правительство этой страны нормативно закрепило соответствующие требования.

Важным фактором формирования у взрослого населения функциональной экологической культуры является организационная культура компаний, где они работают. Так, в исследованиях (Fu, et al., 2023), (Chaudhary, 2019), (Roscoe, et al., 2019) эмпирически доказано, что экологическая организационная культура компании со временем формирует у сотрудников экологические привычки, которые начинают проявляться и в их повседневной жизни в быту. В (Fu, et al., 2023) также утверждается, что экологическая культура на рабочем месте может способствовать социальным изменениям в направлении повышения экологической ответственности граждан.

В свою очередь в (Isensee et al., 2020) утверждается, что развитие организационной культуры является необходимым для повышения уровня экологической устойчивости компании, поскольку для изменения поведения сотрудников требуются фундаментальные культурные преобразования, а не просто декларирование приверженности компании целям устойчивого развития.

Однако, хозяйствующие субъекты в России, внедряя подходы устойчивого развития в свою деятельность, также реагируют не столько на осознание нарастающих экологических и социальных рисков, сколько на требования законодательства и инвесторов (Kodaneva, 2022), а также на собственные экономические выгоды (Kurnosova, 2022).

Это означает, что стимулировать предпринимательское сообщество к повышению корпоративной экологической культуры может только соответствующая политика государства, каковая на сегодняшний день практически отсутствует и реализуется исключительно посредством информационных писем Банка России, которые являются, во-первых, рекомендательными, а во-вторых, узкоспециальными; либо посредством «мягкого права», например Методологии присвоения некредитных рейтингов корпоративного управления Национального рейтингового агентства.

Поэтому необходимо формирование нормативной базы, включающей требование по раскрытию в составе нефинансовой отчетности информации о принимаемых хозяйствующим субъектом мерах по формированию указанной культуры, отражение этого показателя в ESG-рейтингах. При этом соответствующие требования следует применять в отношении всех юридических лиц, включая субъектов МСП, например, как одного из условий предоставления им субсидий и иных мер поддержки.

Косвенным инструментом стимулирования является система налогообложения. Так, помимо закрепления налоговых льгот для экологически чистых товаров, необходимо менять подходы к налоговому администрированию, стимулируя компании закупать «зеленые» товары, даже если они дороже обычных, а не привлекая их за это к налоговой ответственности. Поэтому важно, чтобы при реализации риск-ориентированного подхода к налоговому контролю учитывался не только такой показатель как цена, но и показатель экологичности товара. Требование учета экологичности товаров также должно быть включено в условия закупок для государственных и муниципальных нужд, а также в условия предоставления государственных мер поддержки.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что принятый в настоящее время в России подход к экологическому образованию, просвещению и культуре не является комплексным, целостным и эффективным. Сохранение данного подхода не позволит обеспечить реализацию п. е.б. ст. 114 Конституции РФ на практике и добиться формирования в России экологически ответственного общества. Прежде всего, это связано с тем, что из трех элементов экологической культуры, приоритет отдается только экологическим знаниям и формированию экологических навыков в рамках общеобразовательных программ. Но даже в этой части научное и экспертное сообщества до сих пор не пришли к консенсусу, в результате чего фактически решение столь важной задачи отдается на откуп самим образовательным учреждениям.

Для устранения недостатков данного подхода представляется необходимым принятие следующим мер.

Следует отталкиваться от системного и последовательного подхода, не ограничиваясь включением экологического образования только в естественно-научные дисциплины в школе, но используя для этой цели дисциплины гуманитарные, постепенно и последовательно приобщая ребенка к русским традициям – литературе – философии.

Кроме того, представляется важным изменить подход к экологическому просвещению населения страны в целом, уделяя больше внимания публикации литературных произведений, рождающих добрые чувства и любовь к природе.

Реализовать это можно посредством предоставления субсидий издательствам и издающим организациям на реализацию социально значимых проектов (в рамках

Постановления Правительства РФ от 26.02.21 г. № 257), субсидий организациям, осуществляющим выпуск, распространение и тиражирование социально значимых проектов в области печатных средств массовой информации (в рамках Постановления Правительства РФ от 11.02.21 г. № 158), субсидий на реализацию творческих проектов в сфере музыкального, театрального, изобразительного искусства и народного творчества (в рамках Постановления Правительства РФ от 27 июня 2018 г. № 741), субсидий на поддержку кинематографии (в рамках Постановления Правительства РФ от 08.10.20 г. № 1634), что потребует внесения изменений в соответствующую нормативную базу, а также посредством государственного заказа на изготовление соответствующей художественной продукции.

Одновременно необходима разработка комплексной программы по формированию функциональной экологической культуры всего населения страны. Для этого необходимо дополнить паспорт национального проекта «Экология» разделом, посвященным формированию экологически осознанного поведения (экономии ресурсов, раздельного сбора отходов, изменения потребительских привычек, направленных на продление срока и повторного использования товаров, покупки экологически чистых товаров и т.д.). Помимо этого, в законодательство РФ следует включать стимулирующие и обязывающие меры, направленные на расширение практики экологического маркетинга (налоговые льготы и администрирование, государственные закупки, требования к экомаркировке и контроль за правомерностью ее использования, расширенная ответственность производителей упаковки и т.д.).

Государственная политика также должна быть направлена на стимулирование компаний всех секторов экономики к внедрению экологической организационной культуры. В частности, посредством нормативно установленного требования по раскрытию нефинансовой отчетности, включая отчетность о реализуемых в компаниях стратегиях формирования экологической культуры. Необходимо законодательно создать систему стимулирования компаний к реализации экологически устойчивых практик, в т.ч. через механизмы налогового администрирования и включения соответствующих критериев в условия предоставления мер государственной поддержки, включая поддержку субъектов МСП.

Представляется, что только такой многоуровневый и комплексный подход позволит повысить уровень экологической культуры населения России, со временем трансформировать все правовые и общественные институты, сделать их более экологически и социально-ответственными, а развитие нашей страны – устойчивым в долгосрочной перспективе.

References / Список литературы

- Anisimov, A.P. (2018) About the new goals and objectives of the development of ecological and legal culture in Russia. *Agrarian and land law*. (4). 108–116. (in Russian).
Анисимов А.П. О новых целях и задачах развития эколого-правовой культуры в России // Аграрное и земельное право. 2018. № 4. С. 108–116.
- Assoratgoon, W. & Kantabutra, S. (2023) Toward a sustainability organizational culture model. *Journal of Cleaner Production*. (400), 136666. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.136666>
- Beaurain, C., Chembessi, C. & Rajaonson, J. (2023) Investigating the cultural dimension of circular economy: A pragmatist perspective. *Journal of Cleaner Production*. (417), 138012. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138012>
- Bondareva, L.V. (2022) Educational model – ecological class as a means of systematic formation of ecological culture of schoolchildren. *Pedagogical technologies*. (4). 48–53. (in Russian).

Бондарева Л.В. Образовательная модель – экологический класс как средство системного формирования экологической культуры школьников // Педагогические технологии. 2022. № 4. С. 48–53.

- Chaudhary, R. (2019) Green Human Resource Management and Employee Green Behavior: An Empirical Analysis. *Corporate Social Responsibility and Corporate Management*. 27(2), 630–641. <https://doi.org/10.1002/csr.1827>
- Chwialkowska, A., Bhatti, W.A. & Glowik, M. (2020) The influence of cultural values on pro-environmental behavior. *Journal of Cleaner Production*. (268), 122305. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122305>
- Dzyatkovskaya, E.N. (2020a) Culturological grounds for the continuity of the formation of ecological culture. *Continuing education: the XXI century*. 2(30), 16–28. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5685> (in Russian).
Дзятковская Е.Н. Культурологические основания преемственности формирования экологической культуры // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 2 (30). С. 16–28. https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5685
- Dzyatkovskaya, E.N. (2020b) Methodological approaches to the continuous formation of ecological culture as a platform for the culture of sustainable development. *Scientific notes of the Trans-Baikal State University*. 15(4), 6–15. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-4-6-15> (in Russian).
Дзятковская Е.Н. Методологические подходы к преемственному формированию экологической культуры как платформы культуры устойчивого развития // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 4. С. 6–15. https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-4-6-15
- Fu, Q., Abbas, J., Bin Alarif, G., Sial, M.S., Brugni, T.V. & Adamwal, N. (2023) I act in an environmentally responsible fashion since my firm is socially responsible: A pathway for transition to a responsible society. *Journal of Cleaner Production*. (414), 137523. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137523>
- Gelderman, C.J., Schijns, J., Lambrechts, W. & Vijgen, S. (2021) Green marketing as an environmental practice: The impact on green satisfaction and green loyalty in a business-to-business context *Business Strategy and the Environment*. 30(4), 2061–2076. <https://doi.org/10.1002/bse.2732>.
- Gromov, E.V. (2020) Factors of formation of ecological culture. *NovaUm.Ru*. (27), 22–24. (in Russian).
Громов Е.В. Факторы формирования экологической культуры // NovaUm.Ru. 2020. № 27. С. 22–24.
- Guanghua, Sh., Fang, X., Siyu, G. & Hong, P. (2019) The Role of Cultural Values in Green Purchasing Intention: Empirical Evidence from Chinese Consumers. *International Journal of Consumer Studies*. 43(3), 315–326. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12513>
- Isensee, C., Teuteberg, F., Griese, K.-M. & Topi, C. (2020) The relationship between organizational culture, sustainability, and digitalization in SMEs: A systematic review. *Journal of Cleaner Production*. (275), 122944. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122944>
- Karabukaev, K.Sh. (2022) Spiritual and moral values as the basis of ecological culture. *Vestnik KRSU*. 22(10), 51–55. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2022-22-10-51-55> (in Russian).
Карабукаев К.Ш. Духовно-нравственные ценности как основа экологической культуры // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2022. Т. 22. № 10. С. 51–55. https://doi.org/10.36979/1694-500x-2022-22-10-51-55
- Katkova, L.V. & Mekka, O.A. (2022) Sociological approach to the study of the legal culture of the population: value aspect. *Legal Bulletin*. 7(4), 27–34. (in Russian).
Каткова Л.В., Мекка О.А. Социологический подход к изучению правовой культуры населения: ценностный аспект // Legal Bulletin. 2022. Т. 7. № 4. С. 27–34.

- Kharitonova, N.N. (2018) Constitutional-legal culture as an integral part of the general culture and legal culture. *Bulletin of the Central Russian university educational consortium. Series: humanities.* (12), 113–119. (in Russian).
Харитоновна Н.Н. Конституционно-правовая культура как составная часть общей культуры и правовой культуры // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 113–119.
- Kodaneva, S.I. (2022) Energy transition: prospects and implementation mechanisms. *Russia and the modern world.* 4(117), 162–183. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.09> (in Russian).
Коданева С.И. Энергетический переход: перспективы и механизмы реализации // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 162–183. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.09>
- Kurnosova, T.I. (2022) Domestic and foreign experience of using ESG principles in the development of an oil and gas business development strategy. *Economics, entrepreneurship and law.* 12(1), 387–410. (in Russian).
Курносова Т.И. Отечественный и зарубежный опыт использования ESG-принципов в разработке стратегии развития нефтегазового бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 1. С. 387–410.
- Maslova, Y. (2021) Current trends in the development of ecological culture in Russia. *Science almanac of Black Sea region countries.* 2(26), 14–20. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-26-2-14-20>
- Postalovskaya, O.A. (2022) Theory and practice of formation of ecological culture of future specialists in the higher school system. *Higher School: scientific-methodical and journalistic journal.* 2(148), 37–41. (in Russian).
Посталовская О.А. Теория и практика становления экологической культуры будущих специалистов в системе высшей школы // Высшая школа: науково-методичні і публіцистичні часопис. 2022. № 2(148). С. 37–41.
- Roscoe, S, Subramanian, N., Jabbour, Ch.J.C. & Chong T. (2019) Green human resource management and the enablers of green organisational culture: Enhancing a firm's environmental performance for sustainable development *Business Strategy and the Environment.* 28(5), 737–749. <https://doi.org/10.1002/bse.2277>
- Ryabova, E.V. (2019) The problem of formation of ecological culture as a value orientation of modern education. *Social pedagogy in Russia. Scientific and methodological journal.* (6), 46–49. (in Russian).
Рябова Е.В. Проблема формирования экологической культуры как ценностная ориентация современного образования // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2019. № 6. С. 46–49.
- Ryzhenkov, A.Ya. (2022) On the role of ecological and legal culture in the development of the “green” economy. *Legal culture.* 1(48), 33–41. (in Russian).
Рыженков А.Я. О роли эколого-правовой культуры в развитии «зеленой» экономики // Правовая культура. 2022. № 1(48). С. 33–41.
- Sharma, A.P. (2021) Consumers’ purchase behaviour and green marketing: A synthesis, review and agenda. *International journal of Consumer Studies.* 45(6), 1217–1238. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12722>
- Sharma, S., Prakash, G., Kumar, A., Mussada, E.K., Antony, J. & Luthra, S. (2021) Analysing the relationship of adaption of green culture, innovation, green performance for achieving sustainability: Mediating role of employee commitment. *Journal of Cleaner Production.* (303), 127039. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127039>
- Sharma, K., Aswal, C. & Paul, J. (2023) Factors affecting green purchase behavior: A systematic literature review. *Business Strategy and the Environment.* 32(4), 2078–2092. <https://doi.org/10.1002/bse.3237>

- Stáhel, R. & Tomaščíková, S. (2021) Towards the possibility of transforming consumer culture into ecological civilization. *Vestnik of Saint Petersburg university. Philosophy and conflict studies*. 37(4), 694–705. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.409>
- Tarbaeva, V.M. (2019) Development of ecological culture in the context of national experience and traditions of Russian culture. *Interdisciplinary scientific and applied journal "Biosphere"*. 11(2), 4–10. (in Russian).
Тарбаева В.М. Развитие экологической культуры в контексте национального опыта и традиций русской культуры // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2019. Т. 11. № 2. С. 4–10.
- Ustyantseva, O.V. (2022) Environmental guidelines of the constitution of Russia. *Bulletin of Tver State University. Law*. 1(69), 83–89. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.1.083> (in Russian).
Устьянцева О.В. Экологические ориентиры конституции России // Вестник тверского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 1(69). С. 83–89. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.1.083>.
- Varakina, M.I., Trofimova, E.S. & Levchenko, Y.A. (2020) The formation of the national idea of Chinese environmental culture. *Philosophy and culture*. (4), 35–45. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.4.32591>
- Vasilchuk, Yu.V. & Yakovleva, N.G. Environmental education as a factor of formation of legal culture of youth. *Bulletin of Tver State University. Law*. 1(65), 99–108. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2021.1.099> (in Russian).
Васильчук Ю.В., Яковлева Н.Г. Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи // Вестник ТвГУ. Сер.: Право. 2021. № 1(65). С. 99–108. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2021.1.099>
- Vinogradova, E.G. (2020) Ecological culture and sustainable development: unity of nature, society and culture. *Economic and socio-humanitarian studies*. 4(28), 70–76. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-4-70-76> (in Russian).
Виноградова Е.Г. Экологическая культура и устойчивое развитие: единство природы, общества и культуры // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 4 (28). С. 70–76. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-4-70-76>
- Wang, Ch.-H. (2019) How organizational green culture influences green performance and competitive advantage: The mediating role of green innovation. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 30(4), 666–683. <https://doi.org/10.1108/JMTM-09-2018-0314>
- Zheng, X., Wang, R. & Hoekstra, A.Y. (2021) Consideration of culture is vital if we are to achieve the Sustainable Development Goals. *One Earth*. 4(2), 307–319. <https://doi.org/10.1016/j.oneear.2021.02.007>

Сведения об авторе:

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам, Российская академия наук; 117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID ID: 0000-0002-8232-9533; SPIN-код: 6926-7823

e-mail: kodanevas@gmail.com

About the author:

Svetlana I. Kodaneva – Candidate of Legal Sciences, Leading researcher, Institute of scientific information on social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovsky pr., Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8232-9533; SPIN-code: 6926-7823

e-mail: kodanevas@gmail.com

PROCEEDING LAW

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-424-435>

EDN: KDIZKD

Research Article / Научная статья

The evolution of digital legal proceedings in African countries: Nigeria, Egypt and South Africa in the focus

Ekaterina P. Rusakova

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*;
Vladivostok State University, *Vladivostok, Russian Federation*
 rusakova-ep@rudn.ru

Abstract. The adoption the Digital Transformation Strategy for 2020-2030 by the African Union stands out as a significant milestone in advancing digital agendas and programs across African countries. The integration of digital technologies into the society and economy is acknowledged as a catalyst for fostering innovative, inclusive and sustainable growth. Formulated upon existing ICT initiatives in Africa, this strategy not only holds socio-economic importance for the continent's development by also play a pivotal role in ensuring digital governance. African countries grapple with challenges such as unemployment, poverty, and digital divide, making the coordinated policy of all states critical for the successful realization of the digital strategy. Essential components include adequate financing, regional integration, international cooperation and harmonization. The digital transformation of justice holds the potential to address various issues concerning accessibility and efficiency of the judicial method of safeguarding the rights and legitimate interests of citizens and business entities. A notable concern is the lack of trust in the judicial system by over 53% of Africans, emphasizing the need for improvements in legal systems to combat delays, corruption, and high litigation costs. Moreover, the digital gender gap poses a particular challenge, with only 24% of women in Africa having access to the Internet. Rural women, facing additional societal barriers, encounter difficulties in accessing legal aid, property and economic opportunities. Leveraging digital technologies to enhance justice systems, including through remote court participation and electronic case management, can mitigate these challenges. By facilitating gender-inclusive access to justice, reducing costs and processing time, and enhancing overall judicial efficiency, digital transformation in the realm of justice may pave the way for more equitable legal processes. The theoretical and methodological foundation of the study is rooted in a dialectical approach to understanding social processes and legal phenomena. The objectives of this study also necessitate application of a number of general scientific methods. Methods of analysis and synthesis are employed to examine legal trends in the progression of electronic justice, as well as to compare the evolution of

© Rusakova E.P., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

digital justice in Egypt, Nigeria, and South Africa. The unique characteristics of the study's object – civil legal relations emerging during the exercise of the right to judicial protection in electronic format – also require the use of private law methods.

Key words: digital justice, electronic litigation, platforms, technologies, Electronic Documentation Manager (EFM), COURT ONLINE, the Information Technology Industry Development Agency (ITIDA), Egypt, Nigeria, South Africa

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Received: 12th March 2024

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Rusakova, E.P. (2024) The evolution of digital legal proceedings in African countries: Nigeria, Egypt and South Africa in the focus. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 424–435. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-424-435>

Эволюция цифрового судопроизводства в странах Африки, на примере: Нигерии, Египта и ЮАР

Е.П. Русакова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация;
Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
[✉rusakova-ep@rudn.ru](mailto:rusakova-ep@rudn.ru)

Аннотация. Принятие Стратегии цифровой трансформации Африки на 2020–2030 гг. стало одним из знаковых событий, связанных с реализацией в странах Африки принятых цифровых повесток и программ. Интегрирование цифровых технологий в общество и экономику признано движущей силой инновационного, инклюзивного и устойчивого роста. Африканский союз разработал данную стратегию на основе существующих инициатив в области ИКТ по всей Африке. Принятие стратегии имеет как социально-экономическое значение для развития континента, так обеспечение цифрового управления. Отсутствие рабочих мест, бедность, цифровой разрыв – все это характерно для стран Африки. Достижение цифровой стратегии возможно только при скоординированной политике всех государств, особенно важно финансирование данного проекта, а также региональная интеграция и международное сотрудничество и гармонизация. Цифровая трансформация правосудия позволит решить ряд проблем, связанных с доступностью судебного способа защиты прав и законных интересов граждан и хозяйствующих субъектов, законностью и эффективностью. Более 53 % африканцев не доверяют судебному способу защиты прав в своих странах, в том числе из-за сложности правовых систем, что приводит к увеличению сроков рассмотрения дела и появлению коррупционной составляющей. Отсутствие необходимого количества адвокатов также способствует высокой стоимости судебных разбирательств, затрудняя доступ к правосудию для бедных слоев населения. Еще одной из проблем перехода к цифровым технологиям является цифровой гендерный разрыв, поскольку только 24 % женщин в Африке имеют доступ к Интернету. Женщины в сельской местности сталкиваются с особыми трудностями при доступе к юридической помощи из-за социально-культурных факторов, которые ограничивают их доступ к земле, собственности и экономическим возможностям. Цифровая трансформация правосудия позволит решить некоторые из указанных проблем. Использование возможности удаленного участия в процессе и электронных технологий, связанных с управлением делом, позволит получить каждому судебную защиту вне зависимости от гендерной принадлежности,

удешевит судебные расходы, расширит доступ к правосудию, сократит сроки и увеличит эффективность судебного процесса. Теоретико-методологической основой исследования является диалектический подход к познанию социальных процессов и правовых явлений. Задачи настоящего исследования также определяют применение следующих общенаучных методов. Методы анализа и синтеза используются, во-первых, для изучения правовых тенденций развития электронного правосудия, во-вторых, для сравнения эволюции цифрового правосудия в Египте, Нигерии, ЮАР. Особенности объекта исследования – гражданские правоотношения, возникающие в процессе реализации права на судебную защиту в электронной форме, предполагают использование научно-научных методов.

Ключевые слова: цифровое правосудие, электронное судопроизводство, платформы, технологии, менеджер по электронному документообороту (ЕФМ), Агентство по развитию индустрии информационных технологий («ITIDA»), СУД ОНЛАЙН, Египет, Нигерия, ЮАР

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Поступила в редакцию: 12 марта 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Rusakova E.P. The evolution of digital legal proceedings in African countries: Nigeria, Egypt and South Africa in the focus // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 424–435. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-424-435>

Integrating IT technologies in Africa

At the recent IT forum Russia-Africa: Digital technologies as a driver of state development and international cooperation, in the context of cooperation between Russia and African countries in the field of information and telecommunications technologies, agreements were reached on introducing artificial intelligence technologies based on the experience of implementing experimental legal regimes.

According to the Ministry of Finance, the export of information, computer and information services from Russia to African countries in January-September 2022 amounted to \$8.1 million, and imports – to \$2.7 million¹. According to experts, cooperation in this area is expected to grow due to the creation of new economic centers on the African continent, and hence the need to develop conceptually new methods of dispute resolution in connection with the introduction of end-to-end digital technologies in various spheres of society. Dispute resolution mechanisms are a key area for ensuring law and order in African countries. The integration of digital technologies into the economy, the state apparatus, and justice is impossible without availability of the Internet in African countries.

According to statistics, Nigeria became the leader in the number of Internet users (122 million). It is followed by Egypt – 80.22 million users; South Africa takes the third place with 43.48 million users, Morocco is the fourth with 33.18 million and Algeria closes the top five with 32.09 million users². Most users use the Internet via smartphones, which

¹ Russia and the world. Russia is ready to share experience and best practices of AI implementation with African countries. ANO Digital Economy. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/rossiya-i-mir/rossiya-gotova-delitsya-so-stranami-afriki-opytom-i-luchshimi-praktikami-vnedreniya-ii-ano-cifrovaya-ekonomika> [Accessed 9th March 2024].

² Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/505883/number-of-internet-users-in-african-countries/> [Accessed 9th March 2024].

significantly reduces the cost in comparison with a desktop computer. Thus, in order to successfully implement the concept of creating e-justice in African countries, it is necessary to develop mobile applications that could be used by the majority of the population.

It seems possible to draw a parallel between the development of IT (Rusakova & Frolova, 2022), the spread of the Internet in a particular country and the development of electronic justice.

Drawing attention to the best practices in the development of e-justice in Nigeria, it can be noted that this process began relatively recently

The process of establishing electronic justice in Nigeria has become possible since the introduction of amendments to the Federal Rules of Civil Procedure and Section 84 of the Evidence Act 2011, which consolidated electronic access to court cases (Nwaeze, 2020). The first courts allowing to carry out actions in electronic form were the National Industrial Court of Nigeria (Civil Procedure Rules of 2017) and the Court of Appeal (Practical Guidelines of 2014). These rules establish the possibility of applying to the court and carrying out a number of procedural actions in electronic form in order to speed up the proceedings.

A special electronic center has been created at the National Industrial Court (NIC); it accumulates all the information received. In addition, in order to use this service, the parties or the lawyer must register with the Electronic Documentation Manager (EFM) (Shima & Esq, 2017/2018). Vitalis Akase Shima and Bem Aboho correctly point out that the introduction of electronic technologies in judicial proceedings increases transparency, speed of justice, and solves a number of existing problems, namely, ensuring the security of court documents. As elsewhere in the world, the development of digital justice in Nigeria was influenced by the COVID 19 pandemic, which resulted in the adoption by the Chief Justice of Nigeria of Circular NJC/CIR/HOC/II/656 in April 2020; it allowed for remote court sessions.

However, the practice of applying this circular is rather varied. In some states of Nigeria (Lagos, Ogun, Rivers and Abuja), remote courts were established to file the documents, register the case, and pay the state fees via e-mail, WhatsApp or Dropbox. As of 2019, River State in Nigeria developed its own RivCOMis platform, through which electronic filing of documents to the court is carried out (Olugasa & Davies, 2022).

The use of messengers and common video conferencing platforms seem to be a necessary measure for administration of justice in emergency situations (Bezbakh & Frolova, 2022). However, the constant use of these technologies casts doubt on the legitimacy of this process in view of possible procedural violations leading to unconditional cancellation of court decisions (Rusakova & Frolova, 2021; Rusakova & Frolova, 2019). In contrast, in Kenya, as the country with dedicated platform, in 2020 the Kenyan Court of Appeal issued 57 rulings using the low-cost online video conferencing platform Zoom.

It should be noted that Nigerian leadership adheres to a two-stage approach in the process of integrating technology into judicial proceedings: the immediate introduction of simple publicly available technologies and the ongoing technical modernization of the entire judicial system at a deeper level³. According to practical instructions of the Federal

---

³ Tobi Soniyi. Senate introduces bill legalising virtual court proceedings. Available at: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2020/05/17/judges-oppose-virtual-court-sitting-say-its-unconstitutional> [Accessed 9th March 2024].

High Court, during the period of COVID-19, courts were allowed to use Zoom, Microsoft Teams, Google Meets, and Skype in their activities.

Muyiwa Ayojimi, a legal practitioner and Convener-Society for Notary Public in Nigeria notes that evidentiary law has undergone profound changes. Thus, key amendments to the Law on Evidence of 2023 were made to section 84 (Information in electronic form), namely: the use of oaths and digital signatures using audiovisual means; submission to the court of any information and materials in accessible electronic form with the possibility of its further use; any information contained in the form of an electronic record that is printed on paper, stored, recorded or copied to optical and magnetic media in cloud computing or a database created using a computer is considered a document and is evidence in the case; authentication of an electronic signature (confirmation of an electronic signature by affixing a digital signature); giving evidence under the oath is allowed by means of audiovisual means, however, it must be indicated which method was used, as well as the date when it was used⁴.

Muyiwa Ayojimi's position seems to be feasible in determining the advantages of using digital and electronic signatures in the process, since they are safer, faster, more efficient, more convenient to use, legally recognized in many countries of the world, controlled and accountable (through control journal). These advantages make the judicial process more transparent and understandable for those involved, and it is expected that this practice will spread to other spheres and industries in all countries of Africa.

Egypt may demonstrate best practices in creating e-justice

As part of implementing Vision of Egypt until 2030 state program, a digital platform for litigation in economic courts was introduced. It allows managing cases and carrying out procedural actions based on a unified technological judicial system⁵. Back in 2019, Law No. 120 of 2008 on economic courts was amended to provide for the possibility of submitting documents, registering and assigning cases for hearing using electronic means, for example, by e-mail. According to the law, a complaint against the decision of the first instance to the Economic Court may be filed electronically through a special website, but signed with a certified electronic signature, provided that registration has been completed in the electronic registrar of the court.

Saifallah Kadry emphasizes that the law did not exclude the possibility of submitting documents in the usual format, but only added a new way of carrying out procedural actions in electronic form. Therefore, the obligation to conduct a paper case by the court is preserved. It is expected that the electronic form of administration of justice will be consolidated in procedural laws.

Currently, e-justice is generated with an e-government information system on which this option is available. In order to start a trial, a lawyer must register on the digital government portal by choosing the services of the Ministry of Justice. After that, the claim and all necessary documents are sent electronically. Then the responsible employee of the court checks the case materials and the lawyer receives a message about the acceptance,

---

⁴ Muyiwa Ayojimi. The Evidence Act of 2023: A Remarkable Advancement in Nigeria's Jurisprudence. Available at: <https://lawpavilion.com/blog/the-evidence-act-of-2023-a-remarkable-advancement-in-nigerias-jurisprudence/> [Accessed 9th March 2024].

⁵ Saifallah Kadry. Digital dispute resolution in Egypt. Available at: <https://www.shandpartners.com/digital-dispute-resolution-in-egypt/> [Accessed 9th March 2024].

refusal or need to change the statement of claim. If the verification is successful, a link is sent to pay the court fee. Upon receipt of payment confirmation, the competent officer hands over the case to the judge and informs the lawyer of the case number and the date of hearing. The defendant is also notified of the time and venue, the number and the subject of the case. The defendant will also send his objections and the necessary materials to the court. The next stage is the debate and the decision, which is scanned and stored in an electronic archive (Abd-Elkawe, Belal & Abd-Elwahab).

M. Kh. Abd-Elkawe, Mohamed A. Belal, A.M. Abd-Elwahab believe that it is necessary to introduce online and remote court sessions, as well as to extend information and communication technologies to the entire judicial process, which will increase the speed of the trial, standardize court procedures, reduce the burden on participants in the proceedings and court staff, create a database court cases, and comply with the procedural deadlines.

The origins of electronic justice stem from the establishment of economic courts in 2008. Since then digital technologies are being more actively introduced. The characteristic delays in legal proceedings and the complexity of the dispute resolution procedure have led to the need for changing the current situation. This situation did not correspond to the existing realities and slowed down the pace of economic development of the country, as well as reduced investment attractiveness.

The Government of the country has made the only right decision to prevent such problems by establishing special courts (economic courts). They are aimed at active integration of information and communication technologies; this will allow them to comply with the trends of world practice in resolving economic disputes (Bashilov & Berman, 2022).

Since 2019, electronic filing of applications to court and receipt of court notifications has become possible with Law No. 149/2019 that introduced a provision on the possibility of uploading cases confirmed by electronic signature. Moreover, this law expanded the competence of economic courts to hear cases related to non-banking financial services, including money laundering and bankruptcy cases. Besides, a new commission called Group on Preparation and Mediation was created and changes in the provisions of enforcement proceedings were introduced (Hassan, Rabie & Khaled, 2020).

In 2020, the Minister of Justice issued Decree No. 8548/2020 providing for the creation of a unified electronic register of users of the commercial court in electronic form⁶. In order to register, the following documents must be attached, namely: a copy of the national identity card for individuals and/or legal representatives of legal entities, as well as a certificate confirming the applicant's electronic signature in accordance with the Law on Electronic Signature No. 15 of 2004; a different list is provided for other persons. After registration in the electronic registrar of the court; any notification sent to the specified e-mail address is deemed received from the date of its dispatch (Kadry, 2021).

In 2020, the Ministry of Justice launched a remote civil case review service in six courts of first instance in accordance with the instructions of President Abdel Fattah Al-

---

⁶ F. John Matouk, Mohamed Shehata, Mariam Metwally, Abdelrahman Omar. EGYPT: An Introduction to Dispute Resolution: Litigation. Available at: <https://chambers.com/content/item/5758> [Accessed 9th March 2024].

Sisi on the development and automation of the judicial system, as well as in accordance with the state policy of digital transformation⁷.

Currently, we are talking about the possibility of initiating civil cases, paying state fees, appointing court sessions and receiving notifications but the trial itself is still carried out in the presence of the parties before the judge.

The Ministry of Justice encourages lawyers to use this new service and welcomes their proposals aimed at helping them realize the rights of citizens and accelerate the achievement of justice.

Currently, courts in Cairo, Giza, Alexandria, El Mansour, North and South Giza can be accessed through the official website of the Ministry of Justice. QR codes are also available to track cases in the Egyptian Council of State Court.

The country's leadership is continuing to implement all the digital programs announced at the Cairo International Exhibition of Information and Communication Technologies in 2020. With regard to digital justice, enormous steps are being taken in this direction to achieve this goal. The Egyptian legal community expects that participants in court proceeding will be given the opportunity to carry out all procedural actions in electronic format, including freeing them from mandatory court appearances. They also hope that a single platform will be set up and unite all law firms and government agencies, including courts, to efficiently carry out their activities (Kadry, 2021).

Judicial practice on the use of electronic documents as acceptable means of proof also supports this approach. In its decision No. 17689, the Court of Cassation indicated that the authenticity of e-mails as evidence cannot be denied, provided that they comply with the technological and technical requirements of Law No. 15 on Electronic Signatures of 2004. In 2020, in connection with the COVID-19 pandemic, on the basis of Resolution No. 361 of the Ministry of Communications and Information Technology, special Rules concerning the Law on Electronic Signatures and Establishment of the Information Technology Industry Development Authority (ITIDA) were published.

The rules set forth the conditions when electronic documents are accepted by the court as evidence in civil, commercial and administrative cases. The provision on electronic communications is quite interesting; it discloses the cases when they are accepted as evidence, that is, the necessity of electronic signature of the originator of the document, issued by one of the companies with a valid ITIDA license. According to information on the official ITIDA website, currently four organizations have ITIDA licenses to carry out activities and provide services related to electronic signatures⁸.

Moreover, the Rules contain new terms such as electronic seal (which means an electronic signature that allows to identify a legal entity and distinguish it from other legal entities); electronic timestamp (this is what is placed in an electronic document and takes the form of letters, numbers, symbols, signs, etc., which link this data to a specific time in order to prove the existence of an electronic document at a certain time)⁹.

---

⁷ Launching a remote civil litigation service in six primary courts. Available at: <https://www.sis.gov.eg/Story/152657/Launching-a-remote-civil-litigation-service-in-six-primary-courts?lang=en-us> [Accessed 9th March 2024].

⁸ Shalakany Law Office. Are Emails and E-Signatures accepted under Egyptian Law as means of evidence? August 9, 2020. Available at: <https://www.shalakany.com/newsletter/are-emails-and-e-signatures-accepted-under-egyptian-law-as-means-of-evidence/> [Accessed 9th March 2024].

⁹ Shalakany Law Office. Are Emails and E-Signatures accepted under Egyptian Law as means of evidence? August 9, 2020. Available at: <https://www.shalakany.com/newsletter/are-emails-and-e-signatures-accepted-under-egyptian-law-as-means-of-evidence/> [Accessed 9th March 2024].

The Egyptian Government has approved many different electronic systems in various fields to improve and develop the services it provides to citizens. But despite this, the idea of creating e-justice has not yet been implemented due to serious problems related to the lack of necessary financing for equipping the Egyptian judicial system with technological infrastructure, lack of qualified personnel, and a backlog in the IT sector.

The leader of digital justice on the African continent is South Africa

In her article entitled *Beautiful Dreams Become Reality in the Civil Process* Nombulelo Queen Mabeka touches upon the issues of digital transformation of the civil process in South Africa. She notes that procedures that do not comply with modern realities and also to legislation are still maintained, for example, section 27 of the Electronic Communications and Transactions Act No. 25 of 2002, provisions of the Uniform Rules of the High Court and the Rules of Magistrate Courts. This may refer to the delivery of pleadings in person, despite electronic delivery, as well as delivery to the plaintiff of a notification of the defendant's intention to defend himself (Mabeka, 2021).

Nombulelo Queen Mabeka notes that the integrated CaseLines system does not contain provisions regarding measures to ensure the protection of personal information that is stored or distributed electronically in order to prevent illegal interception.

South African courts have demonstrated that they support the use of technology in civil proceedings in cases such as *CMC Woodworking Machinery (Pty) Ltd v Pieter Odendaal Kitchens and Spring Forest Trading 599 CC v Wilbery (Pty) Ltd*, respectively.

Initially, an electronic filing system existed in the High Court system, which is now called Court online. However, the COVID-19 pandemic has become an impetus for the expansion of electronic services in the justice system. On June 27, 2022, the Office of the Chief Justice issued a directive that all new cases, launched from July 18, 2022, should be initiated in the online court; thus the directive terminated electronic filing of applications to the court, electronic case management and electronic evidence in the High Court.

Moreover, the Law on Electronic Communications and Transactions has established a new procedure for submitting documents to the court, now they must be signed with an electronic signature. An electronic signature is a tool to identify a person and confirm information. Thus, lawyers and parties to the litigation may use electronic signatures to sign court documents¹⁰.

The task of creating the COURT ONLINE system is to increase the availability of judicial protection through the use of cloud technologies and via the Internet to apply to the court from anywhere in the world, as well as to carry out all necessary procedural actions to handle the case.

The goals of COURT ONLINE include: reducing the time spent by those involved in court proceeding in the courthouse; minimizing the presentation of court documents on paper; implementing the principle of transparency in court proceedings; quick access to case materials.

Ensuring the transparency of judicial proceedings through this system provides participants in the process with a full range of electronic services for the convenience of their defense, reducing the number of disputes related to exercising procedural rights by the parties.

---

¹⁰ Siphokazi Kayana & Charlene Ferns. *CMS Expert Guide to Digital Litigation in South Africa*. Available at: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-digital-litigation/south-africa> [Accessed 9th March 2024].

The advantage of this system is also connected with the removal of the problematic issue of proper notification of the parties, since information comes in real time to e-mail addresses confirmed by the parties, as well as via SMS messages to mobile phones. This system allows for rapid verification of documents, as well as obtaining extracts from the case materials.

The use of the COURT ONLINE system is possible in the process of managing a court case, conducting divorce proceedings, making a decision in absentia, granting permission to appeal, resolving ordinary civil cases, in appeals in civil and criminal cases, and in a commercial court.

The following components are characteristic of this system: access to the Front-End (FE) portal is carried out via the Internet from each computer or mobile device registered in the Court Online system; a workflow application that allows to carry out internal processes of handling a case in courts; a case management application that allows to complete the process of registering a case, receiving case numbers, further processing of cases at all its stages and real-time monitoring; hearing the case and drawing up court records; evidence management application; implementation of the court session and the decision on the case¹¹.

The publication on January 10, 2020 by Judge-President Mlambo of a practical directive on the full implementation of the COURT ONLINE evidence management application (CaseLines) turned out to be a landmark event. The Gauteng Branch of the High Court of Pretoria and Johannesburg has been integrating a digital case management and litigation system since January 27, 2020.

Due to the complexity of the evidence process in South Africa, the Court Online: Evidence Management (CaseLines) system has given judges and lawyers the opportunity to efficiently and safely prepare, compare, edit, share and present evidence including documentary and video in a single online system.

Court Online: Evidence Management (CaseLines) is a cloud based platform that can be accessed on any laptop or tablet with Internet access and an Internet browser. All evidence is securely stored in the online cloud, which allows the lawyer to easily and securely access the evidence.

After the publication of Practical Directives by the Office of the Chief Judge on the possibility of holding court hearings online using videoconference or video communication, hearings are held mainly online.

It should be noted that South Africa cannot be considered a country with digital justice, since despite the possibility of conducting legal proceedings in electronic format, the judge may decide that the participant needs to appear in court to give evidence the same applies to the form of the trial stage.

A similar opinion is shared by scientists Nombulelo Queen Mabeka and Rushiella Songca, who emphasize that over the years, changes have been actively made to the procedural legislation of South Africa, however, the amendments do not sufficiently meet the modern development of technology. For example, Article 129 of the Law on National Credit establishes the requirement that the creditor must first send a notification to the party who did not fulfill the obligation at the last address known before the start of the trial. “Facebook, Instagram”¹², email and other digital methods are suggested, however, this

---

¹¹ The South African Judiciary. Available at: <https://www.judiciary.org.za/index.php/court-online/about-court-online#> [Accessed 9th March 2024].

¹² On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social network Facebook and Instagram, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

method is completely outdated and does not correspond to modern methods of communication, so Nombulelo Queen Mabeka and Rushiella Songca suggest using “Facebook, Instagram”¹³, email and other digital methods (Nombulelo Queen Mabeka & Rushiella Songca, 2021). South African courts recognize the use of electronic technologies and allow parties to go to court via “Facebook”¹⁴, but this issue is not legally formalized.

It is noted that digital technologies will require the country’s leadership to expand the Internet throughout the country, especially where the courts are located.

Queen Mabuka and Rushiella Songca argue that technologies should be designed in such a way that any party can access information on the case, as well as track its progress. It is assumed that the system should include pop-up messages indicating the completion dates of various trials, and attention should also be paid to ensuring the security of electronic data by involving professional and accredited electronic service providers.

In 2023, the Chief Justice published a practical directive for regional courts in South Africa in accordance with Articles 8(3), 8(5) of the Law on Higher Courts. The following changes were introduced: appearance and hearings in civil cases can be carried out through audio-visual links; the Chairman of the Magistrate court can determine which cases may and which may not be settled remotely, if the parties have agreed to this in writing; when submitting requests for hearing dates or when sending a notification to the Registrar or the Registrar's Assistant the parties shall express consent or disagreement to the use of any virtual platform or electronic (digital) hearing cases and (or) witness testimony remotely or audiovisually; a copy of any electronic correspondence, including attachments, between the parties may be recognized by the court as evidence¹⁵.

Conclusion

The active integration of digital technologies in the countries of the African continent has become possible as a result of partnership with the European Union, which is the leading investor in most of these countries (Frolova, 2020). Therefore, the support of innovation and promotion of digital assets are a prerequisite for implementing investment activities. The development of financial technologies has led to the emergence of mobile financial platforms such as M-Pesa, Momo, Orange and Airtel Money, which allow financial transactions within countries. Due to this, more than 500 African companies are involved in this process by providing technological innovations in the field of financial services. In fact, Africa accounts for 70% of the world’s electronic money, which is estimated at \$1 trillion¹⁶.

Digital technologies are swiftly getting into the material relations area, inflating it with innovative means of conducting business. However, due to the high rates of digital

---

¹³ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social network Facebook and Instagram, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

¹⁴ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social network Facebook and Instagram, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

¹⁵ Civil Practice Directives for the Regional Courts in South Africa. 2023. Revision. Available at: <https://www.derebus.org.za/wp-content/uploads/2023/05/Updated-RC-Civil-practice-directives-2023.pdf>

¹⁶ Memoona Tawfiq. Unlocking Access to Justice in Africa through Digitalisation: Socio-Legal Start-ups and EU-AU Partnerships. Available at: <https://centurionlgplus.com/unlocking-access-to-justice-in-africa-through-digitalisation-socio-legal-start-ups-and-eu-au-partnerships/> [Accessed 9th March 2024].

technologies development, its legal regulation is lagging behind, so the use of selected digital technologies causes unpredictable business flow and diverse law enforcement policies.

It should be noted that the process of digitalization has not affected individual spheres of society, but has a global character, starting with education and ending with medicine. This step-by-step approach has already proved its effectiveness in some African countries: South Africa, Egypt, Nigeria, Algeria and others.

Exploring the evolution of digital justice, African countries can be divided into two groups: the first group includes countries that started this process with higher courts, and the second group includes those that integrated technology into special courts, for example: economic (commercial) courts.

Turning to China's successful experience in creating digital justice, it should be noted that the country chose the second path. Specifically for the realization of this goal, Internet courts have been created; they apply various innovative technologies, including artificial intelligence, blockchain, and cloud technologies.

Acts of the Supreme People's Court of the People's Republic of China, as well as, for example, the South Africa's acts of the Chief Judge, play a special role in regulating emerging procedural relations. This allows to quickly resolve all disputable situations arising in the dispute resolution process and give the necessary interpretation to the current norms. New technologies are being used to compile procedural documents both in the activities of judges and the entire legal community.

References / Список литературы

- Abd-Elkawe, M. Kh., Belal M.A. & Abd-Elwahab, A.M. (2023) An Adaptive Framework for Electronic Litigation in Egypt. *International Journal of Computer Applications*. 184(42), 18–27. <https://doi.org/10.5120/ijca2023922521>
- Bashilov, B.I. & Berman, A.M. (2022) Procedural Documents in the Era of New Technologies: How Legal Design Has Changed the Legal World. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (288), 261–270. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_28
- Bezbakh, V.V. & Frolova, E.E. (2022) Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 29–37. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_3
- Frolova, E.E. (2020) The new European Union financial market ecosystem: digitalization and sustainability. *RUDN Journal of Law*. 24(3), 673–694. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-673-694> (in Russian).
Фролова Е.Е. Новая экосистема финансового рынка Европейского Союза: цифровизация и устойчивость // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 673–694. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-673-694>
- Hassan, M., Rabie, M.A. & Khaled, A. (2020) Electronic litigation in light of Act No. 146 of 2019. Amending some provisions of Economic Courts Act No.12 of 2008. Available at: <http://sapegyptlaw.com/146-of-2019.html>. [Accessed 9th March 2024].
- Kadry, S. (2021) Egypt: Egypt's First Ever Litigation Electronic Registry. Available at: <https://www.mondaq.com/trials-appeals-compensation/1040896/egypt39s-first-ever-litigation-electronic-registry> [Accessed 9th March 2024].
- Mabeka, N.Q. (2021) An Analysis of the Implementation of the CaseLines System in South African Courts in the Light of the Provisions of Section 27 of the Electronic Communications and Transactions Act 25 of 2002: A Beautiful Dream to Come True in Civil Procedure.

Potchefstroom Electronic Law Journal. (24), 1–31. <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2021/v24i0a8707>

- Nombulelo Queen Mabeka, & Rushiella Songca. (2021) An Overview of Statutes Relating to Civil Procedure in South Africa in Light of the Changes in Technology. *Obiter*. 41(4), 685–703. <https://doi.org/10.17159/obiter.v41i4.10476>
- Nwaeze, G. (2020) The Future of Law Practice in Nigeria in the Face of Global Trends and Developments in Information and Communications Technology. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3596499> [Accessed 9th March 2024].
- Olugasa, O., & Davies, A. (2022) Remote Court Proceedings in Nigeria: Justice Online or Justice on the Line. *International Journal for Court Administration*. 13(2). <https://doi.org/10.36745/ijca.448>
- Rusakova, E.P., & Frolova, E.E. (2019) Procedural Aspects of Proof in China's Internet Courts: Opportunities for Receiving BRICS Jurisdiction. *Lecture Notes in Networks and Systems*. (198), 1598–1605. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_176
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2021) Procedural Aspects of Proof in China's Internet Courts: Opportunities for Receiving BRICS Jurisdiction. In: *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference*. Vol. 198. Cham: Springer Nature, 1598–1605. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_176
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 143–153. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_12
- Shima, V.A. & Esq, B.A. (2017/2018) Electronic Filing and Service of Court Processes under the National Industrial Court Rules, 2017 and Court of Appeal (Practice Directions), 2014: A Catalyst for Trial within a Reasonable Time in Nigeria. *Benue State University Law Journal*. 298–313. Available at: <https://www.bsum.edu.ng/w3/files/lawJournal/vol8n1/article13.pdf> [Accessed 9th March 2024].

About the author:

Ekaterina P. Rusakova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation; Leading Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Scopus Author ID: 57192093101; SPIN-code: 5995-0005

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Сведения об авторе:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; главный научный сотрудник, Владивостокский государственный университет, 690014, Российская Федерация, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Scopus Author ID: 57192093101; SPIN-код: 5995-0005

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

EDN: JIAJLY

Научная статья / Research Article

Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдова и Российской Федерации

А.В. Верещагина

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
 vereschagina_ alla@mail.ru

Аннотация. Доказательства и доказывание – сердцевина уголовно-процессуальной регламентации, которая в значительной степени влияет на качество правоприменения. В имевших в момент распада СССР единую правовую систему государствах постсоветского пространства появились оригинальные уголовно-процессуальные законы, содержащие интересные образцы компоновки норм о доказательствах и доказывании. Цель исследования состоит в выявлении особенностей конструкции институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и Российской Федерации. Исследование проведено с соблюдением общенаучных принципов познания объективности, всесторонности, плюрализма, историзма и с использованием исторического, формально-логического и компаративного методов, а также анализа документов. Сопоставление нормативных моделей институтов доказательств и доказывания в молдавском и российском уголовно-процессуальном законах позволяет констатировать общность подхода к понятию доказательства как единства формы и содержания. Заслуживающими внимания особенностями молдавского уголовно-процессуального закона являются: компоновка и структурирование норм доказательственного права и корректное использование терминологии. В российском уголовно-процессуальном законе нормы доказательственного права рассредоточены в Части 1. Общие положения и частях 2 и 3, посвященных досудебному производству и судебному разбирательству; имеет место дублирование нормативных положений и неточное использование терминов. Отчасти генезис компоновки институтов доказательств и доказывания коренится в Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года. Систематизация норм в Уставе уголовного судопроизводства отражала особенности российского дореволюционного уголовного процесса. Без учета сложившегося в советский период стадийного строения процесса и дифференциации уголовно-процессуальной формы советский и современный законодатель сохранили дореволюционную систематизацию норм доказательственного права. Отмеченные недостатки конструкции институтов доказательств и доказывания желательнее устранить, поскольку регламентация не совсем соответствует стадийному строению процесса и дифференциации уголовно-процессуальной формы и не исключает злоупотребления правом. Сопоставимость объектов сравнительного исследования в случае корректировки российского законодательства позволяет обратиться к опыту законодателя Республики Молдова.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, законодательная техника,

© Верещагина А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

доказательство, доказывание, следственное действие, собирание доказательств, представление доказательств, субъект доказывания

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 июня 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Верещагина А.В. Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдовы и Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 436–453. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

Proof and proving: legislative technique of criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation

Alla V. Vereshchagina

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

 vereschagina_alla@mail.ru

Abstract. Proof and proving lies at the heart of criminal procedure regulation, significantly impacting the quality of law enforcement. In the post-Soviet states that once shared a unified legal system during the USSR dissolution, original criminal procedural laws emerged, exhibiting intriguing examples of evidence and proof rules' layout. The purpose of the study is to discern the distinct design characteristics of evidence and prove institutions in the criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation. The study's methodological framework rests upon the general scientific principles of cognition such as objectivity, comprehensiveness, pluralism, and historicism. It employs historical, formal-logical and comparative methods, as well as document analysis. By comparing the normative models of evidence and proof institutions in Moldovan and Russian criminal procedure laws, a shared approach to the concept of evidence as a fusion of form and content becomes apparent. Distinct features of the Moldovan criminal procedure law include the systemic and structured arrangement of evidence rules, the formal adoption of the concept of a means of proof, and precise use of terminology. Conversely, the Russian criminal procedure law disperses evidence rules across general and specialized sections, leading to regulatory duplications and terminological inaccuracies. The historical roots of the evidence and proof institution layout trace back to November 20, 1864, Charter of Criminal Procedure. The Charter's systematization of norms reflected the nuances of the pre-revolutionary Russian process. Despite the subsequent stage structuring evolution during the Soviet era and procedural form differentiation, the Soviet legislator retained the pre-revolutionary rules' systematization on evidence. Presently, the current criminal procedure law maintains much of the previous regulatory content, highlighting essential areas for enhancement in evidence and proof institution design to align more closely with the process' stage structure and procedural form differentiation, thus mitigating potential abuse of rights. Addressing these design shortcomings is crucial. Rectifying Russian legislation following the comparative study allows drawing insights from Moldova's legislative experience.

Key words: criminal procedure legislation of the Republic of Moldova, criminal procedure legislation of the Russian Federation, legislative technique, evidence, proving, investigative action, collection of evidences, presentation of evidences, entity of proving

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 29th June 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Vereshchagina, A.V. (2024) Proof and proving: legislative technique of criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 436–453. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

Введение

*Актуальность исследования*¹. Законодательная техника нормативно-правового акта коррелирует качество правоприменения. Российские исследователи изучают не только феномен в целом (Baranov, 2017; Vlasenko, 1995), его отдельные аспекты (Polenina, 2011; Skurko, 2022), но и особенности используемых и использованных приемов законодательной техники при создании конкретных нормативных правовых актов, в особенности Уголовного кодекса Российской Федерации² (Ivanchin, 2014). Сложно умалить роль уголовного закона, его добротности для обеспечения правопорядка, защиты прав и свобод личности, но не меньшее значение для достижения означенных целей и формирования доверия к уголовной юстиции имеет качество уголовно-процессуального законодательства. Однако работ, в которых бы излагались вопросы законодательной техники применительно к Уголовно-процессуальному кодексу РФ³, до настоящего времени практически нет. Исключение составляет достаточно давно опубликованная статья А.А. Тимошенко «Юридико-технические проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства», в которой автор касается только вопроса системы и иерархии источников уголовно-процессуального регулирования (Timoshenko, 2007:80–88).

Законодательство в появившихся на постсоветском пространстве государствах, имевших в момент их образования единую правовую основу, например, Республики Молдова, существенно трансформировалось. Началу проведения судебной реформы в Молдове положила Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова (далее в Тексте – Концепция)⁴, в которой неперенным условием формирования независимого, демократического и цивилизованного государства указывалась организация государственной власти на основе последовательного проведения принципа разделения властей, с четким разграничением полномочий органов разных ветвей власти. Судебно-правовое реформирование расценивалось в Концепции как важнейший этап «...перехода от системы директивного управления к демократическому правовому государству»⁵, что позволило бы обеспечить верховенство права во всех

¹ В тексте статьи использованы следующие сокращения: ОРД – оперативно-розыскная деятельность; РМ – Республика Молдова; РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика; СССР – Союз Советских Социалистических Республик; УПК – Уголовно-процессуальный кодекс; УУС – Устав уголовного судопроизводства.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921. Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

⁴ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова. Утверждена Постановлением Парламента Республики Молдова № 152 от 21.06.1994 // Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=306826&lang=2> (дата обращения: 11.04.2024).

⁵ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова.

«социальных сферах», приоритет прав и свобод личности и их защиту. В качестве одного из принципов реформирования закреплялось так же положение о принятии и адаптации «...принципов и норм международного права и уважение их приоритета в процессе проведения реформы»⁶. Два означенных момента, по нашему мнению, не могли не повлиять на особенности структуры и содержания уголовно-процессуального закона Республики Молдова. Несмотря на, казалось бы, очевидную значимость для правоприменения качества уголовно-процессуального регулирования, и сопряженных с этим феноменом моментов, молдавские ученые изучением примененной при конструировании УПК РМ⁷ законодательной техники не занимаются (Smochina & Smochina, 2023:13–29). Единственная работа, посвященная законодательной технике, была опубликована в 1997 году (Negru & Cojocar, 1997).

В статье представлены некоторые результаты сравнительного анализа законодательной техники в конструировании институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и Российской Федерации.

Цель исследования: выявить в молдавском и российском уголовно-процессуальном законах особенности конструирования институтов доказательств и доказывания.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в ходе доказывания по уголовным делам.

Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие доказывание по уголовным делам в Молдове и России.

Научная новизна исследования заключается в самом подходе к исследованию законодательной техники через сопоставление институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и России.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать полученные результаты для корректировки российского уголовно-процессуального законодательства.

Методология исследования основана на принципах научного познания – объективности, всесторонности, плюрализма, историзма. В процессе проведения исследования применялись исторический, формально-логический и компаративный методы, а также анализ документов.

Особенности компоновки норм о доказательствах и доказывании

В литературе нет единого понимания законодательной техники, ее компонентов, соотношения с родственными категориями и т.п. (Ivanchin, 2014:4, 32; Kibak, 2013:216–218). Не вдаваясь в тонкости дискуссии, отметим лишь, что в публикации мы коснулись только некоторых моментов законодательной техники, преимущественно размещения и структуризации нормативного материала, логического и языкового аспектов (Ivanchin, 2014: 132).

В действующем уголовно-процессуальном законе Республики Молдова доказательственному праву посвящен раздел IV Общей части. Нормы означенного раздела сгруппированы в трех главах, названных «Основные положения», «Доказывание» и «Средства доказывания и методы доказывания». Иными словами, в одном

⁶ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV // Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=141507&lang=ru# (дата обращения: 11.04.2024). Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

структурном элементе закона – разделе IV – содержатся положения, раскрывающие легальное содержание понятий доказательство, виды доказательств, свойства доказательств, предмет доказывания и др., и, одновременно, детально регламентирующие процессуальные действия, посредством которых происходит собирание и проверка доказательств. Консолидированное изложение перечисленных выше вопросов доказательственного права отнюдь не означает, что в УПК РМ не учитываются особенности доказывания в уголовно-процессуальных стадиях и особых производствах (смотри, например, статьи 280–282.1, 367–375, 475, 478–479, 481 и другие). При этом подчеркнем, молдавский законодатель с учетом подробного изложения вопросов доказательств и доказывания в общей части уголовно-процессуального закона касается в особенной части исключительно специфических, характерных для конкретной стадии или особого производства вопросов. К примеру, в статье 370 УПК РМ, посвященной допросу свидетеля в стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, указаны такие нюансы как осуществление допроса отдельно и в отсутствие недопрошенных свидетелей; очередность допроса свидетелей – сначала допрос свидетелей обвинения, затем защиты; возможность допроса свидетеля по ходатайству прокурора в отсутствие подсудимого; право сторон задавать дополнительные вопросы в целях прояснения и дополнения данных ответов и другое.

В российском уголовно-процессуальном законе подход несколько иной. Нормы институтов доказательств и доказывания рассредоточены. Некоторые нормы содержатся в Разделе III «Доказательства и доказывание» (главы 10 и 11 соответственно «Доказательства в уголовном судопроизводстве» и «Доказывание») Части 1. Общие положения, а некоторые – в Разделах VII, VIII и IX – «Возбуждение уголовного дела» (глава 19), «Предварительное расследование» (главы 21 – 27) и Разделе IX «Производство в суде первой инстанции» (глава 37 УПК РФ) соответственно Частей 2 и 3 «Досудебное производство» и «Судебное разбирательство».

Конечно, выбор организации нормативного материала – прерогатива законодателя. Тем не менее, имеющееся в молдавском уголовно-процессуальном законе решение представляется достаточно интересным. Такое изложение соответствует логике деления в молдавском законе нормативного материала на общую и особенную части; обеспечивает единую общую регламентацию для всех стадий и особых производств, но с учетом специфики стадий и особых производств; оптимизирует изложение и поиск нормативного материала; минимизирует повторы в законе и использование ссылочных диспозиций, расширяющих возможности правоприменителя действовать по усмотрению, что порой ведет к злоупотреблению правом. Диаметральное решение, по нашему мнению, продуцирует ряд недостатков: несоответствие членению закона на общие и специальные положения, регулирующие процедуру в отдельных стадиях или при применении специальных процедур; искажение логической последовательности регламентации; дублирование нормативных положений; переизбыток ссылочных диспозиций; некорректность использования в законе терминологии.

Гипотеза о генезисе организации норм доказательственного права в УПК РФ

Смысл выделения Части 1. Общие положения в УПК РФ заключается в изложении в этом разделе норм, регулирующих процедуры единые (общие) для всех стадий и особых производств, к коим наряду с понятием и видами источников; принципами уголовного судопроизводства; статусом участников уголовного процесса; понятием,

системой и процедурой применения мер процессуального принуждения и прочее, относятся нормы доказательственного права. Напротив, положения частей 2–5 УПК РФ закрепляют процедуры, характерные для конкретной уголовно-процессуальной стадии, либо особых производств и т.д. Однако в России, как отмечалось выше, нормы доказательственного права, в отличии, например, от института мер процессуального принуждения, рассредоточены по всем частям уголовно-процессуального закона.

Возможно, современный российский законодатель воспринял опыт предшественников в конструировании стадии предварительного расследования. В частности, в Разделе II «О предварительном следствии» Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года, в том числе регламентировались вопросы «начатия» следствия, производства следственных действий (главы III – V, VII, IX)⁸. Но здесь следует учитывать иное дореволюционное судоустройство и стадийное строение процесса, детерминировавшие систематизацию уголовно-процессуальных норм. Устав уголовного судопроизводства состоял из трех книг: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных установлениях» и «Изыятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Судебный следователь принадлежал к судебному ведомству, дифференциации досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству в общих судебных установлениях не было. Дифференциация досудебного производства лишь обсуждалась в Комиссии Н.В. Муравьева на рубеже XIX–XX веков (Vereshchagina, 2010:54–58). Именно поэтому помещение норм об «исследовании события преступления» в Раздел II «О предварительном следствии» Книги «Порядок производства в общих судебных установлениях» обоснованно.

В первом уголовно-процессуальном законе советского государства⁹ распределение нормативного материала напоминает имевшееся в Уставе уголовного судопроизводства. Расследование производили следователи (народные и военные), находившиеся при судах, трибуналах и Народном Комиссариате Юстиции (пункт 5 статьи 23 УПК РСФСР 1922 года). Налицо наряду с пониманием досудебной подготовки материалов как деятельности, исходящей от судебной власти, формирование возобладавшего в последующем подхода – включение следственных подразделений в органы исполнительной ветви власти и закрепление за ними функции уголовного преследования. Как и в Уставе уголовного судопроизводства, нормы доказательственного права фиксировались в главах XI, XIII–XVI Отдела второго, посвященного досудебному производству. Кроме того, в анализируемом нормативном правовом акте появляется глава VIII «Дознание» – предтеча института дознания как самостоятельной формы досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству. Материалы произведенного дознания по преступлениям небольшой тяжести (наказание до 1 года лишения свободы) могли направляться, минуя прокурора, в суд (пункт 2 статьи 107). Это положение, как представляется, легализовало идеи некоторых дореволюционных юристов о придании протоколам дознания статуса

⁸ Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. № 41476. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. 1867. Здесь и далее в тексте нормы документа приведены по этому источнику.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 20–21.

доказательств, «которые бы исследовались в суде наравне с материалами предварительного следствия» (Vereshchagina, 2010: 53).

Изложенное позволяет охарактеризовать как переходную регламентацию досудебной подготовки материалов в УПК РСФСР 1922 г., в которой сохранялись некоторые элементы дореволюционного законодательства: принадлежность следователя к судебному месту и закрепление его прерогативы на производство следственных действий с одновременным формированием института дознания, ставшего в последующем самостоятельной формой предварительного расследования. Иными словами, несмотря на наметившуюся тенденцию дифференциации процессуальной формы досудебной подготовки материалов, в УПК РСФСР 1922 г. сохранилась регламентация институтов доказательств и доказывания с привязкой исключительно к деятельности следователя как в Уставе уголовного судопроизводства.

В соответствии с предписаниями УПК РСФСР 1960 года¹⁰ производство предварительного расследования производилось дознавателями и следователями различных исполнительных органов власти (КГБ, МВД, прокуратуры – статья 125) и утвердились две формы досудебной подготовки материалов – дознание и предварительное следствие, но это обстоятельство законодатель не учел, и компоновка нормативного материала осталась прежней – в главах о предварительном следствии (смотри главы 11–16 Раздела второго «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие»), как это было во второй половине XIX – начале XX в., когда, повторимся, нормативная модель уголовного судопроизводства, включая досудебное, была другой. Сложившийся в УПК РСФСР 1960 г. порядок размещения нормативного материала без какого-либо критического переосмысления, без учета стадийного построения процесса, дифференциации уголовно-процессуальной формы, современный законодатель привнес в УПК РФ 2001 г.

Несоответствие размещения значительной части норм доказательственного права в разделах, посвященных предварительному следствию, дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования и стадийному построения процесса

Как упоминалось выше, размещение норм о процедуре производства следственных действий в главе 22 УПК РФ, именуемой «Предварительное следствие» не соответствует имеющейся в российском уголовном процессе дифференциации процессуальной формы предварительного расследования, осуществляемого также в форме дознания и дознания в сокращенной форме. Буквальное толкование норм главы 22 УПК РФ позволяет прийти к выводу об осуществлении следственных действий только при производстве предварительного следствия. Эта интерпретация подкрепляется положениями статей 177–189, 190–193, 195–197, 199, 202, 205, 206 УПК РФ, закрепляющими процедуры следственных действий, в соответствии с которыми правом на их производство наделен единственный субъект – следователь.

Кроме того, некоторые следственные действия производятся не только в стадии предварительного расследования, но и возбуждения уголовного дела при проведении доследственной проверки (осмотры, назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта, освидетельствование – часть 1 статьи 144 УПК РФ)

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

и судом при рассмотрении дела по существу – допрос; судебная экспертиза; осмотры вещественных доказательств, местности и помещения; освидетельствование; следственный эксперимент; предъявление для опознания (статьи 275, 277, 278, 280, 281.1, 282–284, 287–290 УПК РФ). Диспозиции части перечисленных норм не конкретизируют процедуры следственных действий и отсылают к положениям глав 24–27 УПК РФ, нормы которых, повторимся, помещены в Разделе VIII «Предварительное расследование», и единственным субъектом производства следственных действий в них указан следователь.

Отчасти исключением являются предписания статей 189.1 и 194 УПК РФ. Закрепляя особенности производства допроса с применением систем видеоконференцсвязи (статья 189.1), законодатель указывает двух надлежащих субъектов – следователя и дознавателя, осуществляющих расследование соответственно в форме предварительного следствия и дознания. Что касается проверки показаний на месте, то содержащиеся в статье 194 УПК РФ положения, наоборот, не обозначают никаких субъектов производства этого следственного действия, что, на наш взгляд, более приемлемо с точки зрения имеющейся системы стадий, дифференциации уголовно-процессуальной формы и множественности субъектов доказывания (дознаватель, следователь, судья (суд)), имеющих право придать процессуальную форму сведениям о фактах. Указание единственного субъекта производства следственных действий понуждает дознавателей применять для восполнения пробела в системе субъектов, имеющих право на производство следственных действий, аналогию закона.

Таким образом, вопреки стадийному построению российского уголовного процесса и имеющимся формам досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству, полномочиям суда о производстве различных видов осмотров, освидетельствования и т.п. в ходе судебного разбирательства законодатель значительную часть нормативного материала об основном способе собирания и проверке доказательств – следственных действиях разместил в главах, посвященных предварительному следствию, указав в подавляющем большинстве случаев в качестве единственного субъекта их производства следователя.

Дублирование нормативных положений

Отсутствие аккумулированного закрепления норм институтов доказательств и доказывания привело к дублированию, а иногда и утраиванию одного и того же материала в законе. Например, в главе 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» перечисляются виды доказательств и сжато описывается их содержание, которое зачастую сводится к указанию формы получения и уголовно-процессуальной стадии (статьи 76–80 УПК РФ). Наиболее лаконично дано понятие протоколов следственных действий и судебного заседания, ограничивающееся констатацией о том, что протоколы являются доказательствами, если получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона (статья 83 УПК РФ). Исключением из лапидарной регламентации являются положения статей 81–82 УПК РФ, достаточно детально прописывающие понятие вещественного доказательства, процедуры придания ему процессуальной формы, хранения и «судьбы» вещественного доказательства.

Нормы главы 10 УПК РФ конкретизируются в главах, посвященных общим условиям предварительного расследования и предварительному и судебному

следствию (главы 21, 22, 37 УПК РФ). Словом, закон несколько раз описывает одни те же виды доказательств – кратко в главе 10 УПК РФ, помещенной в Часть 1. Общие положения, более подробно применительно к конкретным уголовно-процессуальным стадиям.

Изобилие ссылочных диспозиций в нормах, посвященных видам доказательств и процедурам их собирания и проверки

Описание видов доказательств, различных аспектов процедуры их собирания и проверки в 78,94% случаев в российском уголовно-процессуальном законе сопряжено с применением ссылочных диспозиций (смотри статьи 76–84; 163–166, 168–175, 177–180, 182–186.1, 188–193, 195, 199, 202, 203, 205, 207 УПК РФ) против 36,95% ссылочных диспозиций в УПК РМ (статьи 102–110.1, 111–131, 132–132.11, 133–134.6, 135–138.3, 139–141, 142–153, 154–156, 157–164 УПК РМ). Сложно не согласиться с утверждением о том, что применение ссылочных диспозиций при конструировании нормативных предписаний является способом «...экономии нормативного материала...» «...с целью компактного изложения...» (Soloviev, 2015:67). Но есть и обратная сторона медали. Одно дело – когда к ссылочной диспозиции прибегают для избежания дублирования имеющейся нормы, другое – когда ссылочная диспозиция, напротив, следствие дублирования нормативного материала. Целесообразность применения ссылочной диспозиции можно проиллюстрировать нормой части 5 статьи 177 УПК РФ, содержащей ссылку на статью 165 УПК РФ, посвященную процедуре получения судебного разрешения на производство некоторых следственных действий, в данном случае осмотра в жилище без согласия проживающего в нем лица. Напротив, следствием имеющих в законе повторов является положение статьи 78 УПК РФ, в которой не содержится никакой конкретики касательно такого вида доказательства, как показания подозреваемого, а есть лишь адресация к нескольким статьям уголовно-процессуального закона, в нормах которых также есть ссылки. Иными словами, образуется цепочка ссылок. Изучение и применение совокупности норм, на которые есть ссылки, – необходимость, позволяющая в итоге избежать признания доказательства недопустимым (часть 3 статьи 7 УПК РФ). Доминирование в нормах институтов доказательств и доказывания ссылочных диспозиций имеет несколько негативных последствий, в частности: нормативный материал из-за обилия ссылок малодоступен для простых, непрофессиональных (а иногда и профессиональных, например, начинающих юристов) «потребителей» права, что не соответствует сформулированному еще в Древнем Риме правилу: Законы должны быть понятны каждому (*Leges intellegi ab omnibus debent*); имеющиеся многочисленные отсылки от нормы к норме затрудняют правоприменение, превращая субъекта уголовно-процессуальной деятельности в «книжного червя», перманентно исследующего и сопоставляющего предписания, рассредоточенные по всему тексту уголовно-процессуального кодекса, для целей аутентичного применения; при таких сложных конструкциях нормативных положений и их взаимных связей не исключены невольные, а иногда намеренные ошибки (Vereshchagina, 2021:156–166).

Как правильно именовать способы собирания и проверки доказательств – следственные или процессуальные действия?

Молдавский законодатель отказался от использования термина следственное действие, и обозначает действия по собиранию и проверке доказательств термином «процессуальное действие». Такой подход обусловлен предусмотренной молдавским уголовно-процессуальным законом множественностью приемов собирания и проверки доказательств. В УПК РМ легализованы понятия доказательство и средства доказывания. Под доказательством понимается фактическое данное, полученное в соответствии с законом, позволяющее правильно разрешить уголовное дело (пункт 33 статьи 6). Средство доказывания, по мысли молдавского законодателя, – это предусмотренные законом способы сбора доказательств, включая их проверку (пункт 27 статьи 33, часть 1 статьи 100). В УПК РМ в переводе на русский язык упоминается термин методы доказывания. Исходя из системного толкования норм статей 93 и 100 УПК РМ, а также обращения к тексту закона на румынском языке (ст. 13 Конституции РМ)¹¹, где в формулировке названия анализируемого раздела и в текстах норм молдавский законодатель использует слова «mijloacele» (средства), «proba» (доказательство), «proban» (доказательный), «procedură» (процедура) и их производные, и, напротив, не использует слово «metodă» (метод), точнее говорить не о методах, а о процедурах (правилах) собирания и проверки доказательств. Подтверждением данного вывода так же являются перечисленные в законе виды доказательств, которые условно можно разделить на две группы: 1) показания различных участников уголовного процесса (пункт 1 части 2 статьи 93 УПК РМ) и 2) разного рода материалы фиксации фактических данных (пункты 2 – 10 части 2 статьи 93 УПК РМ), получаемых в процессе их собирания и проверки с соблюдением предусмотренных законом процедур (часть 1 статьи 100 УПК РМ) (процедура проведения осмотра, обыска, выемки, опознания, опроса, контролируемой поставки и прочее).

Исходя из изложенного к средствам доказывания (собирания и проверки доказательств) в молдавской постановке следует отнести 1) следственные действия (в российской терминологии); 2) специальные розыскные мероприятия; 3) научно-технические и судебно-медицинские исследования; 4) производство судебной экспертизы; 5) получение образцов для сравнительного исследования; 6) материальные средства доказывания, а к методам доказывания, как это обозначено в русскоязычном варианте, процедуры производства означенных выше процессуальных действий.

В российском уголовно-процессуальном законе есть лишь дефиниция понятия «доказательство», под которым понимается любое фактическое данное, полученное надлежащим субъектом (суд, прокурор, следователь, дознаватель) в определенном законом порядке для установления наличия или отсутствия «...обстоятельств, подлежащих доказыванию..», а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (часть 1 статьи 74). Что касается понятия «средство доказывания», то такой термин, повторимся, в УПК РФ не используется. Тем не менее системное толкование положений пунктов 19 и 33 статьи 5, части 1 статьи 86, части 1 статьи 208, части 3 статьи 209, пункта 2 части 1 статьи 211 УПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что доминирующим способом собирания и проверки доказательств является

¹¹ Государственный язык Республики Молдова румынский // Конституция Республики Молдова от 29.07.1994//Режим доступа: <https://constitutia.md/republica-moldova/> (дата обращения: 11.04.2024).

следственное действие – вид процессуальных действий, посредством которых собираются и проверяются доказательства. Отсутствие легального определения следственных действий обусловило появление теоретических определений рассматриваемого феномена, которые, несмотря на их многочисленность и особенности формулировок, содержательно совпадают и под следственными авторами понимаются процессуальные действия, направленные на собирание и проверку доказательств (Shafer, 2015:115–118).

Сопоставление легальных определений позволяет прийти к выводу об общем понимании в обоих законах доказательства как сочетания формы и содержания. Но при этом в УПК РМ этот подход более четко выражен различием содержания (понятие доказательства как фактического данного) и формы (получение приемами, предусмотренными законом), в УПК РФ этот подход презюмируется. Особенностью молдавского закона, как указано выше, также является более широкий спектр способов собирания и проверки доказательств. Есть и еще одна отличительная черта – в молдавской формулировке понятия доказательства отсутствует конкретизация субъектов доказательственной деятельности (статьи 99 и 100).

Отмеченные моменты, на наш взгляд, заслуживают внимания. Во-первых, несмотря на низведение в российском законе собирания и проверки доказательств только до производства следственных действий (часть 2 статьи 74 УПК РФ), фактически доказывание осуществляется и другими способами, иногда упоминаемыми, а иногда только подразумеваемыми законом. Например, в норме части 1 статьи 144 УПК РФ наряду с некоторыми следственными действиями указаны такие приемы проверки сообщения о преступлении как получение объяснений; истребование и изъятие предметов и документов; исследование предметов, документов и трупов; проведение документальных проверок и ревизий; дача письменных поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий и др. При этом полученные в ходе доследственной проверки сведения могут использоваться в качестве доказательств, если соответствуют нормативным предписаниям статей 75 и 89 УПК РФ. Доказательственное значение полученных в ходе доследственной проверки сведений, в том числе посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий опрос (одна из форм документирования – объяснение) (Yakovets, 2023:216); наведение справок (одним из способов проведения является направление запросов с целью «затребования» «чего-нибудь у кого-нибудь») (Schmidt, 2019:25); сбор образцов для сравнительного исследования (Isaenko, 2013; Kornev, et al., 2022); исследование предметов и документов (оформляется справкой об исследовании) (Kalyuzhny & Vlasov, 2013) (статья 6 ФЗ «Об ОРД»)¹² подтверждается также нормами статьи 226.5 УПК РФ, допускающими использовать при соблюдении ряда условий материалы доследственной проверки напрямую в доказывании (например, объяснения). Исходя из смысла изложенных норм законодатель развивает положения, намеченные в статье 89 УПК РФ о возможности при соблюдении некоторых условий использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности. Суды, несмотря на имеющееся в научной литературе неоднозначное отношение к включению в процесс доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности (Shafer,

¹² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=linbng0f38876593888 (дата обращения: 08.06.2023). Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

2015), позицию Конституционного Суда РФ о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности не доказательство, а лишь сведения об источниках фактов, требующие надлежащего процессуального оформления¹³, которая, подчеркнем, на наш взгляд не согласуется с приведенными выше нормами статей 144 и 226-5 УПК РФ, обосновывая свои решения зачастую указывают в числе доказательств материалы оперативно-розыскной деятельности. Например, Вахитовский районный, Альметьевский городской суды в подтверждение виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц ссылались на протоколы исследования предметов и документов¹⁴, Ленинский районный суд г. Махачкалы на постановление о проведении негласной проверочной закупки, протоколы личного досмотра условного покупателя, осмотра и вручения денежных средств перед проведением оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», акт вручения специальной скрытой аудио-видео записывающей аппаратуры и др.¹⁵, Красноярский краевой суд на результаты документирования оперативно-розыскных мероприятий наблюдение и прослушивание телефонных переговоров¹⁶, Калужский областной суд на материалы «об оперативно-розыскной деятельности»¹⁷ и т.д.

Наряду с проведением оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательственной информации возможно производство и других упоминаемых в законе действий – документальные проверки, ревизии¹⁸.

Кроме того, в части 2 статьи 74 УПК РФ закреплен самостоятельный вид доказательств иные документы, требования к процессуальной форме и процедуре вовлечения которых в орбиту доказывания в УПК РФ не фиксируются. Иные документы могут быть получены не только в процессе проведения «поисковых» следственных действий, прежде всего выемки и обыска, но и путем направления запросов дознавателем, следователем, судом; представлением их участниками процесса во время производства других следственных действий – чаще допросов, но не исключены и опо-

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28092017-n-2211-o/>?ysclid=linsyq4zd (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁴ Приговор Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 1-111/2017 от 31.08.2017. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/iIXa7K8FIPZO/?ysclid=lgokl4dzkv867224845> (дата обращения: 20.04.2023); приговор Альметьевского городского суда по делу № 1-267 от 10.06.2013. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NkcPjf0Mjy6O/?page=2&regular-court> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы по делу № 1-384/2022 от 07.11.2022. Режим доступа: https://384/2022sudact.ru/regular/doc/FZy9JmxtlBQw/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 18.06.2023).

¹⁶ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда по делу №22–6428–2018 от 30.10.2018. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/bX1aSrWNQAWm/?ysclid=lgof3wxgx9426379442> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁷ Приговор Калужского областного суда по делу № УК-2-9/2017 от 14.08.2017. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/JatA6ewaa5Qq/?ysclid=lgoearevm775952218> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁸ В уголовно-процессуальных законах некоторых государств постсоветского пространства содержится регламентация процедуры производства ревизии. См., например, главу 22-1 «Ревизия» УПК Республики Узбекистан. Утв. Законом РУз от 22.09.1994 № 2013-XII (по состоянию на 26.04.2023). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101&pos=504;-44#pos=504;-44 (дата обращения: 06.06.2023).

знание, следственный эксперимент; в конце концов иные документы могут инициативно доставляться лицами, не имеющими процессуального статуса. Словом, если содержание иного документа определяется двумя критериями – позитивным – относимость и негативным – необладание признаками вещественного доказательства (части 1 и 4 статьи 84 УПК РФ), то что касается способа получения, то он применительно к иным документам открыт, не конкретизирован.

В нормах упомянутой выше статьи 86 УПК РФ указаны приемы собирания доказательств различными субъектами уголовно-процессуальных отношений – истребование письменных документов, предметов, справок; опрос лиц с их согласия и прочее (части 2 и 3 статьи 86 УПК РФ). Причем, как и в вышеописанных случаях, законодатель никаких процедур собирания доказательств не излагает.

В дополнение отметим, что в уголовно-процессуальном законе России есть процедуры, которые в узком смысле не относятся к следственным действиям, но связаны с доказыванием, иногда предвосхищают производство следственного действия: получение образцов для сравнительного исследования – производство судебной экспертизы (статья 202 УПК РФ); эксгумация – осмотр трупа (статья 78 УПК РФ).

Исходя из изложенного очевидно, что де-факто российский уголовно-процессуальный закон допускает в целях собирания доказательств не только производство следственных действий, но и использование иных приемов.

Следовательно, для оптимизации правоприменения желательно внести корректировки в закон в части изложения нормативного материала институтов доказательств и доказывания и упорядочения применяемой терминологии. Правильнее, с учетом имеющихся в российском уголовно-процессуальном законе положений, некоторые из которых приведены выше, либо отказаться от применения термина «следственное действие» как единственного средства собирания и проверки доказательств, заменив его родовым понятием «процессуальное действие», либо использовать его наряду с другими фактически допускаемыми приемами собирания и проверки доказательств, при условии консолидированного изложения положений о доказательствах и доказывании.

Стоит ли перечислять в нормах о доказательствах и доказывании субъектов доказывания?

Как указывалось выше, одной из особенностей формулировки легального понятия доказательства в молдавском уголовно-процессуальном законе является отсутствие перечня лиц, занимающихся деятельностью по доказыванию. Молдавский законодатель конкретизировал возможности субъектов уголовно-процессуальных отношений по участию в доказывании в их процессуальных статусах. Объем процессуальных полномочий субъектов доказывания варьируется. Так, прокурор не только руководит, но и непосредственно осуществляет уголовное преследование, контролирует соблюдение законности. Прокурор полномочен проверять «качество доказательств»; давать письменные указания о производстве действий по уголовному преследованию; принимать постановления о производстве выемки предметов и документов и др.; обращаться с ходатайствами в судебную инстанцию о производстве задержания, изучения, выдачи, досмотра или выемки почтовых отправок; прослушивания телефонных и иных переговоров; других действий, требующих разрешения судьи по уголовному преследованию; предъявлять обвинение и

допрашивать обвиняемого и т.д. (статья 52 УПК РМ). Основным субъектом доказывания является офицер по уголовному преследованию, который инициирует перед прокурором обращение в суд с ходатайствами на получение в необходимых случаях санкции на производство уголовно-процессуальных действий и специальных розыскных мероприятий; осуществляет допросы; производит осмотры, обыски, изъятия и истребования предметов и документов; принимает решение о проведении ревизий, инвентаризаций, судебных экспертиз и иных действий; представляет прокурору собранные доказательства для предъявления обвинения и т.д. (статья 57 УПК РМ).

Что касается обладающих правовым интересом в деле участников процесса (пострадавший, потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, гражданский ответчик) и их защитников, представителей и законных представителей, то они имеют право предоставлять документы, предметы и другие средства доказывания (пункт 2 части 3 статьи 58; пункт 3 части 1 статьи 60; пункт 2 части 1 статьи 62; пункт 1 части 2 статьи 64; пункт 15 части 2 статьи 66; пункт 5 части 2 статьи 68; пункт 2 части 1 статьи 74; пункт 6 части 1 статьи 78; пункт 4 части 1 статьи 80 УПК РМ). Прочитанная формулировка одинакова во всех перечисленных выше статусах, лапидарна, но при этом отличается существенным моментом от российского аналога. Молдавский законодатель указывает, что в процессе доказывания означенные выше лица представляют предметы и средства доказывания, а не доказательства, как это имеет место в российском уголовно-процессуальном законе. Исключительным правом оценки доказательств обладают только орган уголовного преследования или суд (часть 2 статьи 99, часть 1 статьи 100 УПК РМ). Что касается объема процессуальных прав защитника по участию в доказывании, то в УПК РМ и УПК РФ они сопоставимы (часть 2 статьи 100 УПК РМ, часть 3 статьи 86 УПК РФ), и их возможности производны от решения правоприменителя: заявление¹⁹ стороны процесса или другого заинтересованного лица должно быть удовлетворено, если способствует всестороннему, полному и объективному расследованию обстоятельств дела и обеспечивает соблюдение прав и законных интересов сторон и других лиц, участвующих в процессе (часть 1 статьи 247 УПК РМ, статья 119, 159, 271 УПК РФ).

Приведенные положения молдавского и российского уголовно-процессуальных законов свидетельствуют о тождественности понимания роли субъектов уголовно-процессуальных отношений в доказывании, суть которой заключается в признании прерогативы ограниченного круга субъектов – либо осуществляющих уголовное преследование, либо суда придавать информации форму доказательства, чему противоречат положения и УПК РМ, и УПК РФ о возможностях по участию в доказывании некоторых участников уголовного судопроизводства (смотри перечисленные выше статьи УПК РМ и, например, пункт 4 части 2 статьи 42, пункт 2 части 4 статьи 44, часть 3 статьи 45, пункт 4 части 4 статьи 46 УПК РФ). Несмотря на различия в используемых терминах – право предоставлять документы, предметы и средства доказывания, то есть собирать и проверять фактические данные – УПК РМ и предоставлять доказательства – УПК РФ, фактически и молдавский, и российский законодатель наделил участников уголовного судопроизводства правом придавать фактическому данному форму доказательства, что не соответствует означенной

¹⁹ Понятие заявления аналогично понятию ходатайство, используемому в российском уголовно-процессуальном законе. Смотри часть 1 статьи 244 УПК РМ.

выше прерогативе ограниченного круга субъектов придавать фактическому данному форму доказательства.

Следует отметить и еще имеющиеся некорректности в российском законе. В нормах части 1 статьи 74 и части 1 статьи 86, 87 УПК РФ прокурор указан как субъект собирания и проверки доказательств. Эти положения не корреспондируют уголовно-процессуальному статусу прокурора (статья 37 УПК РФ). Что касается досудебного производства, то роль прокурора в доказывании сводится к осуществлению в различных формах и объеме надзора за соблюдением закона в ходе осуществления предварительного расследования и дачи указаний дознавателю о направлении расследования. Прокурор не имеет полномочий по производству следственных и процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств, в отличие от прокурора в Республике Молдова. В судебных же стадиях прокурор является стороной обвинения в процессе, и реализация процессуальных возможностей по доказыванию, включая вовлечение доказательственной информации в доказывание, зависит от решения судьи (суда) (статья 271 УПК РФ).

Кроме того, органы дознания могут собирать и проверять доказательства, производя доследственную проверку, неотложные следственные действия и выполняя поручения следователя (пункт 4 части 2 статьи 38, пункт 2 части 2 статьи 40, части 1, 1.1, 1.2 статьи 144, 157 УПК РФ).

Таким образом, отсутствие в молдавском определении перечисления субъектов, полномочных собирать и проверять доказательства, выглядит оправданным. Законодатель сосредоточился в дефиниции на самом понятии доказательства, конкретизировав возможности по доказыванию в статусах участников уголовно-процессуальных отношений. Имеющийся в российском законе подход менее убедителен. Во-первых, в дефиниции важен сам феномен доказательства. Во-вторых, обозначая в дефиниции субъектов доказывания, законодатель некорректно вводит в их число прокурора и, напротив, «забывает» о сотрудниках органов дознания, которые могут собирать и проверять доказательства не только при производстве неотложных следственных действий и исполнении поручений следователя, но иногда доказательствами являются непосредственно результаты оперативно-розыскной деятельности.

Заключение

Единая правовая система Республики Молдова и Российской Федерации в момент суверенизации государств является предпосылкой проведения компаративных исследований.

Несмотря на сходство некоторых содержательных моментов (понятия предмет доказывания, доказательство, элементы доказывания и другое) в регламентации институтов доказательств и доказывания в Молдове и России есть серьезные различия.

К положительным моментам следует отнести стремление молдавского законодателя максимально полно изложить нормы доказательственного права в общей части уголовно-процессуального закона. Признание молдавским законодателем многообразия способов собирания и проверки доказательств (средств доказывания) и их системное изложение в общей части уголовно-процессуального закона.

Этот подход позволил значительно уменьшить количество ссылочных норм, иногда негативно сказывающихся на качестве правоприменения.

Несмотря на обозначенные положительные моменты, регламентация институтов доказательств и доказывания несвободна от недостатков. В частности, можно отметить дефектность, заключающуюся в наделении участников уголовного судопроизводства правом предоставлять средства доказывания, а не фактические данные.

Опыт конструирования институтов доказательств и доказывания в УПК Молдовы вполне может быть учтен как в силу отмеченной выше общности правовой материи к моменту появления суверенных государств, так и имеющихся в российском уголовно-процессуальном законе предпосылок для подобной корректировки. Прежде всего, в понимании доказательства как сочетания формы и содержания («двойственная» концепция понятия доказательства), закреплении в некоторых нормах наряду со следственными действиями таких способов получения доказательственной информации, как оперативно-розыскные мероприятия, представление информации доказательственного значения участниками уголовно-процессуальных отношений, не обладающих властными полномочиями, упоминания в законе в качестве способа собирания и проверки доказательств процессуальных действий.

Представляется целесообразным 1) в Части 1. Общие положения УПК РФ изложить более последовательно нормы доказательственного права, включая процедуру собирания и проверки доказательств, что в большей степени соответствует тому непреложному факту, что доказывание – это перманентная деятельность, осуществляемая на всех процессуальных стадиях; 2) систематизировать с учетом имеющихся в УПК РФ положений способы собирания и проверки доказательств; 3) детализировать положения статьи 89 УПК РФ о возможности использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности; 4) тщательно поработать над нормами доказательственного права в целях корректного и однозначного использования терминов, устранения дублирования нормативных положений, минимизации использования ссылочных норм.

References / Список литературы

- Baranov, V.M. (2017) *Essays on the technique of lawmaking. Selected works*: monograph. Moscow, Justice Publ. (in Russian).
Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. М.: Юстиция, 2017. 586 с.
- Isaenko, V. (2013) On phonoscope forensic examination samples. *Criminal law*. (6), 114–119. (in Russian).
Исаенко В. Об образцах для судебно-экспертного фоноскопического исследования // Уголовное право. 2013. № 6. С. 114–119.
- Ivanchin, A.V. (2014) *Internal and external legislative technique in the structure of criminal lawmaking*: monograph. Ryazan, Kontseptsiya Publ. (in Russian).
Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества: монография. Рязань: Концепция. 2014. 184 с.
- Kalyuzhny, A.N. & Vlasov, V.V. (2013) The study of objects and documents in the law of modern Russia: aspects of the production and recording. *Bulletin of Vladimir Law Institute*. 1(26), 91–93. (in Russian).
Калюжный А.Н., Власов В.В. Исследование предметов и документов в законодательстве современной России: аспекты производства и фиксации // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1(26) С. 91–93.
- Kibak, I.A. (2013) Legislative technics in Legislative activity. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 214–222. (in Russian).

- Кибак И.А. Законодательная техника в законотворческой деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №1. С. 214–222.
- Kornev, A.S., Kuznetsov, V.A., Novikov, A.V. & Kostarev, D.F. (2022) The results of operational-search activities as evidence in the investigation and consideration of criminal cases (empirical analysis). *Matters of Russian and International Law*. 12(4A), 306–316. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.13.58.027> (in Russian).
- Корнев А.С., Кузнецов В.А., Новиков А.В., Костарев Д.Ф. Результаты оперативно-розыскных мероприятий как доказательства при расследовании и рассмотрении уголовных дел (эмпирический анализ) // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4А. С. 306–316. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.13.58.027>
- Negru, B. & Cojocar, V. (1997) *Legislative Technique: Lecture Notes*. Part 1. Chisinau. (in Romanian).
- Negru B., Cojocar V. Tehnologia legislativă: note de curs. Partea 1. Chişinău, 1997. 110 p.
- Polenina, S.V. (2011) Legal technique as a social phenomenon in the conditions of modernization. *State and law*. (9), 5–14. (in Russian).
- Поленина С.В. Юридическая техника как социальный феномен в условиях модернизации // Государство и право. 2011. № 9. С. 5–14.
- Schmidt, A.A. (2019) Structural analysis of the operational-search activity “inquiry”. Actual problems of combating crimes and other offenses. (19–1), 24–25. (in Russian).
- Шмидт А.А. Структурный анализ оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 24–25.
- Shafer, S.A. (2015) Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica*. 107(10), 115–127. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127> (in Russian).
- Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107. №10. С. 115–127. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127>
- Skurko, E.V. (2022) *The language of law*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
- Скурко Е.В. Язык права. М.: Юрлитинформ, 2022. 144 с.
- Smochina, A. & Smochina, C. (2023) *National legal doctrine: history and contemporaneity*. *Legal studies and research*. Part 1. (5), 13–29. (in Romanian).
- Smochină A., Smochină C. Doctrina juridică națională: istorie și contemporaneitate // Studii și cercetări juridice. Partea. Nr. 5. 2023. Pp. 13–29.
- Soloviev, O.G. (2015) The place and significance of университета legislative techniques in the process of constructing the norms of criminal legislation). *Legal Science*. (3), 65–68. (in Russian).
- Соловьев О.Г. Место и значение приемов законодательной техники в Процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 65–68.
- Timoshenko, A.A. (2007) Legal and technical problems of improving criminal procedural legislation. *Legal technology*. (1), 80–88. (in Russian).
- Тимошенко А.А. Юридико-технические проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 80–88.
- Vereshchagina, A.V. (2010) The project of reform of the preliminary investigation, prepared by commission of N.V. Muravyova. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2(6), 52–62. (in Russian).
- Верещагина А.В. Проект реформы предварительного следствия, подготовленный Комиссией Н.В. Муравьева // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного экономики и сервиса. 2010. № 2(6). С. 52–62.
- Vereshchagina, A.V. (2021) On the issue of abuse of law in Russian criminal proceedings. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. Vol. 13, № 4, 156–166. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/156-166> (in Russian).

Верещагина А.В. К вопросу о злоупотреблении правом в российском уголовном судопроизводстве // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13, № 4. С. 156–166. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/156-166>

Vlasenko, N.A. (1995) *Fundamentals of legislative technique*. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House. (in Russian).

Власенко Н.А. Основы законодательной техники. Иркутск, Восточно-сибирское книжное изд-во. 1995. 54 с.

Yakovets, E.N. (2023) Law enforcement intelligence “survey”: Modern understanding. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*. 1(21), 212 – 218. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.023> (in Russian).

Яковец Е.Н. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос»: современное понимание // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 1(21). С. 212–218. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.023>

Yakusheva, T.V. & Nikulin, N.V. (2018) Investigation Activity as a Constitutional Guarantee of Obtaining Evidence at Preliminary Investigation. *Izvestiya of Altai State University. Legal Sciences*. 6(104), 148–151. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-27](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-27) (in Russian).

Якушева Т.В., Никулина Н.В. Следственные действия как конституционная гарантия собирания законных доказательств на предварительном следствии // Известия АлГУ. Юридические науки. 2018. №6 (104). С. 148–151.

Сведения об авторе:

Верещагина Алла Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет (ВВГУ); 690014, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID ID: 0000-0002-2243-0007; ResearcherID: 287430; SPIN-код: 3889-3723,
e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

About the author:

Alla V. Vereshchagina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Vladivostok State University (VVSU), Russian Federation, 690014, Vladivostok, Gogol str., 41

ORCID ID: 0000-0002-2243-0007; ResearcherID: 287430; SPIN-code: 3889-3723,
e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-454-463>

EDN: KPHEUW

Информационная статья / Information Article

Обзор IV научно-практического семинара, проведенного в Первом апелляционном суде общей юрисдикции 1 декабря 2023 года, на тему «Защита авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»

Д.А. Лепешин✉, Т.В. Даутия^{ID}

Первый апелляционный суд общей юрисдикции, г. Москва, Российская Федерация
✉lepeshine@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

Поступила в редакцию: 01 января 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Лепешин Д.А., Даутия Т.В. Обзор IV научно-практического семинара, проведенного в Первом апелляционном суде общей юрисдикции 1 декабря 2023 года, на тему «Защита авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 454–463. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-454-463>

© Лепешин Д.А., Даутия Т.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Review of the IV scientific and practical seminar held at the First Court of Appeal of General Jurisdiction on December 1, 2023, on Copyright Protection and (or) Related Rights in Information and Telecommunications Networks, Including the Internet

Dmitry A. Lepeshin✉, Tatyana V. Dautiya^{ID}

The First Court of Appeal of General Jurisdiction, Moscow, Russian Federation
✉lepeshine@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

Received: 01st January 2024

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Lepeshin, D.A., Dautiya, T.V. (2024) Review of the IV scientific and practical seminar held at the First Court of Appeal of General Jurisdiction on December 1, 2023, on Copyright Protection and (or) Related Rights in Information and Telecommunications Networks, Including the Internet. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 454–463. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-454-463>

Правоприменительная практика отечественных судов последовательно реализует законодательные нормы о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Исследование вопросов защиты авторских и смежных прав влечет не только анализ статистики разрешенных споров на досудебной и судебной стадии, мониторинг законодательства в области защиты прав авторов и иных правообладателей, но и оценку эффективности правоприменительной практики привлечения нарушителей к ответственности как фактора, способствующего профилактике нарушений авторских и смежных прав, обусловленной демонстрацией неотвратимости наказания за нарушение и соразмерности ответственности последствиям опущенного нарушения.

В Первом апелляционном суде общей юрисдикции 1 декабря 2023 г. состоялся традиционный научно-практический семинар на тему «Защита авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

С приветственным словом к участникам мероприятия обратились председатель Судебного состава судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) *Асташов Сергей Васильевич* и Председатель Первого апелляционного суда общей юрисдикции *Ананьев Владимир Николаевич*.

Актуальность затрагиваемых вопросов подтверждается участием в семинаре в очном и дистанционном формате представителей Верховного Суда Российской Федерации, Второго кассационного суда общей юрисдикции, Московского областного суда, Московского городского суда, Суда по интеллектуальным правам,

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий, Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства и представителей научного сообщества – Российского государственного университета правосудия, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Национального исследовательского института «Высшая школа экономики», Российского университета дружбы народов, МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Особый интерес участников научно-практического семинара вызвало выступление председателя Судебного состава судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ *С.В. Асташова* о сложности дел, затрагивающих вопросы проведения судебных экспертиз в рамках разрешения споров о защите авторских и смежных прав, взыскания компенсации за нарушение авторских и смежных прав.

Асташов Сергей Васильевич напомнил участникам семинара о значимости принятого 1 июня 2023 г. Постановления Пленума Верховного Суда № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», отражающего отдельные вопросы принятия предварительных обеспечительных мер по правилам статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Так, например, Пленум дает важные разъяснения, что предварительные обеспечительные меры могут приниматься судом для ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим не только объекты авторских и (или) смежных прав, но и информацию, необходимую для получения таких объектов (ссылки для скачивания и пр.).

В апреле 2023 г. в Государственную Думу внесен проект федерального закона № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», в июне 2023 г. уже принят в первом чтении. Проект федерального закона предусматривает введение в часть IV ГК РФ новой статьи 1252.1 о Компенсации, и определении способов расчета компенсации для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации с учетом их особенностей.

Обсуждение Государственной Думой внесения изменений в положения Гражданского кодекса Российской Федерации о взыскании компенсации за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности свидетельствует о том, что есть в данной части правовые аспекты, подлежащие актуализации.

Асташов Сергей Васильевич указал на следующую взаимосвязь: чем «профессиональнее» становятся «пираты», тем оперативнее и грамотнее должны действовать и сами правообладатели, и суды, при рассмотрении данной категории споров, чтобы мера наказания для нарушителей была соразмерна последствиям нарушения, чтобы не привлекательным была сфера деятельности по нелегальному использованию объектов авторских и смежных прав.

Работа по системным изменениям нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере интеллектуальной собственности проводится в рамках «дорожной карты», утвержденной распоряжением Правительства РФ

№ 2027-р¹. В рамках данного документа предусмотрено также обсуждение внесения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации изменений в части отнесения экономических споров в сфере интеллектуальной собственности (затрагивающих в том числе имущественные требования и возмещение ущерба), стороной спора в которых является физическое лицо, к подсудности арбитражных судов и соответствующего исключения указанных вопросов из подсудности судов общей юрисдикции.

В рамках семинара было проведено обсуждение проблем применения специальных знаний при доказывании фактов нарушения авторских прав в сети «Интернет», включая особенности постановки перед экспертом вопросов в целях установления факта нарушения прав истца посредством идентификации размещенного контента или обстоятельств его незаконного распространения, определения в качестве объекта экспертного исследования или контента, удаленного с сайта, или объекта, размещенного в глобальной сети, особенностей проведения исследования в зависимости от способа хранения незаконно размещенного контента (на сайте в виде архива или дистрибутива или в виде ссылки на файлообменный ресурс).

В рамках семинара был затронут вопрос о сложности установления владельца сайта, на котором были размещены нелегально объекты авторских и смежных прав, для подачи иска о его привлечении к гражданско-правовой ответственности и взыскании компенсации. Сложность обусловлена действующими положениями части 1 статьи 1 федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»², согласно которым обработка персональных данных может осуществляться лишь с согласия субъекта персональных данных, а предоставление указанных данных без согласия субъекта по адвокатскому запросу статьей 6 указанного федерального закона не предусмотрено, что затрудняет получение на досудебной стадии правообладателем достоверной информации о надлежащем ответчике по иску о взыскании компенсации.

В качестве способа разрешения данного вопроса предложено введение отдельной судебной процедуры по установлению данных владельцев сайта с установлением ответственности «информированных лиц» за отказ в предоставлении соответствующей информации.

По представленной Московским городским судом статистике, за неполный 2023 г. количество материалов по заявлениям о принятии предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³ составило 15 681 (по состоянию на 22 ноября 2023 г.), что на 7,5 % выше аналогичного показателя за весь 2022 г.

При этом из поданных заявлений было удовлетворено 87 % (13 667 заявлений).

Соотношение категорий заявителей о принятии предварительных обеспечительных мер на досудебной стадии в порядке статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, по данным Московского городского суда,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 03.08.2020 № 2027-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Интеллектуальная собственность» // *Собрание законодательства РФ*, 17.08.2020, № 33, ст. 5412.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // *Собрание законодательства РФ*, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // *Собрание законодательства РФ*, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

показал, что более 68% заявителей являются физическими лицами, а на долю заявителей – юридических лиц приходится менее 32 %.

Изложенное подтверждает обоснованность введения упрощенного механизма блокировки доступа к нелегальному контенту на базе суда общей юрисдикции с упрощенным механизмом доказывания факта нарушения прав заявителя на стадии принятия предварительных обеспечительных мер.

Кроме того, согласно представленной статистике *председателем судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда Новиковой Ольгой Анатольевной* из общего количества удовлетворенных заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер только 13,2 % заявителей подали исковые заявления (2077 исковых заявлений в 2023 г. по состоянию на 22 ноября 2023 г.).

Изложенное подтверждает, что институт предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса РФ зарекомендовал себя как эффективный оперативный способ пресечения незаконного распространения объектов авторских и смежных прав в сети Интернет, при одновременной затруднительности установления владельца сайта, разместившего «пиратский» контент или обеспечившего «благоприятные» условия для его размещения пользователями сайта, влекущей невозможности восстановления нарушенного права посредством подачи иска о взыскании компенсации.

Как отметила *Новикова Ольга Анатольевна*, в 2023 г. отмечается значительный рост гражданских дел о взыскании денежной компенсации в порядке, предусмотренном подпунктом 1 статьи 1301, подпунктом 1 статьи 1311 Гражданского кодекса Российской Федерации за нарушение исключительных прав: из 2077 гражданских дел около 300 дел относятся к данной категории, что на 2/3 больше аналогичного показателя 2022 г.

Обзор актуальных тенденций развития законодательства об интеллектуальных правах дан *заместителем руководителя аппарата комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству, д.ю.н. Рузаковой Ольгой Александровной*.

В рамках семинара *профессор кафедры интеллектуальных прав Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации Калятин Виталий Олегович* затронул актуальные вопросы переработки произведений и отличительные особенности правовой регламентации переработки произведений и переработки (модификации) программы для ЭВМ, включая вопросы проведения компьютерной технической экспертизы в отношении программ для ЭВМ для установления факта создания одной программы на базе другой (заимствование существенного объекта кода программы) на примере судебной практики⁴.

На примере вывода судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № А56-10049/2019 *Калятин Виталий Олегович* указал, что показателем творческого характера и существенности изменений программы для ЭВМ, в силу специфики данного объекта, являются не новизна и оригинальность, как в отношении других творческих объектов авторских прав, а функциональные изменения (добавление новых функций или улучшение существующих функций программы), вытекающие из переработки кода, степени и цели переработки. Переработка программы для ЭВМ (ее модификация) может сопровождаться

---

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2017 г. № 307-ЭС17-959 по делу № А56-21040/15.

переводом программы с одного языка программирования на другой, что обусловлено техническими особенностями этих объектов авторского права⁵.

Начальник Управления правового обеспечения, международного и общего взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) *Смелянская Мария Юрьевна* рассказала об анализе деятельности Роскомнадзора за 2023 г. в системе правоприменения статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статей 15.2 и 15.6 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶.

Деятельность Роскомнадзора направлена на обеспечение досудебного и судебного порядка восстановления нарушенных прав правообладателей, в том числе посредством фиксации факта размещения спорного контента на момент обращения к информационному ресурсу, а также незамедлительной блокировке контента на основании судебного постановления.

Как пояснила *Смелянская Мария Юрьевна*, технические сложности использования инструментов ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав, в сети «Интернет» отсутствуют, независимо от того, о какой категории информационного ресурса (программное приложение, интернет-сайт, социальные сети и пр.)

Результатами правоприменительной практики Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при их распространении в сети «Интернет» поделились *заместитель директора правовой дирекции ФГУП Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания Медведева Любовь Алексеевна* и *заместитель начальника правового управления – начальник отдела судебно-претензионной работы ГТК «Телеканал «Россия»»*.

В рамках обсуждения затрагивался вопрос соразмерности объема объекта, к которому ограничивается доступ, если речь идет о нарушении прав правообладателя отдельного объекта интеллектуальной собственности, включенного в состав целого аудиовизуального произведения. Учитывая, что ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет», осуществляется посредством блокировки сетевого адреса и/или указателей страниц сайта в сети «Интернет», позволяющие идентифицировать такую информацию, блокировка непосредственно объекта интеллектуальной собственности, незаконно включенного в состав аудиовизуального произведения, невозможна, поскольку влечет внесение изменений в аудиовизуальное произведений, которое является самостоятельным объектом охраны.

Особенности легитимного использования фонограмм в сети «Интернет» были освещены в выступлении доцента кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», к.ю.н. *Натальи Владимировны Бузовой*. Она пояснила относительно музыкальных композиций (фонограммах с исполнениями произведений), что несмотря на восприятие

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2022 N 307-ЭС22-14196 по делу № А56-10049/2019.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

потребителем таких объектов как одного объекта, с точки зрения права интеллектуальной собственности, используются три результата интеллектуальной деятельности, которые требуют получения согласия всех правообладателей на использование каждого из охраняемых результатов.

В случае одновременного использования фонограммы, исполнения и произведения должно быть получено согласие на использования от каждого из правообладателей и при нарушении его прав каждый из обладателей исключительных прав имеет право на защиту своего права не зависимо от других.

Данная позиция коррелирует с разъяснениями, содержащимися в пункте 111 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Обобщая проблематику выступлений докладчиков семинара, *заместитель начальника отдела обобщения судебной практики и статистики Суда по интеллектуальным правам Мария Александровна Кольздорф* в своем выступлении затронула вопросы расчета сумма подлежащей взысканию компенсации за нарушение авторских и смежных прав на примере правоприменительной практики Суда по интеллектуальным правам в случаях:

– если совокупность действий ответчика по использованию результата интеллектуальной деятельности несколькими способами была направлена для достижения одной экономической цели;

– если совокупность действий ответчика по незаконному использованию одного или нескольких результатов интеллектуальной деятельности объединены единством намерений.

Затронутая тема повлекла оживленную дискуссию, в рамках которой было озвучено опасение о чрезмерности механизмов снижения компенсации, подлежащей взысканию по требованию правообладателя объекта, что в совокупности влечет искусственное снижение ответственности нарушителя посредством взыскания компенсации, которая носит не только правосстановительный, но и штрафной характер.

В связи с изложенным критическому обсуждению участниками семинара подверглись положения рекомендаций НКС при Суде по интеллектуальным правам от 15.02.2023 № СП-22/4 по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя⁷.

Вопросам определения размера компенсации за нарушение авторских и смежных прав в сети «Интернет» было также посвящено выступление доцента кафедры гражданского права МГЮА имени О.Е. Кутафина, к.ю.н. *Моргуновой Елены Алексеевны*, что подчеркивает актуальность вопросов, связанных с защитой авторских и смежных прав посредством взыскания компенсации.

В рамках доклада *аспиранта кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» Петкилёва Петра Игоревича* были рассмотрены отдельные вопросы правоприменения при разрешении споров о

⁷ Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»), утверждены постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2023 № СП-22/4.

защите авторских и (или) смежных прав в сети Интернет. В частности, были затронуты вопросы определения размера компенсации, подлежащей взысканию судом в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации, и дана оценка невозможности выведения универсальной формулы определения «обстоятельств дела и характера нарушения», которая могла бы использоваться судом при рассмотрении споров данной категории.

Сложности определения размера компенсации за нарушение авторских и смежных прав в сети «Интернет» было посвящено выступление *соискателя ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Лукьянова Романа Львовича*, заключившего данную проблему в следующих факторах:

- отсутствие методологии применения критериев оценки разумности и справедливости взыскиваемой компенсации последствиям допущенного нарушения и открытый характер перечня таких критериев приводит к непредсказуемости судебного решения;

- высокая степень анонимности данных о нарушителе и нарушении;

- нестандартные и скрытые способы монетизации нарушений затрудняют обоснование размера взыскиваемой компенсации, который не должен быть меньше дохода, полученного ответчиком в результате нарушений прав правообладателя контента. Изложенное, по мнению докладчика, затрудняет сбор доказательств, обосновывающих объем ответственности нарушителя.

По мнению докладчика, механизмами, способствующими «предсказуемости» судебных актов о взыскании компенсации, являются:

- совершенствование законодательства о компенсации, подлежащей взысканию за нарушение авторских и смежных прав в сети «Интернет»;

- выработка стабильных методологий определения размера взыскиваемой компенсации;

- разработка стандартов доказывания в рамках судебного рассмотрения дел о взыскании компенсации.

Большой отклик среди слушателей вызвал доклад *старшего преподавателя кафедры «Безопасность в цифровом мире» МГТУ имени Н.Э. Баумана Тарасова Дмитрия Александровича* о проблемах применения специальных знаний при доказывании фактов нарушения авторских прав в сети «Интернет».

Также процессуальным особенностям рассмотрения споров о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» в части определения критериев выбора эксперта при назначении судебной экспертизы по данной категории дел было посвящено выступление *доцента кафедры судебных экспертиз и криминалистики ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Устинова Вадима Валерьевича*.

В рамках выступления большое внимание было уделено вопросам легитимности проведения судебной экспертизы и оценке роли эксперта в формулировании вопросов судебной экспертизы, направленном на всестороннее исследование объекта экспертизы.

Заместитель директора департамента по правовым вопросам департамента обеспечения защиты интеллектуальной собственности ООО «ГПИМ «Цифровые Инновации» Бородина Ольга Алексеевна в своем выступлении также рассказала об актуальных проблемах правообладателей в судебной защите прав на объекты

интеллектуальной собственности в сети «Интернет». В частности, ею были затронуты проблемы идентификации спортивных мероприятий, транслируемых в сети «Интернет» и подлежащих правовой охране в качестве объектов интеллектуальной собственности, вопросы процедуры определения владельца сайта, неправомерно разместившего контент, в целях привлечения его к гражданско-правовой ответственности, вопросы ответственности «балансеров», которые, по сути, являются информационными посредниками, участвующими в формировании «пиратского» контента и предлагающими его третьим лицам для размещения на «пиратских» сайтах.

О проблемах защиты авторских прав на произведения, постоянно находящиеся в месте, открытом для свободного посещения, и о конфликте положений статей 1274 и 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации рассказал *директор Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства Валдес-Мартинес Эрик Раулевич*.

Эксперт патентной практики ЦИС «Сколково» Покровская Анна Владимировна выступила с докладом на тему «Ответственность посредников за нарушение авторских прав: модель „безопасной гавани“». В рамках доклада был дан анализ правовой модели регулирования деятельности торговых онлайн-площадок, площадок по обмену контентом, как посредников на примере законодательства Китая, посредством возложения на посредников обязанностей по установке механизмов обнаружения и фильтрации незаконного контента, предоставлению возможностей для правообладателей обнаруживать и удалять нарушающий авторские права контент, сотрудничеству с правоохранительными органами и правообладателями в расследовании нарушений и привлечении виновных к ответственности.

Стоит отметить, законодательством Российской Федерации также предусматриваются особенности ответственности информационного посредника, в соответствии со ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в п. 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», однако данный статус субъекта определяется судом, с учетом характера осуществляемой таким лицом деятельности и исходя из обстоятельств каждого дела, в рамках которого оценивается факт незаконного размещения объекта интеллектуальной собственности на информационном ресурсе.

При подведении итогов мероприятия отмечен высокий уровень подготовки докладчиков, актуальность тем, рассмотренных на научно-практическом семинаре, а также положительное влияние обмена опытом между представителями теории и практики.

В качестве наиболее актуальных и дискуссионных вопросов правоприменительной практики участниками семинара обозначены вопросы определения судом разумной компенсации за нарушение авторских и смежных прав в сети «Интернет» и обоснованность снижения компенсации при наличии совокупности нарушений, объединенных единой экономической целью, которая может повлечь нарушение баланса интересов правообладателя и нарушителя авторских и смежных прав, претендующего на применение к нему меры ответственности, соответствующей принципу адекватности и соразмерности последствиям правонарушения, закрепленному в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П.

По мнению участников дискуссии, отсутствие четких критериев разумности и соразмерности компенсации влечет искусственное снижение ответственности нарушителя и, как следствие, отсутствие мотивации к правомерному использованию контента на основании договоров с правообладателями.

Сведения об авторах:

Лепешин Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); заместитель Председателя Первого апелляционного суда общей юрисдикции; 121357, Российская Федерация, г. Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34;

Scopus Author ID: 57612053400

e-mail: lepeshine@mail.ru

Даутия Татьяна Васильевна – кандидат юридических наук, Первый апелляционный суд общей юрисдикции; 121357, Российская Федерация, г. Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 34

ORCID ID: 0000-0003-4814-6941

e-mail: tdautiya@yandex.ru

About the authors:

Dmitry A. Lepeshin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN); Deputy Chairman of the First Court of Appeal of General Jurisdiction, 29 b., h. 34 Vereyskaya str., Moscow, 121357, Russian Federation

Scopus Author ID: 57612053400

e-mail: lepeshine@mail.ru

Tatyana V. Dautiya – Candidate of Legal Sciences, First Court of Appeal of General Jurisdiction; 29 b., h. 34 Vereyskaya str., Moscow, 121357, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4814-6941

e-mail: tdautiya@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-464-469>
EDN: KSCJDG

Информационная статья / Information Article

**Анонс книги: Крылов В.Г., Самойлов И.А., Седгарян К.А.
Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса.
Москва: Статут, 2024. 272 с.**

Ю.Г. Лескова✉

РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация
✉leskova-yg@ranepa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Поступила в редакцию: 21 февраля 2024 г.
Принята к печати: 15 января 2024 г.*

Для цитирования:

Лескова Ю.Г. Анонс книги: Крылов В.Г., Самойлов И.А., Седгарян К.А. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса. Москва: Статут, 2024. 272 с.// RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 464–469. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-464-469>

Book announcement: Krylov, V.G., Samoilov, I.A., Sedgaryan, K.A (2024) Business Entity as a Form of Running Business: Textbook. Moscow, Statut Publishing House

Julia G. Leskova✉

RANEPa, Moscow, Russian Federation
✉leskova-yg@ranepa.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

*Received: 21st February 2024
Accepted: 15th April 2024*

© Лескова Ю.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Leskova, Yu.G. (2024) Book announcement: Krylov, V.G., Samoilov, I.A., Sedgaryan, K.A. (2004) *Business Entity as a Form of Running Business: Textbook*. Moscow, Statut Publishing House. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 464–469. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-464-469>

Основой развития экономики в Российской Федерации (и не только) является бизнес-деятельность хозяйственных обществ. Именно они являются основными работодателями, налогоплательщиками. Поэтому тематика, связанная с хозяйственными обществами, их экономической активностью является крайне актуальной и важной.

Есть множество юридической литературы, посвященной хозяйственным обществам, правовому регулированию их деятельности. И здесь следует выделить исследования таких авторов, как, например, Андреев В.К., Габов А.В., Губин Е.П., Лаптев В.А., Ломакин Д.В., Могилевский С.Д., Шиткина И.С. и многих других.

Кроме того, в основу настоящего учебного пособия легли многочисленные ранее опубликованные исследования в этой области самих авторов.

Безусловно, есть множество как отечественной, так и иностранной литературы, посвященной экономике, финансам, управлению корпорациями при осуществлении ими бизнес-деятельности.

Но большинство исследований в этих различных областях сориентированы на достаточно узкую читательскую аудиторию, на специалистов в конкретных отраслях знаний.

Узкая специализация порождает проблему взаимного недопонимания представителей различных профессиональных сообществ, связанных с различными (юридическими, экономическими, управленческими) аспектами ведения хозяйственными обществами бизнес-деятельности.

Авторы учебного пособия поставили перед собой задачу показать, как те или иные юридические действия, процедуры, понятия и формулировки (например, юридические формы реализации корпоративных прав участников хозяйственных обществ) влияют на экономические и управленческие последствия бизнес-деятельности хозяйственных обществ, интересы их участников.

Решение поставленной задачи предопределило и форму подачи материала. Сложные профессиональные юридические термины, юридические процедуры описываются простым для восприятия «неюридическим» языком, с большим количеством простых для понимания примеров, показывающих неюридические (управленческие, инвестиционные, финансовые) последствия для деятельности хозяйственных обществ, интересов их и их участников.

Как следствие.

С точки зрения авторов (стр.7) учебное пособие может быть интересно и полезно для следующих групп читателей:

1. Студенты юридических ВУЗов.
2. Профессиональные юристы, желающие актуализировать свои знания в определенных областях.
3. Студенты неюридических ВУЗов (экономисты, менеджеры и т. д.), связывающие свою карьеру с работой в корпоративном бизнесе.

4. Преподаватели, читающие как юридические, так и неюридические дисциплины, связанные с деятельностью хозяйственных обществ, организацией бизнеса, управлением, финансами.

5. Профессоры, не имеющие юридического образования, но работающие в корпоративном бизнесе в функциональных сферах, предполагающих наличие определенных знаний в сфере юриспруденции (создание персональных конкурентных преимуществ).

Структурно учебное пособие состоит из семи глав, разделенных на параграфы. В конце каждого параграфа предлагаются вопросы для самоконтроля, а в конце каждой главы содержатся тестовые вопросы, ответы на которые размещены в конце книги.

Глава 1. Хозяйственные общества. История появления. Основные понятия.

Прежде всего, в этой главе анализируется, в чем специфика бизнес-деятельности коммерческих корпораций по сравнению с индивидуальными предпринимателями. Почему именно хозяйственные общества сегодня составляют основу развития национальной (в том числе и отечественной) экономики. Для этого проводится анализ истории развития организационно-правовых форм коммерческих корпораций.

По мнению авторов (с. 20), специфика организационно-правовых форм коммерческих корпораций и специфика реализации корпоративных прав их участников в разные исторические периоды определялась воздействием следующих факторов:

- основные виды предпринимательской деятельности;
- масштаб деятельности хозяйствующих субъектов;
- специфика наиболее значимых для ведения предпринимательской деятельности ресурсов.

Кроме того, анализируется специфика различных организационно-правовых форм коммерческих корпораций, предусмотренных действующим отечественным законодательством.

Специфика деятельности хозяйственных обществ определяется тем, как реализуются экономические интересы участников хозяйственных обществ, реализуются их корпоративные права. Именно поэтому в данной главе особое внимание уделяется базовым формам реализации корпоративных прав участников хозяйственных обществ, дается авторская классификация базовых форм их реализации.

Глава 2. Уставный капитал хозяйственных обществ.

Базовый принцип формирования корпоративных прав участников хозяйственных обществ заключается в том, что их объем пропорционален долям участников в уставном капитале. Именно поэтому вопросы, связанные с формированием уставного капитала, имеют принципиальное значение для бизнес-деятельности хозяйственных обществ. В данной главе и рассматривается вопрос формирования уставного капитала, его функций, специфики формирования уставного капитала в различных организационно-правовых формах хозяйственных обществ.

Глава 3. Реализация корпоративных прав участников хозяйственных обществ.

Интересы участника и общества.

Интересы участников хозяйственных обществ (в том числе, безусловно, право на участие в управлении) оказывают непосредственное влияние на бизнес-деятельность хозяйственных обществ, порождают управленческие, финансовые последствия (как положительные, так и отрицательные), определяют их инвестиционную привлекательность.

В главе рассматриваются следующие вопросы:

- Реализация права на получение капитализации и сохранение активов хозяйственных обществ
- Что получит участник в случае «ухода» из хозяйственного общества
- «Защита» хозяйственных обществ от «несанкционированного» проникновения третьих лиц
- Наследование долей в уставных капиталах хозяйственных обществ
- Получение текущего дохода участниками хозяйственных обществ
- Реализация права на управление в хозяйственных обществах
- Корпоративные права участников и интересы кредиторов
- Корпоративные права участников и интересы инвесторов

При рассмотрении этих вопросов сравниваются не только формы реализации корпоративных прав и их последствия в акционерных (публичных и непубличных) обществах и в обществах с ограниченной ответственностью. Анализируются последствия применения тех или иных формулировок уставов хозяйственных обществ, регламентирующих формы реализации корпоративных прав, в том числе – и в зависимости от специфики видов их бизнес-деятельности.

Глава 4. Органы управления хозяйственных обществ.

Одним из признаков корпорации, определяемых отечественным законодательством, является то, что участники корпорации являются участниками ее высшего органа управления (неимущественное корпоративное право на управление). Но непосредственно, в зависимости от компетенции, бизнес-деятельностью хозяйственных обществ управляют различные органы управления, принимая и реализуя соответствующие решения. В этой главе, прежде всего, рассматривается возможная структура органов управления хозяйственными обществами, принципы формирования их полномочий. Но непосредственно деятельностью хозяйственных обществ руководит Единоличный исполнительный орган, действующий от их имени на основании устава. В связи с этим возникает проблема рисков принятия ЕИО решений, не отвечающих интересам как самого общества, так и его участников (ошибка либо даже злой умысел). В технике есть термин «защита от дурака» – как защитить технику от непрофессиональных действий пользователя. Для успешной бизнес-деятельности хозяйственных обществ также целесообразно применять подобные системы через рациональное перераспределение полномочий между органами управления. Авторы рассматривают принципы внедрения подобного корпоративного механизма «защиты от дурака» в зависимости от специфики деятельности хозяйственных обществ и видов их активов.

Единоличным исполнительным органом хозяйственного общества может быть как сотрудник (работающий по трудовому контракту), так и управляющий в статусе индивидуального предпринимателя (действующий на основании гражданско-правового договора). Какие преимущества и недостатки есть у этих форм реализации полномочий ЕИО? Кроме того, в качестве Единоличного исполнительного органа хозяйственного общества может выступать и юридическое лицо – управляющая организация. В каких случаях и при каких условиях целесообразно применение этого механизма в бизнес-деятельности хозяйственных обществ? Что такое «множественность» единоличного исполнительного органа, в каких формах она реализуется и

насколько она целесообразна для использования? Все эти вопросы и рассматриваются в данной главе.

Глава 5. Корпоративный договор.

Крайне интересным инструментом в обеспечении деятельности хозяйственных обществ является корпоративный договор, позволяющий их договориться о совместной реализации своих корпоративных прав. Кто может быть участником корпоративного договора, на чьи интересы, права и обязанности он оказывает влияние, какова ответственность за неисполнение участниками корпоративного договора? Эти вопросы рассматриваются в данной главе. При этом учитывается специфика организационно-правовых форм хозяйственных обществ и форм реализации корпоративных прав их участников.

Сам механизм корпоративного договора с момента его появления в отечественном законодательстве вызывает множество вопросов. Ответы на многие из них дает проведенный авторами анализ судебной практики.

Глава 6. Юридическая ответственность в хозяйственных обществах.

Как известно, по общему правилу, ответственность участников хозяйственных обществ ограничена тем, что они потратили на приобретение ими своей доли в уставном капитале. С экономической точки зрения это именно так. Но ведь при реализации своих корпоративных прав (и прежде всего – права на управление), участники могут спровоцировать возникновение негативных последствий разного уровня для общества, других участников, контрагентов, кредиторов и так далее. И в этом случае у участников возникает юридическая ответственность за их действия (бездействие), не ограниченная стоимостью доли в уставном капитале.

Как, при каких условиях участники хозяйственных обществ несут не только имущественную ответственность, ограниченную стоимостью доли в уставном капитале, но и гражданско-правовую, и административную, и даже уголовную ответственность? Эти вопросы рассмотрены в данной главе.

Глава 7. Хозяйственные общества в постиндустриальной экономике.

Современное корпоративное право, его базовые принципы формировались в условиях становления и развития экономики индустриального типа. Базовый принцип формирования корпоративных прав участников хозяйственных обществ: объем корпоративных прав пропорционален доле участника в уставном капитале. А доля участника определяется стоимостной оценкой его вклада.

Но сегодня мир вступил в новый этап – этап постиндустриальной экономики. Наиболее значимым становится ресурс в виде новой идеи, компетенций, «креатива». Но для формирования уставного капитала такой актив должен иметь стоимостную оценку, которой зачастую невозможно дать в силу уникальности соответствующего «ресурса». Вопросам классификации хозяйственных обществ, действующих в постиндустриальной экономике, исходя из видов их деятельности специфики необходимых для этого активов, проблемам формирования и увеличения их уставного капитала и реализации корпоративных прав их участников и посвящена эта глава.

Данное учебное пособие является действительно оригинальным как с точки зрения рассматриваемых, имеющих принципиальное значение для хозяйственных обществ как формы ведения бизнеса проблем, так и с точки зрения восприятия информации различными категориями читателей.

Сведения об авторе:

Юлия Геннадьевна Лескова – доктор юридических наук, профессор, Юридический факультет им. М. М. Сперанского, РАНХиГС; 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82

SPIN-код: 6540-7447

e-mail: leskova-yg@ranepa.ru

About the author:

Julia G. Leskova – Doktor of Legal Sciences, Full Professor, M. M. Speransky Faculty of Law, RANEPa; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

SPIN-code: 6540-7447

e-mail: leskova-yg@ranepa.ru